

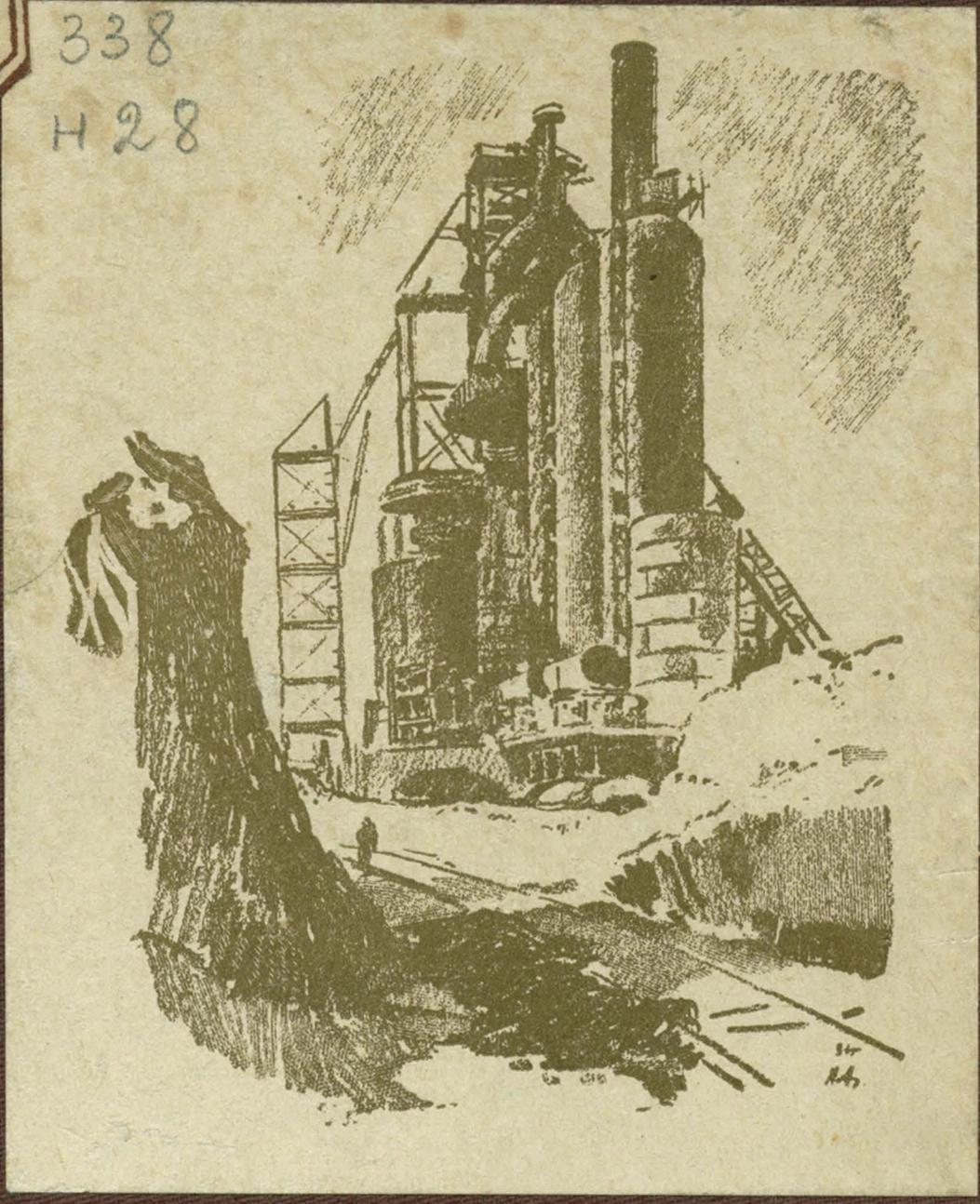
63.3(2Pce-15)

H&S

M38343

338

H28

СЕМ. НАРИНЬЯНИ

Д О Р О Г А
В С О В Е Р Ш Е Н Н О Л Е Т И Е

121

на
пер
а е
др
пр
же
алх

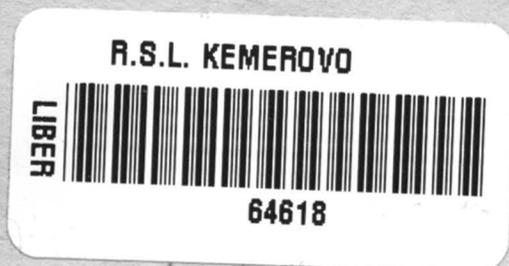

сем. нарињњани

M 38343 A

63.3(2Poc75)

H 28

дорога

в

совершеннолетие

11415

W

EXCESS M

~~65294~~

Редактор Дондыш. Техредактор Царевич. Сдано в производство 13/IV—32 г.
Подписано к печати 5/VII. М. Г.—3189. Инд.—Д—О. Уполном. Главлита Б-19913.
Тираж 10300. Формат 82×110—¹/₃₂. 6,3 авт. л. 252.000 зн. 5-я тип. «Пролетарское слово»
треста «Полиграфкнига». Москва, Каланч. тупик 5/3.

вместо предисловия

Июнь 1930 г. XVI партийный съезд принимает решение о создании на востоке второй угольной металлургической базы СССР.

«Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири».

XVI партийный съезд выдвинул перед страной конкретную задачу ближайших лет—создание Урало-кузнецкого комбината.

Прошло полтора года.

Январь 1932 г. XVII партийная конференция подводит первые итоги выполнения этой задачи. Рабочий класс отвечает своей партии пуском Уралмедьстроя, Уралмашстроя, пуском первой очереди Кузнецкого металлургического комбината и наконец пуском основного звена Урало-Кузбасса—Магнитогорского комбината.

Один за другим вступают в строй основные агрегаты Магнитогорского комбината.

5 апреля 1931 г. километровая железобетонная плотина преградила путь верховью реки Урала, и у горы Магнитной образовалось огромное озеро. 20 млрд. литров воды было заготовлено для пуска домен.

15 мая вступил в строй величайший в мире рудник на горе Магнитной. Рудник, который таит в своих недрах 300 млн. тонн руды для магнитогорских и кузнецких домен.

20 октября 1931 г. вступила в строй первая очередь крупнейшей в Европе Магнитогорской электрической станции.

26 декабря восьмая коксовая батарея Магнитогорского комбината приняла первую партию кузнецкого угля для того, чтобы выбросить на колошник магнитогорской домны кокс.

Наконец 1 февраля 1932 г., в дни XVII партконференции, дала чугун первая домна Магнитогорского комбината.

Магнитострой—это величайшая в мире стройка. Центральный комитет партии поставил перед магнитогорскими строителями задачу:

—Сделать строительство Магнитогорского завода практической школой создания новых методов и форм социалистического труда, техники и подготовки кадров на дальнейшую индустриализацию Союза.

Магнитогорский комсомол своей работой на стройке металлургического комбината практически доказал, что он дерется за это указание партии. За два года магнитогорская организация выросла из полусотни комсомольцев в 12-тысячный отряд.

Магнитострой по своему людскому составу является стройкой молодых кадров. 60% рабочего коллектива составляет молодежь. Среди 2¹/₂ тыс. инженерно-технических работников строительства значительная часть прошла учебу в наших советских втузах. Молодой состав кадров повышал роль комсомола на стройке.

Сейчас вся страна, весь ленинский коммунистический союз молодежи знает, что магнитогорские комсомольцы строят самую большую в мире домну и связанные с этой домной агрегаты комбината.

Магнитогорский комсомол создал молодежный строительный конвейер. Идея постройки собственными силами домны вызвала активный отклик у комсомольцев всех других строительных участков.

Комсомольцы горы Атач решили разработать собственными силами самый верхний горизонт рудника, чтобы снабжать комсомольскую домну рудой комсомольского рудника.

Комсомольцы центральной электрической станции монтируют собственными силами котлы, турбины, углеподготовку и распределительные устройства под лозунгом:

«Пар комсомольского котла—комсомольской турбине, ток комсомольской турбины—комсомольской домне».

На коксохимическом комбинате комсомольцы вели кладку нескольких печей и монтировали всю седьмую коксовую батарею, чтобы коксом комсомольской батареи обеспечить работу комсомольской домны.

На воздуходувной станции молодежь монтировала котел и турбину, чтобы дутье комсомольских агрегатов шло для эксплуатации комсомольской домны.

Этот исключительный по своей грандиозности молодежный строительный конвейер охватил почти все строительные участки. Железнодорожный транспорт создал комсомольские хозрасчетные паровозы, гараж—комсомольские ударные автоколонны, Землестрой—хозрасчетные комсомольские экскаваторы—все под лозунгом:

«Помочь комсомольскими силами постройке комсомольской домны».

Этот конвейер был создан не сразу. Сначала шел подбор активных молодых производственников, затем сколачивались молодежные бригады. Уже на плотине комсомольцы начали пробовать собственные силы и строили молодежными бригадами отдельные бычки и арки.

После IX съезда ВЛКСМ магнитогорские комсомольцы решили взять на себя постройку домны № 2. IX съезд отметил, что за успешную постройку Урало-Кузбасса отвечает весь комсомол СССР. Отдельные организации (Ленинград, Днепропетровск, Москва, Свердловск и др.) быстро включились в постройку Магнитогорского комбината. Комсомольцы брали под контроль своевременное изготовление оборудования для Магнитостроя. На заводах создавались специальные комсомольские бригады им. Магнитостроя. Комсомольцы отправляли оборудование для Магнитостроя специальными маршрутами. Таким обра-

зом в строительный конвейер магнитогорского комсомола включились комсомольские организации промышленных центров нашего Союза. Из этого не нужно конечно делать поспешных выводов о том, что борьба магнитогорских комсомольцев велась исключительно на комсомольских агрегатах. Комсомольские бригады бились за большевистские темпы буквально на всех участках.

Благодаря правильному и повседневному руководству партии магнитогорский комсомол сумел мобилизовать десятки тысяч молодых землекопов, плотников, бетонщиков и монтажников на боевой стройке крупнейших в мире агрегатов.

Общеизвестно внимание и практическое участие в руководстве магнитогорской стройкой Центрального комитета партии уралобкома. В решающие моменты партия во-время приходила на помощь Магнитострою. При непосредственном руководстве ленинского ЦК расставлялись и перестраивались на ходу руководящие силы магнитогорского строительства.

На самой площадке благодаря крепкому партийному руководству выковался в борьбе за металл стойкий отряд из 12 000 коммунистов. Усилиями этого отряда, за которым шла и идет вся армия магнитогорских строителей, были преодолены не только физические и технические трудности. В самые трудные для Магнитогорска дни притаившийся классовый враг открывал свое забрало, агитируя за уход со стройки, организуя на отдельных участках поджоги, обрывая провода электрической сети, подрезывая тросы на монтаже доменных печей. Классовый враг пытался орудовать и в рабочих бараках и на производстве. Только благодаря бдительности партийной организации, сумевшей мобилизовать вокруг поставленных перед магнитогорским строительством задач весь рабочий коллектив, своевременно разоблачались и подавлялись эти попытки классового врага.

Наруку классовому врагу работали оппортунисты, которые в самые тяжелые времена стройки готовы были сложить оружие, сдаться перед отдельными затруднениями. Это были отдельные руководители монтажных работ и огнеупорной кладки в до-

менном цехе. Это были враги хозрасчета, видевшие в нестроогого судью их собственной технической и хозяйственной беспомощности. Не будь в Магнитогорске сильного партийного ядра, умевшего во-время дать решительный отпор оппортунистическим вылазкам отдельных работников на разных участках, Магнитострой не пришел бы к завершению строительства первой очереди в такой короткий срок. Верным помощником партии во всей этой борьбе был магнитогорский комсомол.

Сейчас закончился первый этап магнитогорского строительства. Завод первой очереди вступил в строй. Огромный опыт магнитогорского комсомола, накопленный им в борьбе за постройку Магнитогорского комбината, необходимо перенести на другие строительства. Печатаемые нами очерки и ставят себе целью рассказать ленинскому комсомолу об опыте магнитогорской организации.

Те большие победы, которые имеются в активе магнитогорской организации, достигнуты главным образом благодаря тому, что магнитогорцы под руководством парторганизации сумели включиться в борьбу за выполнение решений партии и сделать строительство Урало-Кузбасса свое йповседневной заботой.

справка читателю

Товарищ, ты работаешь в Ленинграде на заводе имени Сталина. В цехах твоего завода на машинах висят лозунги:

**РАБОЧИЕ ПОМНИТЕ, ЧТО ЭТУ ТУРБИНУ
ВЫ ДЕЛАЕТЕ ДЛЯ МАГНИТОСТРОЯ**

В столовой, в заводском комитете и на заводских воротах тебя каждодневно встречают и провожают все те же плакаты:

**МЫ ИЗГОТОВЛЯЕМ ЗАКАЗ ДЛЯ МАГНИТОСТРОЯ.
ПОЭТОМУ В НАШИХ РЯДАХ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ МЕСТА
ПРОГУЛАМ, РВАЧЕСТВУ И ПЬЯНКЕ**

Днепропетровский завод им. Молотова второй год работает под девизом:

НАШ ПАРОЛЬ — МАГНИТОСТРОИ

Все цехи разукрашены красными полотнищами, на которых крупными буквами надписи:

**МОСТОВИКИ, ОТ ВАШИХ ТЕМПОВ ЗАВИСИТ
ПУСК МАГНИТОГОРСКОГО ГИГАНТА**

Не только в Ленинграде и в Днепропетровске висят такие лозунги, товарищ читатель. На десятках заводов тебя будет встречать горячее слово—**МАГНИТОСТРОЙ**.

Тысячи вагонов ежедневно идут по всем железным дорогам нашего Союза, и на стенах вагонов красуются плакаты:

**ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНИКИ,
ЭТОТ ГРУЗ ПРЕДНАЗНАЧЕН МАГНИТОСТРОЮ
— ГОНИТЕ ГГО БЕЗ ЗАДЕРЖЕК!**

Ты, товарищ, читаешь о Магнитострое в газетах и в книжках, ты слышишь о нем по радио и на собраниях, ты знаешь, что Магнитострой—это грандиозная стройка, ты знаешь, что в Магнитогорске воздвигается самый большой в мире гигант, но что это за гигант, какие цехи будут работать на этом гиганте, что будет выпускать Магнитогорский завод, об этом ты знаешь лишь понаслышке. Мы расскажем тебе подробнее о самой крупной из советскихстроек—о Магнитогорске.

Пятилетний план мы завершаем в четыре года. Мы пустили гигантские заводы в Сталинграде, Керчи, Харькове, Москве, Саратове. Мы строим заводы в Сибири, в Средней Азии, на Украине, в Мурманске, на Северном Кавказе, в Шатурах, на Сахалине, во всех концах Советского союза.

Сотни социалистических заводов требуют чугуна и стали.

Нашим колхозам нужны тракторы, комбайны, сеялки и молотилки. Нашим стройкам нужны железные конструкции, стране нужны рельсы, рабочим—жилища.

Для изготовления всего этого требуется металл.

Заводы советской металлургии не поспевают за быстрым ростом наших потребностей.

До самого последнего времени почти весь металл выплавлялся на юге СССР. Южная металлургия расширяется, реконструируется, и все же она не в силах полностью удовлетворить потребности страны в металле.

Партия решила создать вторую угольно-металлургическую базу на востоке. Здесь, на Урале и в Сибири, недры которых таят в себе сотни миллионов тонн руды и миллиарды тонн угля, мы строим вторую угольно-металлургическую базу—**Урало-Кузбасс**.

Магнитогорский комбинат—самый крупный гигант Урало-Кузбасса. Здесь, у подножья горы Магнитной, пролетарии Советского союза строят комбинат черной металлургии, равного которому нет на всем земном шаре.

Для того чтобы четко представить себе, какое значение для социалистической стройки будет иметь Магнитогорский комбинат, достаточно вспомнить такие цифры: **2¹/₂ млн. тонн чугуна даст в 1933 г. Магнитогорский завод**; Магнитогорский завод будет выплавлять металла больше того количества, которое выплавлялось всеми заводами царской России.

Каким образом сможет один завод выбрасывать из домен столько металла? Какие цехи должны быть построены на этом заводе?

Осмотрим магнитогорскую площадку, рассмотрим десятки строительных участков.

Гора Магнитная. Отсюда, с вершины Атача, видна вся строительная площадка. По ней бегают десятки паровозов, на ней работают сотни механизмов, на территории ее живут и дерутся за социализм тысячи рабочих.

Здесь, в недрах горы Магнитной, таятся железорудные запасы будущего гиганта. Здесь находятся несметные богатства Советского союза. Триста миллионов тонн высокосортной руды скрывает в себе гора Магнитная. На руднике горняки бурят и взрывают эту руду, огромные экскаваторы грузят руду на платформы и отвозят ее вниз,

Рудник горы Магнитной Атач является самым крупным рудником в мире. Руда горы Магнитной содержит свыше 60% железа.

Чтобы получить из руды железо и превратить его в какую-нибудь часть трактора или комбайна, нужно пропустить руду через ряд технических процессов. От руды надо отделить глину, песок, серу, ее надо выплавить в домнах чугуном, чугун переплавить в мартенах в сталь и потом уже можно делать из этой стали любую машину, катать рельсы и железные балки.

Для нормальной бесперебойной работы Магнитогорского завода, для того чтобы домны, мартены и прокатные цехи его давали стране миллионы тонн чугуна и стали, нужно ежедневно получать из рудника 11-12 тыс. тонн руды.

Магнитогорский рудник будет механизирован до предельной возможности. Рудник Атач разрабатывается уступами. Сначала будут бурить мощные рудные пласты, затем в пробурованные отверстия заложат по нескольку тонн аммонала. Каждый взрыв будет давать около 25 тыс. тонн рудных кусков.

Шесть огромных электрических экскаваторов системы «бьюс-айрес» погрузят эти куски на шестидесятитонные самопрокидывающиеся вагоны—«думпкары», и мощные электровозы повезут эту руду на соседнюю гору Ай-Дарлы.

Тут, на Ай-Дарлы, в промывочных и дробильных фабриках руда пройдет через дробильные машины «трайлор» и «саймонс», не отмоют от песка и глины. На агломерационной фабрике рудные кусочки спекут в лепешки для того, чтобы удалить из нее серу, и таким образом подготовят руду для завалки в домны. С Ай-Дарлы руда пойдет по километровой эстакаде к бункерам доменных печей.

Доменный цех—это сердце Магнитогорского металлургического комбината. На Магнитогорском комбинате строится восемь доменных печей. Каждая печь должна давать в сутки от 1 000 до 1 200 тонн чугуна. Восемь магнитогорских домен будут давать в год 2 500 тыс. тонн чугуна. Если нагрузить этот чугун в вагоны, то он заполнит 2 150 железнодорожных составов и вытянется сплошной лентой от Уральского хребта до Москвы.

Чтобы получить в день из каждой домны тысячу тонн чугуна, надо завалить в печь тысячу шестьсот тонн руды, тысячу тонн кокса, пятьсот тонн известняка и двести тонн других материалов. Желудок каждой магнитогорской домны будет ежедневно переваривать двести вагонов различных материалов.

Это огромное количество руды, кокса и известняка будет подаваться на домны с бункерной эстакады, которая равномерно должна нагружать скиповые вагонетки, отправляющиеся по наклонному мосту на верх домны к колошникам.

В домну снизу в специальные фурменные отверстия вдувается горячий воздух, чтобы горел кокс и расплавлялась руда.

Мощная воздуходувная станция будет накачивать через 16 фурм в домну 3 тыс. тонн воздуха в день. Если перевести это количество воздуха на меры объема, то 3 тыс. тонн преобразуются в 2 500 тыс. кубометров. Человеку для нормального существования нужно ежедневно вдыхать 20 кубометров воздуха. Короче, каждая магнитогорская домна будет получать такую порцию воздуха, которой могут дышать 125 тыс. человек в течение суток.

● Для плавки доменная печь должна нагреваться до 1 500°. Высокая температура быстро разрушает доменную печь. Чтобы этого не было, домны надо все время охлаждать водой. Вода по многочисленным холодильникам будет циркулировать вокруг горна домны и охлаждать его.

В день каждая магнитогорская домна потребует 20 млн. литров воды. Восемь домен потребуют 160 млн. литров. Водой, которая пойдет каждые сутки для охлаждения восьми магнитогорских домен, можно напоить все население Советского союза.

● Когда в горне домны температура достигнет 1 500°, железо начинает плавиться и отделяться от всяких примесей. Расплавленный чугун заливает всю нижнюю часть домны. Все прочие составные части руды всплывают наверх. Чугун готов—его нужно извлечь из печи.

Для этого специальным аппаратом («пушкой») в чугунной летке пробивается отверстие, и по специальным желобам горя-

чие потоки чугуна льются в большие ковши. По железнодорожной линии эти ковши направляются в мартеновский цех.

● В мартеновском цехе из чугуна плавят сталь. Сталь отличается от железа своей крепостью и ковкостью, из нее делают наиболее ответственные части станков и машин. На Магнитогорском комбинате будет три мартеновских цеха. Двадцать восемь мартеновских печей будут превращать чугун в сталь. В год мартеновский цех Магнитогорского завода будет давать 2 670 тыс. тонн стали.

Такое количество стали не дает ни один завод мира, ибо нет еще на земном шаре мартеновского цеха, где одновременно работало бы двадцать восемь печей.

● К мартеновским печам чугун будет подаваться в жидком состоянии огромными 80-тонными ковшами. Вместе с чугуном в переплавку пойдут отходы прокатного цеха. Выпуск чугуна из домен не всегда согласуется с заливкой его в мартеновские печи, поэтому, чтобы сохранить чугун в жидком состоянии, в Магнитогорске строится специальный прибор, называемый миксером.

Магнитогорский миксер будет вмещать и хранить тысячу триста тонн жидкого чугуна. Из миксера жидкий чугун будет подаваться к мартенам в огромном ковше. 125-тонный мостовой кран будет поднимать этот ковш и выливать чугун в мартены.

Одновременно с чугуном в мартеновские печи будет подаваться и твердая шихта из руды, известняка, железного лома, железных стружек и различных стальных обрезков.

● Мартеновские печи Магнитогорского завода будут работать на газе доменных и коксохимических печей.

Этот газ будет подаваться к мартенам по специальному газопроводу. На пути к мартенам доменный газ перемешивается, подогревается до 1 200° и уже в таком состоянии попадает в печь.

Для выплавки стали из чугуна температура мартеновских печей должна достигать от 1 700 до 1 800°. При такой температуре все твердые материалы, заложенные в печь, расплавляются,

претерпевают ряд сложнейших химических изменений, и в результате получается сталь.

● Две плавки каждой мартеновской печи будут давать в сутки по триста тонн стали. Готовая сталь через специальное выпускное отверстие поступает в ковш, который вмещает 165 тонн металла. Наполненный ковш подхватывается мощным мостовым краном и подается к разливочной машине. Тут сталь разливается в формы—изложницы. Вагонетки с изложницами направляются в стриперное здание, которое расположено между мартеновскими печами и прокатным цехом. В этом здании большой мостовой кран будет извлекать остывшие слитки из изложниц, ставить их в вагоны и отправлять в прокатный цех.

● Стальные слитки поступят в обработку прокатного цеха.

Прокатный цех Магнитогорского комбината будет давать в год 2 100 тыс. тонн продукции. Каждый год блюминги этого цеха выбросят из ворот комбината десятки тысяч километров рельсов, сотни тысяч тонн железных балок, швеллеров, различного сортового железа.

Сейчас во всем мире имеется только тринадцать блюмингов. На Магнитогорском комбинате будут работать три блюминга.

Блюминг—это огромный прокатный стан, который обжимает многотонные стальные болванки.

● Советский союз недавно отпраздновал большую победу—наш Ижорский завод выпустил первый советский блюминг. До сего времени блюминги строили только в Германии, в Америке. Там был огромный опыт и высокая техника. У нас опыта в этом деле не было. Ижорские рабочие блестяще справились со своей задачей. Немцы не верили в то, что мы сами сможем по своим чертежам построить блюминг. Мы же вместо двенадцати месяцев сделали блюминг в 8 месяцев и 28 дней. Вслед за первым Ижорский завод выпустил второй блюминг и выпускает третий.

Каждый магнитогорский блюминг сможет выпускать в год около миллиона тонн проката.

Для установки блюмингов в Магнитогорске строится крупнейший цех, длина которого превышает километр, а ширина 350 метров.

Несмотря на то, что наша техническая беседа затянулась, мы успели рассказать, и то крайне схематично, лишь о четырех основных цехах Магнитогорского комбината: горном хозяйстве, доменном цехе, мартенах и прокате.

Кроме металлургического комбината, на Магнитострое строится огромный коксохимический комбинат.

Без кокса нельзя плавить ни чугуна, ни стали. Чтобы получить 1 000 тонн чугуна, в домы надо заливать, кроме других материалов, по 1 000 тонн кокса.

Кокс выжигается из каменного угля. Каменный уголь, который при горении дает много золы, для плавки чугуна не годится. Для получения из угля кокса выбирают определенные сорта малозольного каменного угля, закладывают его в коксовые печи, где он горит с малым притоком воздуха. Таким образом уголь не прогорает, а от высокой температуры из угля улетучиваются все излишние примеси и получается почти чистый углерод—кокс.

Магнитогорский коксохимкомбинат рассчитан на производство 2 750 тыс. тонн кокса. В сутки восемь магнитогорских домен потребуют 3 400 тонн кокса. Для получения такого количества кокса надо загрузить в коксовые печи 11 тыс. тонн угля.

Уголь в Магнитогорск будет доставляться из Сибири. В Кузнецке ((Сибирь)) имеется огромный каменноугольный бассейн. Уголь Кузнецка очень хорошо коксуется. Несмотря на это, мы до сего времени кузнецкий уголь использовали очень мало только потому, что он находится очень далеко от наших промышленных центров. Одна перевозка этого угля из Кузбасса на юг России обошлась бы в несколько раз дороже самого угля. Везти кузнецкий уголь на Магнитострой выгодно, ибо путь здесь в два раза короче. Взамен угля Магнитострой будет давать Кузнецкому заводу сотни тысяч тонн железной руды.

В Кузнецке строится второй металлургический комбинат Урало-Кузбасса, который будет работать на собственных углях и на магнитогорской руде.

Итак, кузнецкий уголь прибыл в Магнитогорск. Здесь эшелоны его попадут в первое звено коксохимического комбината,

именуемое углеподготовкой. В угольных ямах, дробилках, силосах и смесительном отделении углеподготовки кузнецкий уголь будет сортироваться, очищаться, дробиться, шихтоваться и по длинному мосту направляться транспортерами в огромную башню—турму.

С турмы начинается вторая часть коксохимкомбината—коксовая. Каждая магнитогорская турма будет хранить 6 тыс. тонн угольной шихты—суточный запас для двух коксовых батарей.

Из угольной башни уголь отправляется в вагончике на загрузку в коксовые печи.

Магнитогорский коксохимкомбинат будет иметь восемь коксовых батарей, в каждой из них по 69 коксовых печей. Из коксовых печей готовый кокс отправляется через тушильные башни в коксортировку и на дому.

Третья часть коксохимкомбината называется рекуперацией. При горении угля в печах выделяется очень много ценных химических продуктов. На Магнитогорском коксохимкомбинате эти продукты будут улавливаться и перерабатываться на химическом заводе в ценные удобрения для колхозов и в различные химические продукты, необходимые стране.

Для домен коксохимкомбината, мартеновского и прокатного цехов нужно огромное количество воды и электроэнергии.

Первого апреля 1931 г. Магнитострой праздновал свою первую большую победу. Ударники окончили самую длинную в мире железо-бетонную плотину, которая преградила путь реке Уралу, заставила ее заполнить большой пруд.

В Москве около тысячи фабрично-заводских предприятий и около трех миллионов жителей. Москва потребляет огромное количество воды, и, как ни странно, если бы всю мощность московского водопровода перенести к подножью горы Магнитной, то из восьми доменных печей были бы обеспечены водой только четыре. Для бесперебойной работы обоих магнитогорских комбинатов мощность магнитогорского водопровода должна в два раза превышать мощность водопровода Москвы.

Даже тот пруд в 13 квадратных километров, который сейчас имеется на Магнитострое, не может удовлетворить водой все цехи комбината. Это заставило управление строительством развернуть изыскания по реке Уралу, с тем чтобы с нынешней весны начать работы по постройке второй плотины.

Кроме воды, Магнитогорскому комбинату нужно огромное количество электроэнергии. На берегу пруда сейчас строится центральная электрическая станция мощностью в 248 тыс. киловатт.

Только одна турбина Магнитогорской электростанции в 50 тыс. киловатт будет заключать в себе всю мощность Волховстроя. Таких турбин на Магнитогорской электростанции будет четыре. Кроме того одна турбина установлена на 24 тыс. киловатт и две по 12 тыс. киловатт.

Что же сейчас готово на Магнитогорском комбинате и что еще будет построено?

Готовы цехи комбината первой очереди. Готов и эксплуатируется рудник на горе Атач и рудодробильная фабрика на горе Ай-Дарлы. Готовы две коксовые батареи по 69 печей каждая. Смонтированы на ЦЭС три турбины на 48 тыс. киловатт, готовы плотина и водохранилище, готовы огнеупорные и механические цехи и наконец готовы две доменные печи, одна из которых уже дает чугун, а вторая, комсомольская, вступит в строй в ближайшие дни.

Строятся мартеновский цех и прокатный. Закончена кладкой третья коксовая батарея и готовы фундаменты для второй пары доменных печей.

Должно быть еще выстроено—вторая очередь ЦЭС, пять коксовых батарей, шесть доменных печей, рудопромывочная и агломерационная фабрики, мартеновский и прокатный цехи второй очереди.

Пуск комбината на полную мощность намечен первого октября 1932 г.

На двух комбинатах горы Магнитной будет работать около 20 тыс. постоянных кадровых рабочих.

Два года тому назад здесь, под горой Магнитной, была обнаженная степь. Сейчас завод первой очереди уже пущен. Огромная работа по постройке цехов, жилищ, столовых, клубов, железнодорожных путей, рудника и плотины потребовала напряженных усилий не одного десятка тысяч рабочих. Сейчас на площадке Магнитостроя работает 60 тыс. человек. Там, где два года тому назад не было ни одного дома, раскинулся большой город на 180 тыс. человек. Город этот временный, в основном деревянный.

Постоянный город Магнитогорского металлургического комбината строится на левом берегу реки Урала. Этот город будет городом **социалистическим**. Большие пятиэтажные каменные дома, вместительные театры, ясли, детские сады, школы, техникумы и втузы строятся в этом городе, чтобы рабочие вступившего в строй Магнитогорского комбината жили в культурной обстановке, которой достойны строители социализма.

дорога в совершеннолетие

Каждая стройка делит свою жизнь на три периода: **детство, отрочество и юность.**

Свои младенческие годы стройка проводит в земле.

Здесь, на земле, растягивается первая палатка топографа. Сюда приходят первые люди стройки. Отсюда, от первой ямы, вырытой лопатой землекопа, собственно и начинается жизнь стройки.

Детство стройки—это шурфы, котлованы, траншеи и забои. Люди, няньчащие стройку в младенчестве,—это землекопы, грабари, топографы, экскаваторщики и путейцы.

Невелик набор специфических слов в детские годы строительства: кирка, лопата, грабарка, кубометр, харч, кипяток, прораб, чертеж, котлован, палатка, сенокос и деревня.

Земля—это детство каждой стройки. Сюда, к земле, приходят первые люди стройки—люди земли. Эти люди на стройке сначала толкуют больше о сенокосе и деревне, чем о чертежах и котлованах.

С ростом стройки растут и люди. Парной запах земли сменяется смолистым запахом сосновой опалубки. И вот, когда шум бетономешалок начинает заглушать шум грабарок, стройка вступает во второй период своей жизни.

Бетон—это отроческие дни стройки. На смену грабарям и землекопам приходят плотники, арматурщики, бетонщики и каменщики. Арматурщики плетут на дне котлованов хребты фундаментов. Плотники прячут железные хитросплетения арматурщиков в тела опалубки, чтобы бетонщики спокойно могли залить бетоном будущий каркас цехов.

Люди бетона—это вчерашние люди земли, которые смотрят в металлическое завтра стройки.

Подымающиеся бетонные этажи завода увлекают в своем росте и людей. Люди бетонной эры стройки—ее отроческих дней—меньше говорят словами земли и сенокосов. Их лексикон уже отражает механизацию: опалубка, раскосы, арматура, семиосьминное железо, кусачки, клещи, бетономешалки «ибах»,

«кайзер», «егер», лебедки, замесы, соревнование, план, инженеры, зарплата, бараки. Даже грабарский «харч» бетонщики заменяют словом «обед».

Юность стройки приходит после бетона, когда появляются люди железомонтажа. Они, монтажники, прячут бетонные скелеты цехов в стальную броню. Они дорисовывают последние контуры вздымающихся цехов, они собирают машины в пустых коробках только что выстроенных зданий, подводят к ним электрические и воздушные кабели. Они включают рубильник, и ток, пущенный их рукой, завершает совершеннолетие стройки. В шуме машин начинает жить новый, только что пущенный гигант пятилетки.

Месяцы младенчества комсомольской домны—уже достояние пройденных дней.

Хроника этих дней—длинный перечень кубометров, бетонных замесов, комсомольских мобилизаций, аварийных дежурств и штурмовых ночей. Разве иссякнут из памяти августовские ночи, когда строительные участки бились в аварийных судорогах?

Магнитогорские ночи изобиловали множеством неожиданностей.

В 10 часов вечера внезапно прекращалась подача электроэнергии домнам. Мрак затоплял котлованы, и люди впотьмах, спотыкаясь, бежали к остановившимся бетономешалкам вывалить на землю еще незатвердевший бетон.

В 10 часов 30 минут утра электроэнергия появлялась так же внезапно, как и исчезала, но приходила тревожная весть с эстакады: щебень кончается, а камнедробилка и не собирается отправлять новое пополнение его.

К 2 часам ночи прибывал щебень, но прекращалась подача воды.

В 3 часа водопроводные трубы наполнялись влагой, зато электроэнергия уходила в отгул, и домна вновь погружалась во мрак.

Ночные аварии изводили инженеров, возмущали ударников, разлагали неустойчивые артели и гнали вниз кривую производственных показателей.

В августе 1930 г. на Магнитострое было проведено несколько ночных налетов с целью установить, как на участках борются с авариями.

Налеты обнаружили, что на всех участках, кроме плотины, отсутствовали дежурные-профсоюзники и члены бюро ячеек. Дежурные же хозяйственники или безмятежно спали, положив себе под головы лопаты, или метались от телефона к телефону, тщетно моля о помощи.

В сентябре райком комсомола объявил тревогу.

Комсомол опоясал стройку ночным молодежным дозором. Цепь комсомольских дежурных стала на страже производственного плана.

Пунктирными точками разбежались молодежные посты от райкома к участкам, и ночь перестала быть страшной.

С 8 часов вечера и до 8 часов утра звонил телефон в прокуренной комнате райкома, и по гудящим проводам мчались приказы, сообщения, просьбы и брань.

В 10 часов вечера звонил дежурный домны.

— Говорит Якубовский,—сообщал аппарат.—У нас нет щебня, в котлованах приостанавливается бетонировка, выполнение плана срывается.

В 10 часов 2 минуты дежурный райкома, соединившись по телефону с камнедробилкой, кричал в трубку:

— Опять скандал! Почему домна без щебня?

— Да потому без щебня, что его грузить некому,—спокойно ответствовала камнедробилка.

— Как некому?—возмущался дежурный райкома.

— Да так, некому и все. Рабочих нет.

— Ну ежели так, давай к телефону дежурного комсомольца.

— Дежурный!—говорит райком.—Где люди? Почему домна без щебня? Как, и ты отвечаешь—нет? Мы должны забыть слово «нет»! Щебень должен быть на домне, производственному плану нет дела до того, что у вас нехватает людей. Беги в бараки и буди комсомольцев. Вам дается час на погрузку щебенки.

В 10 часов 30 минут камнедробилка сообщает дежурному райкома:

— Щебень грузится на платформы. Скорей высылайте паровоз за составом.

В 10 часов 35 минут дежурный сортировочной станции уже осведомлен о вагонах со щебнем. Он мчится по путям и кричит машинисту маневрового поезда:

— Давай, дружок, на камнедробилку! Состав на домну прогнать надо.

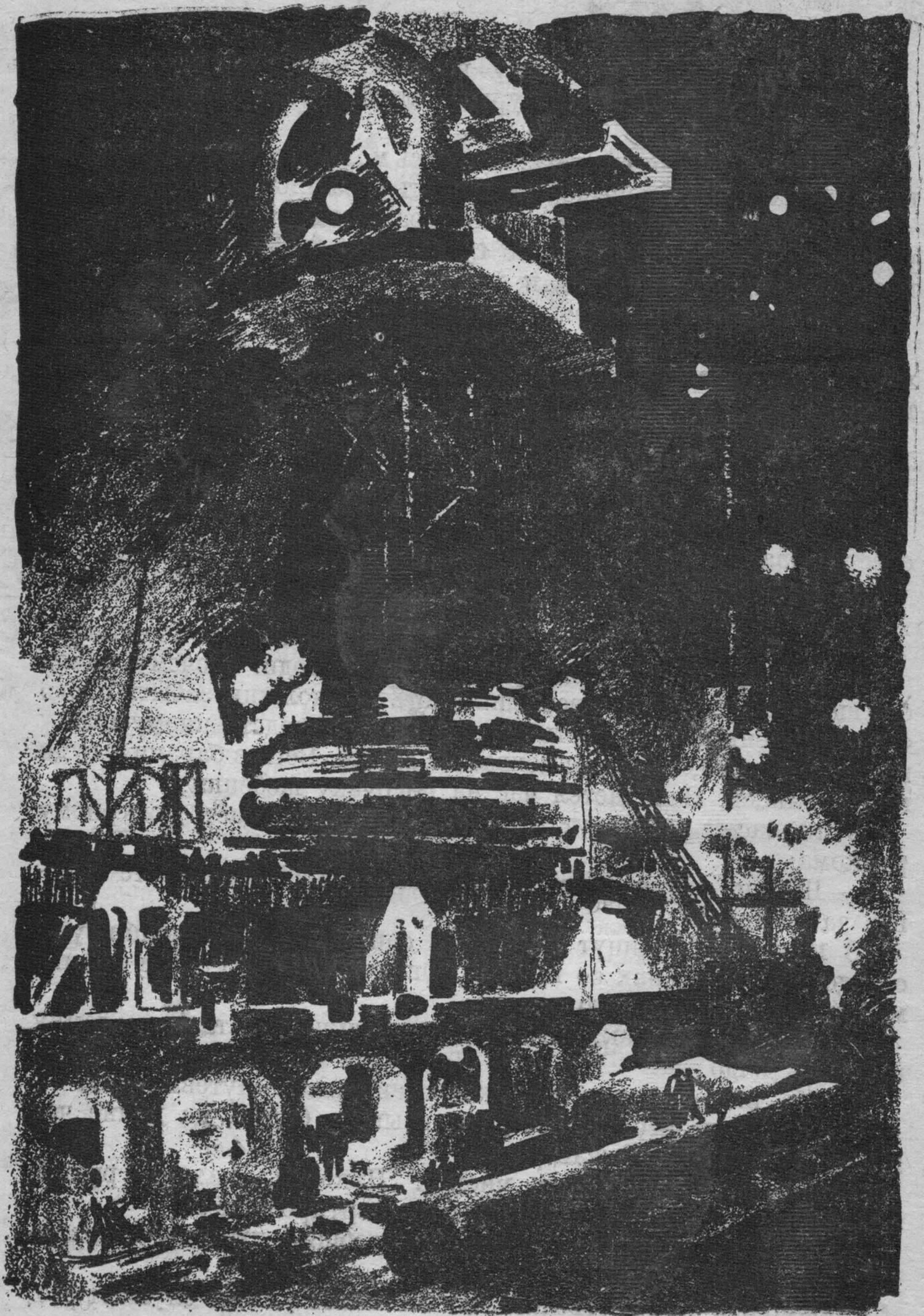
— Не имею права,—заявляет машинист,—путевки нет.

— Так пока тебе путевку выписывать будут, на домне час простоя запишут. Езжай!

Маневровый машинист мнется. Наконец, махнув рукой, он кричит дежурному комсомольцу сортировочной:

— Я поеду, только ты на стрелки сообщи и путевку у начальника выпиши.

Дежурный что-то отвечает, но машинист уже не слушает его, паровоз дает пары и трогает на камнедробилку.

Домна № 1 ночью

В полночь дежурный проверяет поеты и записывает, как движется маршрут со щебнем.

В час ночи снова звонок:

— Говорит дежурный домны. Прораб просит передать благодарность комсомольскому райкому. Щебень прибыл, простоя не было.

В 1 час 7 минут опять звонок:

— Дежурный горы у телефона. На Атаче нет воды. Буровая стала, механические мастерские замариновали наш заказ на водопроводную муфту.

В 1 час 15 минут дежурный по механическому цеху Пронин уже сообщает в райком:

— Заказ действительно не выполнен. Приходится самому нарезать муфту.

В 2 часа 20 минут Пронин передал горе готовый заказ.

В 2 часа 40 минут с насосной станции выехала на Атач комсомольская бригада слесарей. В 4 часа ночи буровая снова работала.

Пока комсомолец Пронин нарезал муфту для горы, дежурный райкома успел записать около десяти донесений:

Плотина. Прогулов нет, простоев нет, забетонированы две арки.

Транстрой. У экскаватора лопнул тормоз. Простой 5 часов, две платформы сошли с рельсов,—простой 1 час 15 минут.

Овощехранилища. Простоя нет, прогул один.

ЦЭС. Простоев нет, прогулов нет.

Желдорога. На пути к мартеновскому цеху расширился путь, паровоз с составом простоял 20 часов. Дорожные мастера бездействовали, утверждая, что дорога в полном порядке.

Плотина. Кончаем бетонировать третью арку. Аварий нет.

Домна. Бетонировка котлована второй домны идет полным ходом; особенно хорошо работает бригада бетонщиков Гимадеева и такелажник Рублев, дежурный на бетонолитной шахте.

Наступает утро. Телефон бушует попрежнему. Он несет на себе все тяготы аварийной ночи, звонки его тревожны, но вот постепенно успокаивается и он.

7 часов. Утренняя смена принялась за работу, раздается последний звонок, и дежурный свободен.

Телефон умолкает. Притихшим котенком стынет на стене черная коробка аппарата в ожидании следующей ночи. Дежурный в последний раз просматривает книгу сводок и идет к двери.

Так комсомольцы взнуздали магнитогорскую ночь.

Так смирили они аварийный вихрь, задушив его петлей комсомольского дозора.

Так завоевали они авторитет у прорабов и ударников, сокращая количество ночных простоев.

В сентябре 1930 г. молодежная бригада Редина дала в котловане комсомольской домны первый урок большевистского упорства. Тридцать шесть часов ребята не поднимались наверх, вышивая дюймовой арматурой позвонки доменного пня. Кончить работу на пятидневку раньше планового срока, когда на участке достижением считалось двадцатипроцентное выполнение задания, означало показать новые, подлинно большевистские темпы.

Молодежная бригада Редина возглавила в Магнитогорске **ударный поход за план.**

В октябре 1930 г. молодежные бригады Гимадеева и Оськина в борьбе за встречный установили на домне первые социалистические рекорды. Их смены дали по 415 замесов бетона первой марки.

Земля и бетон комсомольской домны имеют свою биографию, где дни героических побед преодолевают дни прорывов, ложась фундаментом наступающим дням строительной юности. Юность же домны приходит после бетона, когда на башмаках и фундаментах появляются металлисты—люди железомонтажа.

Сейчас их много. Они бригадами вошли в коллектив домны № 2. Они каждодневно бились и бьются за совершеннолетие домны, в то время как им самим еще нужно не мало прожить, чтобы достигнуть собственного совершеннолетия.

Не надо обращать особого внимания на бакенбарды Рублева, которые уютно пристроились на щеках главаря такелажной бригады. Трудно объяснить его манипуляции со своей растительностью. Видимо, он мобилизует все внутренние ресурсы, чтобы увенчать свой внешний облик—облик бригадира—лишним, на деле еще не прожитым им десятилетием. Но Рублев отпускает бороду совершенно напрасно. Рублева и так уважают. Уважают, ценя его за умение искусно орудовать многотонными колоннами и листами комсомольской домны.

Рублева любят на комсомольской домне все. Американец Калдер знает Рублева еще по Сталинградскому тракторному, когда тот был рядовым такелажником в краснознаменной бригаде Петунина и творил вместе со всей бригадой чудеса.

Американец Стак узнал Рублева на Магнитстрое. Глава инженеров фирмы «Артур Макки и К^о» спортсмен Стак заинтересовался бицепсами Рублева и отдал бригадиру такелажников место в своей памяти в разделе русских диковинок.

Рублев значился, по письмам Стака в Клевленд, потомком «рашен богатырей из семейства Алешей Поповичей».

Мистер Стак сначала пробовал нокаутировать Рублева метким ударом олы ного боксера, но так как ему не удалось спра-

виться с Рублевым, то он решил сделать Рублева своим учителем и обогатить свои познания в области русской ругани.

Так Рублев вошел в доверие к мистеру Стаку и начал в свою очередь постоянно перенимать у американца опыт строительной техники. От бокса и уроков ругани Рублев перешел к производственным спорам и часто заставлял главу американских инженеров сбрасывать на морозе клетчатую шубу и соревноваться с таклажниками на более быструю установку опорных колонн.

Рублев был первым на комсомольской домне, кто от подъема бетонолитных свечей перешел к подъему железных листов доменной шахты.

На доменном пне появились металлисты: котельщики, слесаря, чеканщики, сверловщики, автогенщики, клепальщики, сборщики, монтажники и таклажники.

Они шли на призыв магнитогорской комсомолки строить своими руками самые большие в мире домны.

Клепальщик Мамыкин принес из Чусовой свое умение орудовать раскаленными заклепками. Сорокин, Петунин, Левандовский и Богатырев пришли сюда, к магнитогорским домнам, со Сталинградского тракторного завода.

Иван Байрак с братом Мишкой успели за свою двадцатидвухлетнюю жизнь принять участие в стройке трех домн и сейчас пришли в Магнитогорск, чтобы выстроить четвертую, наибольшую в мире.

Их много. Они шли и идут. Шли одиночками и группами. Самотеком и по вербовке. Шли с разных концов, но к одной цели—к «магнитогорской комсомолке».

Горком комсомола мобилизовал им в помощь десятка два металлистов из собственных резервов.

Ишмаков, Данилин, Девятовский и многие другие вошли в комсомольскую двадцатку и, бросив свои котельные цехи и механические мастерские, заявили на домну № 2.

Пока шли споры, пока шла борьба за выделение комсомольской домны в самостоятельную хозрасчетную единицу,—про-раб домны, инженер-комсомолец Заслав, собрал с участков «диких» молодых ребят без квалификации, присоединил к ним комсомольцев-землекопов и начал читать лекции о железном монтаже, сжатом воздухе и горячем металле.

Мамыкин и Богатырев, Ишмаков и Девятовский учили ребят после лекций орудовать пневматическими молотками, поддержками и обжимками.

Так ковались кадры. Так землекоп Курбан-Галиев, чернорабочий Крылов, безпризорник Густов и смоленские пастухи Крутяков и Батяев превратились в заправских клепальщиков.

Одновременно с клепальщиками шло обучение нагревальщиц. Барачные уборщицы, буфетные официантки, кубовщицы и просто иждивенки раздували горны и учились подавать хорошо разогретые заклепки Крылову, Ишмакову и Девятовскому.

Кадры комсомольской домны подбирались и обучались по-утно с монтажем. Монтаж не ждал. Монтаж проводился упорно, и никакая сила не могла бы его приостановить.

Рублев шел во главе коллектива. Он подымал колонны и ставил листы. За ним шли сборщики из бригад Мараховского и Жавкина. Они забалчивали листы, завинчивали до отказа гайки и подымались выше за такелажниками.

Вслед за сборщиками шли клепальные бригады Мамыкина, Богатырева, Ишмакова, Девятовского и Данилина. На доменной шахте шла пулеметная канонада. Со всех сторон в фартуки подручных летели раскаленные заклепки, которыми клепали листы: заклепки украсили кожанку кожуха многотысячными рядами блестящих пуговиц.

Бригады шли сплошной цепью. Никто не хотел отстать. Если Рублев работал две смены, то Мараховский с ребятами мог работать все три, чтобы не задержать клепки.

В сорокаградусный февральский мороз, когда Рублев начал установку колонн, все бригады сошли вниз. Руки отказывались держать молотки, заклепки стыли на ветру и шестиятмосферное давление компрессоров оказывалось недостаточным, чтобы вогнуть заклепки по местам. Работа приостанавливалась. Тогда наверх полез Богатырев со своей бригадой. Он шел по пятам Рублева и клепал все 16 колонн.

В феврале 1931 г. при сорокаградусном морозе Богатырев поставил всесоюзный рекорд на комсомольской домне—вогнал в смену при ручной клепке 435 дюймовых заклепок.

На сборке и клепке шахты комсомольцы завоевывали практическим делом авторитет искусных строителей.

До этого «комсомолку» дружественно хлопали по плечу, о ней сочувственно говорили, но ей не помогали.

Комсомольцы восстали против такого отношения. Они добились того, что их домну выделили в отдельную хозрасчетную единицу. Комсомольцам разрешили сформировать собственные бригады.

Дни и ночи шла клепка железного кожуха. Бригады Рублева, Мараховского, Байрака, Богатырева, Мамыкина, Данилина, Ишмакова, Девятовского и Курбан-Галиева забыли, когда собственнo начинается и когда кончается рабочий день.

5 июня комсомольская домна догнала и перегнала домну № 1. Американский инженер мистер Стак заявил во все услышание

Такелажник
Петунин.
Пришел
к магнитогорским домнам
со Сталинградского тракторного.

Тов. Володарский, ударник монтажа на ЦЭС.

— Русские комсомольцы поразили меня. Еще вчера они были простыми чернорабочими, а уже сегодня пневматические молотки повинуются им, как прирученные звери. Комсомольцы, — подчеркнул Стак, — не только перегнали домну номер один, они вдобавок удешевили работу на двадцать процентов и дали в три раза меньше брака.

С 5 июня комсомольская домна попала в капкан вынужденного простоя: Железные конструкции для кауперов вместо магнитогорской площадки лежали на стеллажах днепропетровского завода им. Молотова, в тупиках и на станциях Пермской, Северной, Екатеринославской и Самаро-златоустинской железных дорог.

Отсутствие железных конструкций затормозило быстрый шаг комсомольского монтажа. Коллектив домны № 2 не почил в отдыхе, не стал в тоскливой бездеятельности ожидать конструкции.

Доменщики отправились в горпартком и в торкомол.

На завод им. Молотова, в «Комсомольскую правду» и в ЦК комсомола полетели тревожные телеграммы:

«ДНЕПРОПЕТРОВЦЫ СРЫВАЮТ СТРОЙКУ КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЫ МАГНИТОГОРСКА».

Горком выделил ребят и отправил их вслед за телеграммами в Днепропетровск.

Комсомольские бригады 2-й домны были брошены на предварительную сборку конической части домны и кольцевого воздухопровода. Левандовский занялся изготовлением кольцевых люлек для ускорения монтажа кауперов. Прораб Заслав, вкуче с журналистами московских газет, помчался на дрезине по железной дороге разыскивать конструкции, застрявшие в зубах станционных тупиков. Спустя несколько дней тронулись по железной дороге толкачи комсомольской домны—Курбан-Галиев, Иванов и Волков.

22 июня на седьмом пути станции Карталы были разысканы вагоны с днищем первого каупера. До отхода очередного маршрута на Магнитогорск оставалось 33 минуты. 25 минут просьбами и угрозами ребята доказывали начальнику станции Гордееву необходимость срочной прицепки обнаруженных вагонов к маршруту. Гордеев на все доводы отрицательно мотал головой. Его не волновали простои на домнах.

Через 8 минут маршрут отходил на Магнитную. Ребята вышли из кабинета начальника станции. Кто-то из толкачей бросился на пути, к сцепщикам и составителям. Понадобилось лишь две фразы сцепщикам о домнах, 5 минут на прицепку, и вагоны с днищем пошли в Магнитогорск.

Второе днище было найдено недалеко от города Орска и немедленно отправлено на площадку.

Клепальщик Курбан-Галиев разоблачил в Оренбурге вредительство. Коническая часть первой домны волей оренбургского станционного начальства после двухнедельной стоянки в тупике была продана Рудметаллторгу на слом. Курбан-Галиев разыскал конструкцию домны в свалке и целые сутки уговаривал станционных чинуш погрузить их обратно в вагоны и гнать к Магнитной.

Иванов собрал на станции Батраки полтора десятка застрявших вагонов и привез на площадку целый маршрут с кауперами.

Пока ребята рыскали по путям, Иван Байрак объезжал на Украине свои старые заводы, где он прежде работал, и вербовал клепальщиков и огнеупорщиков для Магнитостроя.

«Комсомолка» готовилась во всеоружии встретить июльский разворот работ.

Подготовка производственная шагала в ногу с подготовкой бытовой. Внизу, под литейным двором, появился быстро сколоченный буфет с лимонадом, ветчиной, маслом и вареными яйцами.

Над фундаментами кауперов поднялись тридцатиметровые стрелы вантовых дерриков. К домнам прокладывали узкоколейные пути для подвозки огнеупоров. В доменном городке ребята оборудовали барак для молодежных бригад.

До пуска оставалось 80 дней. 80 дней на железомонтаж, огнеупорную кладку миллионов кирпичей и монтаж механический. Все эти работы надо было спланировать так, чтобы они шли параллельно друг с другом, ибо теперь Рублев вел за собой сборщиков. Сборщики вели клепальщиков, клепальщики—огнеупорщиков, огнеупорщики—слесарей, слесаря—электриков, а электрики чувствовали над собой тысячи глаз прибывающих доменщиков.

Победный час первой плавки близился с каждым днем, он уже осязался.

Каждая стройка делит свою жизнь на три периода—детство, отрочество и юность. Земля и бетон Магнитостроя уже имеют свою биографию. За бетоном и бетонщиками идут люди железомонтажа—металлисты, у которых много новых слов: монтаж, деррик, толкач, буксир, пневматика, компрессор, ударник, чеканка, план, хозрасчет, встречный.

Комсомольская домна вступала в самую трудную пору своей жизни: она держала испытание на строительное совершеннолетие.

речь о горячем слове

Долго декадные сводки кричали о прорыве. Долго многотысячная армия рабочих жаждала заткнуть брешь прорывов.

Долго клепальщик Ишмаков твердил в ячейке:

— Я хочу хоть раз поработать досыта. Я хочу хоть раз спуститься с кауперной люльки, поработав, как ударник. Если вы руководители,—твердил Ишмаков на различных собраниях,—то найдите слово, чтобы оно было горячим. Слово, которое бы жгло механика Ликина и не позволяло компрессорам останавливаться, слово, которое заставило бы нашего начальника Бутенко вспомнить о темпах, слово, которое гнало бы наших прорабов из постелей к домнам.

Слово, которое искали тысячи, родилось в горне комсомольской домны, получило крещение на летучем митинге бригадиров под вантовыми дерриками и приобрело право на существование в городском комитете партии.

Слово было всего из пяти цепких букв:

ШТУРМ.

Штурм было это слово, и его пустили на участки в сопровождении жесткого сорокадневного пускового плана под лозунгом:

Все внимание домнам!

Слово было горячим. Оно делало обычным и заурядным то, что прежде считалось невозможным. Оно было таким, каким требовал его Ишмаков.

В эту первую ночь штурма ударники впервые слышали звуки духового оркестра под лесами стройки. В час ночи тронулась первая штурмовая колонна. Горняки, пожарники и счетоводы подходили к домнам с женами.

В час ночи начальник строительства поднимался на сорокаметровую вершину комсомольской домны. По темным мосткам приходилось идти ощупью.

— Почему темно?—спросил начальник строительства мастера Кабанова.

— Ночь, она всегда темная.

— Кто учил тебя этой премудрости?

— Ваш помощник, главный энергетик Скобелев.

— Ложь!—сказал начальник строительства.—Он сегодня же тебе докажет обратное. Ложь! Ночь должна быть светлой, и она будет светлой.

В эту ночь начальник строительства сделал доселе невозможное возможным. Он заставил подняться с постели энергетика Скобелева и залить всю доменную площадку электрическим светом.

В эту первую ночь штурма комсомольцы поняли, что лозунг, брошенный их коллективом пятидневку назад, становится конкретным методом выполнения плана монтажных работ.

Их домна, приостановленная в быстром беге монтажа головотяпами из Стальмоста и отставшая на 30 дней от первой домны, имела все возможности догнать и вновь перегнать в монтаже свою избалованную вниманием соседку-домну под № 1.

Штурм делал доселе невозможное возможным. Сколько язвительных улыбок сопровождало комсомольцев у четырех склепанных днищ кауперов в дни долгих августовских дискуссий с американцами!

— Опускать днища на фундамент или переклепывать их?

Люди долго спорили, спорили до изнеможения, а затем уезжали в Березки завтракать, обедать и отдыхать в послеобеденном сне.

Мастера комсомольских кауперов ходили сумрачные. Клепальщики ругались, ибо весь июль они ждали конца дискуссий и в долгом ожидании ходили собирать щепу и мести землю. В эти дни инструментальная переставала давать комсомольцам пневматические молотки «атлас». Клепальщиков вооружали метелками.

За два месяца до пуска домен, в июле, когда срок пуска ставили под сомнение сотни тысяч незабитых заклепок, на комсомольской домне клепка была внезапно приостановлена. Приостановлена потому, что третью неделю шли споры: опускать днища или перечеканивать их?

Лодыри провожали комсомольцев ехидными улыбками. Над встречными планами комсомольской домны оппортунисты смеялись в кулак. Смеялись в кулак, ибо смеяться вслух—значило открыто не верить в сроки пуска домен. А на это ни у одного оппортуниста не хватало смелости.

Неопущенные на фундамент днища остановили монтаж. Стройные сорокапятиметровые тела будущих кауперов валялись в ногах несобранными листами.

Второго августа первые днища комсомольского каупера были наконец опущены. Рублев с ночи приналег на сборку.

Изголодавшиеся по работе ударники нетерпеливо бродили вокруг собираемых ярусов с молотками и обжимами. Ишмаков ждал сигнала, чтобы начать клепку. Но клепка не начиналась. Комсомольской домне не давали оправок. Два дня поисков—и мастер Богатырев находит оправки. Но что оправки, если за время, пока их разыскивали, у Ишмакова отобрали кольцевые люльки, те самые люльки, которые собирала комсомольская бригада Левандовского и которые вторую неделю красовались уже на двенадцатом ярусе второго каупера первой домны.

Клепка стояла. Сухонькая ручка мелких неполадок крепко держала за шиворот Ишмакова, Рублева и Данилина. Мелкие неполадки не желали принять во внимание малую опытность комсомольцев. Они не считались с тем, что комсомольцам пришлось отдать свои бригады, люльки, конструкции и оправки коллективу первой домны.

Чтобы победить, надо уметь предвидеть. Предвидеть—значит хорошо организовать работу.

Бывшие руководители магнитогорской конторы треста Стальмост на самом боевом этапе монтажа обезглавили коллектив комсомольской домны. У комсомольцев забрали их прораба Заслава, и руководство домнами обезличили.

Эти дни на доменной площадке войдут в летопись будущего комбината днями прорабьего лета. В эти дни прорабы бродили по панелям литейного двора растерянными вдовами. Они увязли в сегодняшних неполадках и боялись взглянуть в глаза будущей недели. Огромный массив монтажа двух домен не вмещался в их худосочном воображении. Посему одни из них все свое внимание уделяли только колошникам первой домны, другие не верили даже в это.

Стальмост обезглавил комсомольскую домну и фактически ввел институт обезличенных прорабов. «Комсомолка» стала падчерицей прорабов, застопорился бег монтажных работ.

Когда ребята нашли оправки, не стало люлек. Пока Богатырев бегал с чертежами и новыми заказами на люльки в котельную, выяснилось, что люльки нельзя поднимать без блоков. Блоки же внезапно исчезли из складов, разыскать их было делом крайне затруднительным.

Когда наконец появились блоки, начали выходить из строя молотки. Наладили молотки—нагревальщица Саляган стала задыхаться от дыма. Неизвестно, почему отдел снабжения решил именно в эти дни обрадовать мир рационализацией и стал давать в горны клепальщиков не кокс, а грязную пыль бурого угля.

**Ишмаков,
клепальщик комсомоль-
ской домны.**

— Я хочу хоть раз поработать досыта. Я хочу хоть раз спуститься с кауперной люльки вниз, поработав, как ударник,— твердил Ишмаков.

В эти дни, когда буксир днепропетровских металлистов покрывал куполами двадцать первые ярусы кауперов первой домны, когда домна № 1, украсившись воздухопроводами и колошниками, надменно осматривала не одетое тело своей соседки, комсомольцы решили невозможное сделать возможным. Тут, в будке смены инженеров, у подошвы вантовых дерриков, в дни сплошных неполадок был составлен план комсомольского штурма.

Воля к победе в рядах коллектива «комсомолки» была огромна. Она увлекла даже старого прораба домны товарища Малясова. Малясов ускорил подвижность единственного башенного крана и вместо прежних 17 часов перегонял его от домны к домне в 20 минут.

— Не робей, ребята,— говорил Малясов.— Догнать вы нас всегда догоните. У вас огня больше, а огонь все может. Каждую ночь башенный кран будет у вас. Гоните по ночам монтаж. Гоните так, чтобы в эти ночи догнать нас.

Штурм делал невозможное возможным. Новый прораб кауперов первой домны—ударник «комсомолки», выдвиженец Петунин—не хотел отстать от Малясова. Выдержав горячий бой с начальником монтажа Бутенко, он возвратил комсомольцам небольшую часть ударников из той самой группы, которая месяц назад была переброшена с комсомольской домны на монтаж домны № 1.

В ту же ночь от Петунина к Богатыреву пришла подмога с первой домны. К утру бригада Жавкина установила рекорд сборки. Она поставила семь листов каупера в смену. Бригада клепальщиков Шнейдера дала триста заклепок, а ночная смена комсомольской домны закончила установку холодильных плит, заклепала фурменную зону и начала подъем кольцевого воздухопровода.

Малясов точно выполнил свое обещание. Ровно в 12 час. ночи башенный кран совершил первое двадцатиминутное путешествие и стал бок о бок с «комсомолкой».

18 августа клепка кауперов приостановилась. Клепальщики ждали рассверловку дыр, рассверловка ждала сверловщиков, а сверловщиков не хватало. Три раза Данилин спускался с люльки вниз к мастеру Богатыреву, мастер бегал по конторкам, а сверловщиков все не было. Наконец в четвертый раз спустился Данилин с люльки. Он не пошел к мастеру, а побежал в инструментальную за машинками, и через 15 минут клепальщики сами рассверливали дыры на пятом каупере. Ночью простоев не было.

Утром комсомольцы получили подмогу. Ударник Куницкий привел девять сверловщиков.

— Триста дыр в смену, догоняйте меня!—гремел Куницкий.

— Догоним!—отзывались клепальщики.—Клепка от сверловки не отстанет!

Куницкий давал по 300 дыр в смену, Шнейдер, не отставая, вгонял туда 300 заклепок. За Шнейдером тянулся Данилин, за Данилиным—Ишмаков. Куницкий нажимал и давал 400 дыр, Шнейдер вгонял туда 400 заклепок. Клепка подтянулась и уже шла по самым пятам сборки.

20 августа сборщик Власов принес мастеру Богатыреву чертежи. Власов добился того, над чем тщетно ломали голову специалисты. Он приспособил простую люльку под двухярусную и сделал возможным одновременный ход и сборки и клепки.

Штурм гнал и подхлестывал работу. Монтажники не оставались в одиночестве. Под лесами воздуходувной станции работали на субботниках учителя, инженеры, парикмахеры и рабочие. Они таскали опалубку, рыли котлованы и гнули дюймовые прутья арматуры.

На стройке комсомольской насосной станции плотник Лебедев начал соревнование с плотником Новиковым. Новиков давал в смену восемь квадратных метров опалубки, Лебедев стал давать девять. Новиков приналег и дал десять, Лебедев добился двенадцати. Новиков дал четырнадцать, Лебедев сделал семнадцать. Новиков рассердился и сколотил девятнадцать, Лебедев, не сердясь, сколотил двадцать.

Вчера Новиков дал двадцать один. Сегодня Лебедев дает двадцать два.

Короткое слово **штурм** было горячим.

Бригада Филатова 18 часов не уходила с работы, чтобы на четыре часа раньше срока установить опалубку под фундаменты скруберов. Сменившая ее бригада Черкесова лила в эту опалубку бетон 21 час кряду и кончила бетонировку на 6 часов раньше плана.

Инженеры и техники Бетонстроя в эти дни не сходили с мостков штурвальных по целым суткам и умудрялись еще находить в пределах этих суток время, чтобы гнуть арматуру для аварийных участков.

У бетонщиков и плотников воздуходувки стало правилом не уходить с лесов до тех пор, пока сменное задание не выполнено. Даже черствый управделами Магнитостроя стал вместо приказов сочинять в эти дни победные оды.

14 августа ударники коксохимкомбината, сагадеевцы, поставили на спартакиаде новый рекорд бетонировки; вместо двух кубометров на человека они дали по $8\frac{1}{2}$ кубометров.

16 августа 6 ударников бригады Ульского поставили мировой рекорд арматурных работ: они за 6 часов установили 13500 килограммов арматуры.

17 августа 4 ударника бригады Поуха побили этот рекорд: 13 500 килограммов арматуры было установлено уже за 4 часа.

19 августа сверловщики бригады Куницкого рассверлили в смену по 600 дыр на первом каупере комсомольской домны.

20 августа ленинградский ударник Лобачев установил новый рекорд транспортировки магнитогорских грузов. Маршрут с оборудованием и огнеупором он привел из Ленинграда в Магнитогорск в 7 суток и 6 часов.

21 августа комсомольцы ленинградского порта в два дня разгрузили немецкий пароход с огнеупорным кирпичем для комсомольской домны и дали слово доставить кирпич к домнам за 6 суток.

21 августа звено Соколова на воздуходувке выполнило суточное задание арматурных работ на 400%.

22 августа такелажник Рублев небольшим усовершенствованием механизировал поворот вантового деррика и тем самым добился ежесуточной экономии труда 25 рабочих.

23 августа бригада немецких специалистов, объявившая себя месяц назад ударной, выполнила взятое на себя обязательство на 165%.

24 августа ударники бригады Крейча 22 часа под ряд не уходили с работы и закончили установку арматуры на седьмом перекрытии воздуходувки.

24 августа ленинградская турбина на 24 тыс. киловатт закончена монтажем в 40 дней.

25 августа бюро городского комитета ВЛКСМ принимало ток на шинах комсомольского щита центральной электрической станции, смонтированного в здании без крыши и стен.

26 августа трехтысячное собрание комсомольского актива вышло на разгрузку вагонов с конструкциями, цементом, огнеупором и лесом.

27 августа прораб Петунин 37 часов провел на кауперах.

28 августа всю ночь свирепствовал ливень. В лужах и грязи тонут «фомаги» и «катерпилеры». В эту ночь ни одна бригада воздуходувной не бросила работы. В ночном штурме участвовали бригады Смирнова, Климова, Максимова, Соколова, Климашина и колонна конюхов, пришедших на субботник.

29 августа комсомольцы центральной электрической станции закончили в 20 дней монтаж турбины в 12 тыс. киловатт. Немецкие специалисты давали на монтаж 61 день.

30 августа ударники комсомольской домны узнали, что руководители мастерских Стальмоста решили в первую очередь заготовливать конструкции только для домны № 1.

— Всего сразу не сделаешь, — говорили комсомольцам. — На обе домны нехватает рабочих.

— Возьмемся? — спросил Куницкий.

— Возьмемся, — ответил Шнейдер.

Это «возьмемся» не записано ни в одной резолюции. Для резолюции у Шнейдера не было времени. Он уже третьи сутки не был у себя в бараке.

С 30 августа Куницкий после работы на кауперах ходил ежедневно в мастерские сверлить дыры в конструкциях рудных бункеров комсомольской домны. Шнейдер, Данилин, Ишмаков и Крылов шли за Куницким с молотками «атлас».

Рудные бункеры создавались субботниками.

Бригада Герасютина из группы Шкатова штурмовала по примеру Куницкого конструкции сухого пылеуловителя и проводила по 4 часа сверх рабочего дня на стеллажах Стальмоста.

Слесаря-инструментальщики бригады Резникова восемь часов были слесарями и чинили шланги, молотки и поддержки, а за тем они становились сверловщиками и гнали субботниками конструкции для комсомольской домны.

Краткое слово «штурм» творило чудеса. То, что вчера считалось невероятным, сегодня становилось реальным. Штурм растворил широко окна и двери стройки и впустил на колошники и в котлованы ураганную струю рабочего энтузиазма. Штурм собрал на доменные субботники десятки тысяч пролетариев, и пролетарии еще раз поняли, что сроки пуска в их руках.

Комсомольская домна стала знаменем молодых ударников Магнитостроя. Коллектив «комсомолки» возглавлял борьбу за досрочное окончание комсомольского строительного конвейера. А конвейер этот охватил все производственные участки.

На пущенном руднике горы Атач пятьсот девяностый горизонт именовался комсомольским, и работа на нем шла под стягом:

«Руда комсомольского горизонта—комсомольской домне».

На центральной электрической станции комсомол монтировал собственными силами котел и турбину.

В машинном зале немецкие монтеры читали латинским шрифтом написанные плакаты:

«Пар комсомольского котла—комсомольской турбине».

«Ток комсомольской турбины—комсомольской домне».

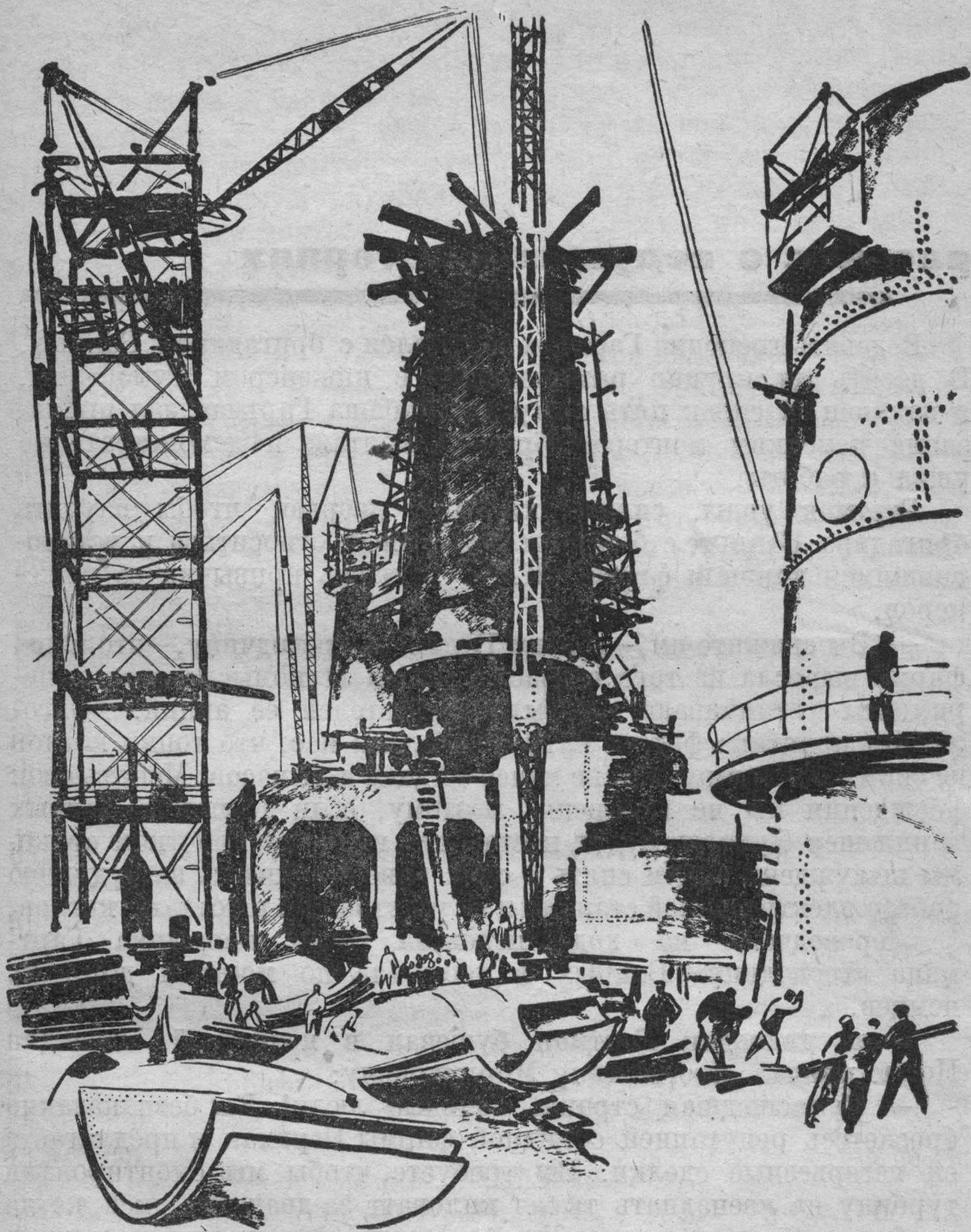
На коксохимическом комбинате комсомольцы вели кладку и монтаж седьмой коксовой батареи под лозунгом:

«Кокс комсомольской батареи—комсомольской домне».

Воздуходувка, механические мастерские, камнедробилка и железнодорожный узел делали свои трудовые взносы на текущий счет комсомольской домны.

Даже безмолвная теперь километровая железобетонная плотина им. IX съезда комсомола бережно хранила в огромнейшем озере миллионы кубометров воды холодильникам комсомольской домны.

Юность стройки приходит после бетона, когда на выложенных башмаках и колоннах появляются металлисты—люди железомонтажа. Они, монтажники, прячут бетонные скелеты цехов в стальную броню. Они дорисовывают последние контуры вздымающихся цехов, они собирают в пустых коробках только что выстроенных зданий машины, подводят к ним электрические и воздушные кабели.

Домна № 1 в дни штурма.

Монтажники комсомольской домны шли в первых рядах комсомольского конвейера. Они привели домну № 2 к ее строительному совершеннолетию, воздвигли ее в равном с первой домной одеянии перед всем Союзом и с гордостью сказали:

— Задувайте!

рассказ о ведущих шестернях

В девять господин Гартман поругался с бригадиром Банных. В десять он крупно разговаривал с инженером Тумасовым, и наконец за сорок пять минут до шабаша Гартман дал приказание немецким монтерам бросить монтаж и демонстративно ушел с работы.

Гартман ушел, сильно хлопнув дверью, чтобы научить бригадира Банных с большим уважением относиться к установленным канонам фирмы «КАСГ» и чтить привычки ее инженеров.

— Вы скажите им, — просил Гартман переводчицу, — что наша фирма выросла из того возраста, когда легкомысленные эксперименты увеличивают прибыли держателей ее акций. Долголетняя практика фирмы «КАСГ» убедила нас, что топки котлов ее системы монтируются не менее 60 дней и 17 часов. Менять свои убеждения мы не намерены; поэтому, если господин Банных и инженер Тумасов будут настаивать на более коротком сроке, мы вынуждены будем снять с себя ответственность за будущую работу электрической станции и не участвовать в монтаже котлов.

Переводчица на ходу перевела слова господина Гартмана «господину» Банных и побежала по мосткам догонять немцев.

Пока господин Гартман бушевал в котельной, господин Поляс кричал автогенщику Мордуховичу:

— Сумасшедшая страна, больные люди! Вы безнаказанно бросаетесь репутацией солидной фирмы Бергман и предлагаете ей несерьезные сделки. Вы требуете, чтобы мы смонтировали турбину на двенадцать тысяч киловатт за двадцать дней, когда турбина «бергман» с самого основания фирмы монтировалась по 3-4 месяца. Я монтировал турбины в Гамбурге, Берлине, Будапеште и в Стокгольме. Монтировал их в готовых стационарных зданиях, чистоте которых может позавидовать комната любой фрау с Фридрихштрассе. Вы же имеете смелость предлагать нам сокращать сроки монтажа, и где — в здании вашего ЦЭС, в котором нет крыши, фундаментов и окон. Где вы видели,

господин Мордухович, чтобы в машинном зале одновременно с монтажом турбины копали землю, лили в колонны бетон и сдирали над головой части старой опалубки. Турбина «бергман» — не мясорубка, которую можно собирать на грязном кухонном столе рядом с невымытой посудой и картофельными очистками. Поляс, господин Мордухович, — серьезный человек, и согласиться на сроки монтажа, которые родились в не совсем здоровых головах комсомольцев, он не может.

Конфликт назревал. Здесь, «на берегах» огромного магнитогорского пруда, под семиэтажными бетонными переплетами ЦЭС, над черными провалами котлованов, в грохоте огромной стройки, сошлись и заспорили о сроках и темпах два мира.

Господин Гартман, представитель фирмы «КАСГ», с немецкой точностью прибыл на строительство. Поезд пришел в одиннадцать ночи. Несмотря на это, Гартман ровно в восемь утра стоял перед столом начальника тепломонтажного отдела. Гартман впервые попал в Советский союз; поэтому он очень сдержанно представился инженеру Тумасову и попросил проводить его к месту работы.

По дороге к котельной немец ни разу не осквернил своих свежесбранных щек улыбкой.

— Зачем улыбаться в чужой стране чужому человеку?

Только взобравшись по трапу на фундамент котельного зала, Гартман внезапным вопросом нарушил молчание:

— А где же крыша?

— Запоздала. Железные стропила задержаны изготовлением в мастерских конторы Стальмоста.

— А вы передайте заказ другой фирме, — посоветовал Гартман. — Потребуйте неустойки.

Тумасов улыбнулся. Воцарилось нелепкое молчание. Первый совет немецкого инженера растворился в воздухе.

— А что это такое? — снова задал вопрос Гартман.

— Бетонировка фундамента под турбогенераторы. Небольшое запоздание в строительной части. Щебенка заела, нехватает ее.

— Кризис? — осведомился Гартман.

— Нет, недостача автотранспорта.

— Позвоните в гараж.

— Так там тоже недостача.

— Тогда в другой гараж, в третий, — советовал Гартман.

Тумасов улыбнулся, улыбнулся в это утро во второй раз.

— Но когда же все-таки кончатся все эти работы? Когда вы покроете здание крышей, остеклите котельную и вымоете полы, чтобы мы могли приступить к монтажу?

Бригадир
Баннх, герой
«ведущих
шестерен».

— А вы начинайте работу без окон и без крыш. Крышу мы будем стеклить одновременно с монтажом и вставкой оконных переплетов. А пол мы успеем вымыть и после монтажа.

Гартмана такая система работ удивила. Он сначала растерялся от предложенного варианта, затем возмутился, а возмущившись, осмелел.

— Я не знал, — сказал он, — что большевики надевают нижнюю сорочку поверх смокинга. Я привык монтировать котлы в готовом здании, и ваш способ работ мне незнаком.

— А вы познакомьтесь, — посоветовал Тумасов, — это не вредно. А кстати, познакомьтесь и с товарищем Баннх. В этом вопросе он вам поспособствует.

Товарищ Баннх приехал на Магнитострой немногим ранее господина Гартмана. Баннх не монтировал топки фирмы «КАСГ» ни в Гамбурге, ни в Берлине, ни в Стокгольме. Баннх прибыл на гору Магнитную с монтажа пятой государственной электрической станции.

Баннх знал, что оконные переплеты не решают темпов монтажа. Товарищ Баннх не волновался оттого, что в котельном отделении весь комплекс строительных работ должен был шествовать одновременно. Баннх прибыл к горе Магнитной по путевке ленинградских рабочих и привез с собой навыки социалистического труда.

Исходной точкой этих навыков был человек. Человек решал и сроки и темпы. Посему с него—человека—и начал свою работу Баннх.

Сорок человек числил табель в бригаде товарища Баннх. Сорок номеров было отведено им в ящике СУРС¹. Люди ЦЭС числились в ту пору только по табельным талонам платежной ведомости. Счетоводы вели с ними беседу языком скрипучих перьев. Людей знали по номерам.

Ежедневно старший табельщик давал в СУРС рапортичку, в которой указывалось:

Сим сообщаю вам:

В бригаде Баннх числится на данное число 40 (сорок) рабочих номеров, из коих 4 (четыре) уехало, 15 (пятнадцать) прогуливает, 7 (семь) вновь поступивших.

— Довольно,—заявил Баннх счетоводам и табельщикам.— Мне для монтажа нужен крепкий коллектив, а не задачник с числами. Как можно работать, ежели у вас человек—не человек, а номер 2071? Мне нужен человек с именем, отчеством и фамилией. Я должен знать, откуда приехал он—из Тамбова или Донбасса, что привез нам и что хочет взять взамен. В механизме моего коллектива сорок шестеренок. Для вас, товарищи табельщики, все шестеренки одинаковы. Поэтому вы думаете, что, как ни поставь их, механизм будет работать. Чепуха! Шестерни бывают разных качеств: одни ведущие, а другие ведомые. И вот когда мы проверим качество каждой шестерни и сделаем им хороший подбор,—машина завертится.

Человек был исходной точкой темпов. Поэтому Баннх проник в самое нутро своего коллектива и стал изучать причины прогулов и низкой производительности.

Номера стали исчезать из внутрибригадного обращения. Под табельным № 2071 оказался демобилизованный красноармеец Шамков, а № 2120 преобразился в списке бригадира Баннх в сибирского колхозника Чусова.

¹ Стол учета рабочей силы.

Номера оживали. Номера стали разговаривать своими собственными голосами, и Банных услышал наконец в своей бригаде и «володимирское» оканье, и украинский говор, и «калужские» разговоры.

Бригада ленинградского слесаря Банных оказалась крайне пестрой. Села Тамбова, Рязани, Казани и Урала дали очень много своих представителей, которым впервые в жизни пришлось держать в руках зубило.

Банных искал ведущих людей, но их в бригаде было слишком мало. Старый табельщик попрежнему сообщал:

«20 (двадцать) прогуливает, 6 (шесть) уехало...»

— Спросите господина Банных,—говорил господин Гартман переводчице,—почему так мало рабочих на монтаже.

— Прогуливают,—отвечал Банных.

— Прогнать всех с завода!—советовал Гартман.

— А где взять других?

— Наймите у ворот безработных.

Банных смеялся.

— Передайте господину Гартману, что, во-первых, у нас еще не выстроены ворота, а во-вторых—не имеется безработных.

Гартману было непонятно, как в такой огромной стране нет безработных. Ленинградского же бригадира это не удивляло. Товарищ Банных решал рабочий вопрос по-своему. Он ходил в партком, в комитет комсомола, садился напротив секретаря Щаринского и говорил ему:

— Мало у меня в бригаде ведущих шестерен. Подбрось мне комсомольцев, сделаем котел молодежным. Выдвинем встречный.

Щаринский думал. Он расспрашивал Банных о людях, выискивал у себя в памяти подходящих для монтажа ударников.

Через неделю бригада Банных имела уже звенья. Шамков стал ведущим в одном звене, Голубков и Гордеев—во втором и третьем, Матвеев—в четвертом, Слесаренко—в пятом. Звенья требовали себе планы и наряды. Шамков объявил себя ударником.

Пять звеньев становились пятью пальцами бригады Банных. Пальцы постепенно сжимались в ударный кулак.

31 июля пятерым опоздавшим на работу бригада впервые заявила:

— Проспали? Так сходите отоспитесь. Нам прогульщиков не надо.

В бригаде Банных шел кропотливый подбор шестеренок.

В середине второго месяца монтажных работ господин Гартман устроил первый серьезный скандал.

— Куда гонит господин Банных работу?—спрашивал он переводчицу.

— Передайте господину Гартману—у нас встречный.

— А что такое встречный?—Брови Гартмана поднимаются вопросительным знаком.

— Наши рабочие хотят смонтировать топку котла со всеми гидравлическими установками в тридцать дней.

— Не в тридцать, а в шестьдесят,—перебил Гартман.

— Вы говорите—в шестьдесят,—разъясняет Банных,—а рабочие хотят в тридцать.

— Какие рабочие,—пренебрежительно говорит Гартман и смотрит на промасленную буденновку Шамкова.—Не этот ли «зольдат» хочет? «Зольдат» хорошо пьет и плохо работает.

— Это не «зольдат», а демобилизованный красноармеец.

Гартман нетерпеливо машет рукой и смотрит на лапти Чусова.

— «Зольдат» Шамков и «мюжик» Чусов не будут спорить с фирмой «КАСТ». Топки ее системы Гартман монтирует 60 дней и 17 часов. Господин Банных, разговор окончен!

Когда Банных попытался запротестовать, Гартман собрал чертежи и ушел с работы.

Молодые инженеры, Межеровский и Дмитриев, подошли к котлу.

— Ушел?

— Ушел.

— А чертежи?

— Забрал.

Около Банных стоял рабочий фирмы «КАСТ». Он подождал, пока Гартман не скрылся из виду, и начал вести объяснения пальцами и улыбками:

— Чертежей не надо. Чертеж у нас в голове. Десять топок,—при этом разжимаются пальцы обеих рук,—мы смонтировали. В топках ничего страшного нет. Пусть Гартман кричит. Вы работайте, а мы поможем.

Гартман кричал и сердился все чаще и чаще. Чаще он стал уходить из котельной с чертежами. Чаще лазили Банных с Межеровским по котлу и объяснялись с немецкими монтерами красноречивыми знаками.

Шамков шел со своим звеном к вальцовке. Он в звене был ведущим. Шамков вел старика Чусова, двух комсомольцев, двух таких же, как он, демобилизованных красноармейцев и двух слесарей—вчерашних чернорабочих.

Звено приступало к вальцовке. Накануне Шамков видел, как старые котельщики из бригады Гордеева вальцовали трубы.

В руках Шамкова вальцовка была впервые, поэтому в пальцах ощущалась робость.

Первую трубу Шамков вальцовал слишком долго. Он не знал, когда кончать вальцование. Спросить у старых рабочих казалось ему неудобным: ведущий должен знать все. Время тянулось бесконечным кольцевым транспортером. Чусов ждал конца, а Шамков не знал, когда он наступит. Пришел Банных. Он посмотрел на вальцовку и бросил взгляд на Шамкова.

— Хорош конец! Переходи на второй. Сколько по плану?— спросил Банных.

Вместо Шамкова ответил Чусов:

— Сорок.

— Образовался уже?

— Так точно, товарищ бригадир.

— А завальцуете сорок?

Шамков снова не ответил. Шамков боялся дать обещание и не выполнить его. Он заправлял вальцовку во вторую трубу и сделал вид, что не расслышал вопроса. Звено шло за ведущим и готовилось к работе.

В этот день Шамков остался после восьмичасового рабочего дня, чтобы выполнить суточное задание. Глядя на Шамкова, остался и Чусов.

Звено Шамкова день ото дня прибавляло в темпах. Сорок концов уступили место сорока пяти, сорок пять—пятидесяти, пятьдесят—шестидесяти.

Гартман бушевал и волновался. Он кричал, что такой спешки ему не нужно. Он доказывал бригадиру Банных, что больше сорока труб он не требует в день. Гартман никак не мог понять, почему «зольдат» Шамков и «мюжик» Чусов добровольно остаются после работы на пять-шесть часов и гонят по шестьдесят труб за смену.

Шамков неуклонно шел дальше. Он стал давать по семьдесят труб и наконец дал восемьдесят. Бригада товарища Банных кончала монтаж топки фирмы «КАСТ» на 24-е сутки.

3 сентября Банных уже готовился к опрессовке.

Господин Гартман прибежал к Тумасову и потребовал десяти суток на осмотр котла, прежде чем пустить его под гидравлическое испытание. Десять суток—и ни дня меньше.

— Может быть, господину Гартману хватит двух часов на осмотр?—спросил, улыбаясь, Тумасов.

Гартман не стал продолжать разговора. За сорок пять минут до шабаша он дал приказание немецким монтерам бросить монтаж и демонстративно ушел с работы.

Гартман ушел, сильно хлопнув дверью, чтобы научить «господина» Банных, Тумасова и Шамкова с большим уважением относиться к установившимся канонам фирмы «КАСГ» и чтить привычки ее инженеров.

В час дня котел стали наполнять водой—начиналась опресовка.

Когда давление в котле поднялось на 10 атмосфер, к Гартману послали человека с просьбой притти на испытание.

Гартман не явился. Давление поднималось все выше и выше. Манометр показывал 20 атмосфер. Банных молча ходил у труб. К Гартману послали во второй раз. Во второй раз отказался притти Гартман.

Манометр показывал 30 атмосфер давления.

Стрелка поднималась уже к сорока, когда Гартман решил наконец послать своего мастера. Мастер пришел, оглядел трубы и убежал обратно. По трапу подымался сам Гартман.

На 43 атмосферах давления начался осмотр котла. **Из 1 600 труб котла «гонемага» заслезилась всего одна.**

Гартман искал товарища Банных. Он сжал ему ладонь и сказал переводчице:

— Передайте господину Банных, что фирма «КАСГ» побеждена. Топки ее системы можно монтировать не в 60 дней и 17 часов, а в три раза быстрее. Скажите ему, что Советский союз поставил мировой рекорд не только по скорости, но и по качеству. Я, Гартман, не слышал еще ни об одном случае монтажа, когда из 1 600 труб ни одна не давала бы течи.

4 сентября комсомольский котел уже был сдан котельному инспектору. Банных выделил Шамкову самостоятельную бригаду, а во главе осиротевшего звена поставил ведущей шестерней старика Чусова.

Вечером господин Поляс пришел к господину Гартману.

— Фирма Бергман,—сказал он со вздохом,—потерпела поражение в один день с фирмой «КАСГ». Вы помните этого мальчика Мордуховича, про нахальство которого я вам говорил. Он заставил меня изменить свое отношение к традициям нашей фирмы. Сегодня мы сдали готовую турбину,—сдали на двадцатый день после начала монтажа! Это могло случиться только в этой непонятной стране. Так могут работать лишь такие фанатики, как Мордухович. Он по трое суток не уходил из котельного зала. Он заставил меня работать по двадцать часов и добился своего. Вы знаете,—говорил Поляс,—я никогда не видел, чтобы люди так боролись за данное ими слово. Комсомольцы делали исключительные вещи. Они сутками работали на монтаже. Когда нужны были плотники, они брались за то-

поры. Когда нужны были бетонщики, они не ждали переброски бетонщиков в машинный зал, комсомольцы бросали гаечные ключи и сами месили бетон. Не было тряпок для протирки частей—они снимали свои рубашки.

Гартман молчал, молчал Поляс. Комсомольская турбина центральной электрической станции была закончена монтажом в двадцать дней.

4-го же сентября вечером Мордухович отчивывался о работе бригады на ячейке и его ругали за нетактичное отношение к немецким специалистам.

Здесь, на берегу огромного магнитогорского пруда... Собственно в феврале здесь еще никакого пруда и не было, не было и семиэтажных бетонных переплетов ЦЭС. В феврале, когда термометр показывал 42 градуса ниже нуля, когда дьявольский ветер носился по стройке, жег щеки и сгибал в скобку пальцы, на семиэтажном верху ЦЭС работала краснознаменная бригада плотников Козлова.

Правила Наркомтруда воспрещали вести работы в такие морозы. Охрана труда снимала людей с лесов. Козлов просил о нем не беспокоиться.

Он лез первым наверх и прикреплял к раскосам обмерзлое древко с вылинявшим, обтрепавшимся знаменем. Козлов делал первый взмах топором, и за ним поднималась бригада.

Люди жались толпой у столовой и глядели, как наверху под ветром гнется древко козловского знамени. Плотники бригады Козлова не шли через каждый час обогреться. Только в обед Козлов рубил примерзшие веревки, брал знамя на плечо и спускался вниз.

Толпа у столовой молча расступалась, и знамя Козлова входило в помещение. Час бригада Козлова обогревалась, курила и подкреплялась едой, а затем люди, жавшиеся в холоде у столовой, снова смотрели наверх и удивлялись мужеству Козлова.

Через два дня за Козловым наверх полезли бетонщики. В утепленные колонны козловской опалубки стерлинги опрокидывали горячие порции бетона.

Так строилась ЦЭС.

В конце сентября молодежный котел т. Банных дал пар комсомольской турбине.

Ток комсомольской турбины был принят на трансформаторы комсомольской домны.

Козлов шел в сорокаградусные морозы на семиэтажные бетонные переплеты для того, чтобы в споре двух миров, который произошел над черными провалами котлованов ЦЭС т. Банных победил господина Гартмана.

товарищ зуев-мазетов

Сытая вошь переселенческих этапов была единственным представителем «единой и неделимой», которая сопровождала семью Сибгатуллы Мазетова из Казани в Кузбасс.

На пару рабочих рук Мазетова приходилось шесть иждивенческих желудков. Голодные глотки искали хлеба и прогрызали в угольных напластованиях Киселевского рудника глубокие шахты. В шахты бросали Мазетова. Он полз по штольням и выбрасывал на-гора различные породы углей. Человек заваливал углем все тупички и улицы рудника. Уголь лежал в огромных кучах, а ближайšie топки московских заводов были от Кузбасса за четыре тысячи километров.

Уголь лежал в Прокопьевске, Усятах и Киселевке, ожидая отправки, и ветер медленно развеивал едкой пылью добытые тонны блестящего антрацита.

«ЛЕНИНГРАД. 4/IX—25 г. Гипромез выполнил задание правительства и дал экономическое обоснование использования угля Кузбасса на заводах Урала».

Сибгатулла Мазетов жил углем. Он видел, как ветер крошит труд его. Сибгатулла чувствовал, как антрацит обволакивал его горло и бронхи угольной пылью.

Сибгатулла Мазетов жил углем и бунтовал вместе с ним. Он ненавидел долгие путешествия так, как ненавидит их антрацит, и всю жизнь мечтал о близких дорогах к заводским топкам.

У антрацита не было пути. Уголь лежал в Усятах и Киселевке, ожидая отправки. Промышленники затопляли шахты водой и бежали из Сибири.

«МОСКВА. 1927. Правительство решило строить два гиганта—Магнитогорский и Кузнецкий—по принципу маятника. Маятник определяет работу магнитогорских домен на кузнецком угле и работу кузнецких домен на магнитогорской руде. В Магнитогорске будет построен коксохимкомбинат».

В году восемнадцатом старший сын Сибгатуллы Мазетова, Сингатулла, ушел из затопленных шахт в тайгу прорубать более близкий путь своему счастью. В феврале девятнадцатого младший Мазетов, Гашибулла, остался один. Отца угнали к Колчаку умирать в тюрьме за старшего сына Сингатуллу, за того Сингатуллу, который ходил по Сибири партизаном.

«МАГНИТОГОРСК. 14/VI—29 г. По только что проложенной ветке на площадку пришел первый поезд со ссройтельными материалами. Рабочие живут пока биваком. В пяти километрах отпоселка Магнитного начинают строить деревянные дома».

В 1922 г. молодой партизан Сингатулла воротился в Киселевку старым комсомольцем. Отца Сингатуллы уже не было в живых. Маленький Гашибулла говорил с братом о хлебе, как говорит о нем взрослый. В пятнадцать лет Гашибулла имел уже квалификацию плотника, и весь мир казался ему длинным сплошным верстаком. Гашик Мазетов искал свое место у этого огромного верстака. Он ездил по республике в поисках за счастьем, и за ним всюду везли его второе имя—имя Гашибуллы-летуна.

Кузнецк, Новосибирск, Владивосток, военные поселки К.-В. ж. д., станция Тайга и город Баку. На какой-то стройке Гашибулла получил комсомольский билет, для того чтобы где-то в другом месте потерять его.

Шесть лет скитаний и путешествий. Заводы и стройки мелькали перед глазами Гашибуллы временными пристанищами. Родным домом Мазетову служили вокзалы и поезда дальних следований.

За шесть лет Гашику приелись тупики и станции. Однообразная симфония вагонных стуков вызывала у Мазетова скуку. Шелест новеньких рубликов перестал волновать молодое сердце Гашибуллы.

Младший Мазетов понял, что он слоняется ногами летуна по заветной дороге к счастью, которую прорубал в тайге его брат Сингатулла.

В 1930 г. магнитогорский коммунар Снегирев случайно встретил в Армавире плотника Мазетова.

«МАГНИТОГОРСК. 25/IX—30 г. Работы на строительстве идут полным ходом. Строится плотина, бетонируются фундаменты домен, закладывается электрическая станция. Неизвестно почему, начальник Магнитостроя бюрократически медлит с закладкой коксохима».

В Магнитогорске Гашибулла Мазетов начал свой путь с плотины рядовым плотником в бригаде Зуева. Он рубил и ставил раскосы под опалубочные коробки арок. Он снастил километровую эстакаду, по которой возили вагонетки и опрокидывали их в бункера, сколоченные зуевцами. Постройка плотины увлекла Гашибуллу. Он, по совести говоря, не верил в то, что цепь воздвигаемых арок, которую гонят от Сосновой горы к станции Магнитной, должна сотворить чудо.

Мазетов не мог поверить, что он, Гашибулла, своим трудом заставит куроходное верховье реки Урала разлиться у ног плотины двадцатикилометровым зеркалом заводского пруда.

Магнитогорская плотина была школой, где люди начинали уважать большевистские чудеса и учились искусству творить их собственными руками.

«МОЛНИЯ. МАГНИТОГОРСК.

НАЧАЛЬНИКУ СТРОИТЕЛЬСТВА ШМИДТУ.

ИЗ ГАЗЕТ СТАЛО ИЗВЕСТНО ВАШЕ УПОРНОЕ НЕЖЕЛАНИЕ НАЧАТЬ РАБОТЫ КОКСОХИМА. ПРЕДЛАГАЮ НЕМЕДЛЕННО ФОРСИРОВАТЬ ПОДГОТОВКУ ПОСТРОЙКИ КОКСОХИМКОМБИНАТА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСНХ СССР КУЙБЫШЕВ».

В ноябре по первому снегу ударники плотины пошли мимо доменных пней на стройку коксохимкомбината. Дмитрий Иванович Петренко—первый прораб коксохима—сказал тогда плотинцам, обводя глазами задоменную пустошь:

— А здесь через год мы будем кузнецкий уголь пережигать в кокс.

Мазетов смотрел, куда показывал Петренко, и ничего не видел. Пустошь была покрыта снегом.

В этот день Гашибулла с группой плотников отпочковался от бригады Зуева и стал работать самостоятельно.

«Магнитогорский коксохимкомбинат—это сложнейшая группа огромнейших заводов. В день восемь коксовых батарей будут перерабатывать 11 тыс. тонн кузнецкого угля».

Зимой коксохим строил бараки. Редкие отдельные бригады пробовали силы на промышленном строительстве.

Смоленцы из бригады Левочкина, калмыковцы и пивоваровцы под открытым небом мучились у бетономешалок. Вода смерзлась льдом и рвала трубы. Ветер врывался в горло ударников и студил дыхание. Барабаны бетономешалок замерзали

и переставали вертеться. В плиты восьмой коксовой батареи бетон падал слезами.

Мазетов ставил фермы невиданного доселе тепляка, который прятал в своем теле всю площадь четырех коксовых батарей. Сверху Мазетов видел, как бьется над бетоном Левочкин. Смоленцы бегали в промоченных, промерзших лаптях за дровами и грели воду для бетонировки.

«Чтобы выплавить в доменной печи одну тонну чугуна, в среднем требуется одна тонна кокса. Высокое качество магнитогорских руд и кузнецкого угля уменьшает эту порцию до 900 килограммов».

Под каждым стерлингом горели костры. Где-то сбоку прилаживали старый котел паровоза и заставляли его выполнять роль огромного самовара. Мазетов гнал фермы, чтобы скорее упрятать в тепляке плиты восьмой батареи. Там, где другие ставили по одной ферме, он устанавливал четыре.

В феврале комсомолец Майков организовал в помощь Левочкину бригаду энтузиастов. Гашибулла вошел в состав этой бригады. Энтузиасты после работы шли к бетономешалке и брались за стерлинги.

В первый день буксира Левочкин произвел испытание бригады. В стерлинги энтузиастов бетон заливался до краев. Смоленцы возили в два раза меньше. Гашибулла молчал и тяжело таскал горячий бетон.

К вечернему шабашу, когда бетонщики, укутав теплое тело плит брезентом, пошли греться, Левочкин сказал энтузиастам: — Крепки, черти! Всю смену полные стерлинги возили — слова не сказали. Вы не сердчайте. Это мы вам экзамен учинили; думали — сбежите. Ну, раз жилы выдержали, так мы вам теперь поблажку дадим. Завтра и мы и вы ровные стерлинги возьмем.

Вечером Гашибулла ходил с энтузиастами помогать Левочкину, а по утрам ставил фермы тепляка.

Бригада Мазетова числила в своих рядах шестьдесят плотников.

«Прежде чем понасть в коксовые печи, кузнецкий уголь совершает сложное путешествие по многочисленным агрегатам коксохимкомбината».

Тепляк был давно готов и стоял на месте не построенных еще батарей гигантским деревянным элингом. Внутри тепляка мазетовцы, сагадеевцы, галлуилинцы и калмыковцы стелили в котлованах бетонную постель для многих сотен печей коксового завода.

Мазетов
Кохсо-чиги.
Удари м. Мазетов

Бригадир-ударник Мазетов (плотник консохимкомбината).

Григорьев

К. В. К.
Коллекционер Л. И. К.
Секретарь К. В. К.
Коллекционер Л. И. К.

**Организатор
комсомола на
коксохимкомбинате
Колениченко.**

Левочкина на стройке не было. В феврале срок его вербовки окончился, и он как верный сын деревни уехал со своей бригадой к жинке и детям куда-то под Смоленск.

Гашибулла Мазетов в деревню не ездил. Его не манили к себе ни жена, ни аромат горелых комьев кизяка. Мазетов никогда не был человеком земли. Гашик остался на стройке. Он работал на контрафоре. Мазетов привыкал руководить своей полусотней. Неграмотный, он сидел по ночам у Дмитрия Ивановича Петренко—первого прораба коксохима—и учился путешествовать с ним по листкам чертежей и планов.

«Каждый день в Магнитогорск будет прибывать 11 угольных маршрутов из Кузбасса. Для более быстрой разгрузки вагонов по всей длине угольного склада воздвигается железо-бетонная эстакада в километр длиной».

В мае в котлованах эстакады землекоп Буховцев растер в ладони щепотку земли и сказал своим ребятам:

— Становись парами. Время начинать.

Буховцев первым уперся в черенок и бросил вправо полную лопату бурой земли. К концу смены бригада ушла глубоко в землю. Сверху, над котлованом, стояли прораб, десятник и кто-то из ячейки. В этот день Буховцев поставил мировой рекорд котлованной работы: каждый член его бригады выбросил наверх по двадцать пять кубометров земли.

В мае приехал Левочкин. Он был в новой своей бригаде сорок шестым. Когда бригада Левочкина потянулась к угольным ямам, на рыхлой земле котлованов отпечатались лапотные следы смоляков.

Ветер полоскал над котлованом красное знамя Буховцева.

— А что это у них в землю воткнуто?—спросил какой-то смоленец своего бригадира.

— А это проценты,—ответил бригадир левочкиной бригады,—за мировые рекорды.

— А нам, колхозникам, можно на бетоне проценты делать?

— А как же,—ответил Левочкин.—Мы теперь из деревни в производстве народ рыхлый; нам знамя отнять обязательно нужно. Так что, того, пока привыкнешь, жалеть себя не придется.

«Помимо эстакады, сибирские поезда будут разгружаться прямо в угольные ямы. Угольные ямы коксохима имеют 33 бункера, которые вмещают 100 вагонов угля».

На угольных ямах Левочкин встретил Зуева—командира ударной бригады плотины. Зуева бригада имела свои счета с Америкой. Америка обидела плотников. Она поставила все строительные рекорды, кроме опалубочных. Зуев видел, как сагадеевцы вырвали из рук Америки бетонную эстафету. Он водил смотреть, как Буховцев наваливает лопатами кубометровые рекорды. А вот сделать свою бригаду первой на земном шаре по плотницкой части он не знал как. Ибо, сколько зуевцы ни сколачивали щитов, сколько ни перерабатывали они норм в квадратных метрах, попрежнему было неизвестно, мировой это рекорд или немировой.

Зуев подъехал к Америке с другой стороны. Американская фирма «Копперс» неизвестно почему решила вместо помощи помучить наших инженеров технической головоломкой. «Копперс» прислал в Магнитогорск чертежи на опалубку бункеров угольных ям, которые состояли из комбинации восьми плоскостей, пересекавшихся в одной точке.

Технический отдел Союзкокса долго плутал по плоскостям и не мог найти в опалубке дорогу для гвоздей плотников.

Инженеры в смятении сидели вокруг чертежей «Копперса». Прорабы разглядывали чертежи в «мелкоскоп» и ничего не понимали. За чертежи взялся бригадир Зуев. Две ночи ушло на «нимфузорию» «Копперса»; и английская блоха была подкована во второй раз. Товарищ Зуев нашел пути ко всем восьми плоскостям, и первая опалубка угольного бункера была сделана его топором.

«Под бункерами угольных ям проходит система различных транспортеров, которые перебрасывают уголь трех сортов на дробильный завод».

Угольные ямы работались своеобразным строительным конвейером. Энтузиазм измерялся железобетонными бункерами «Копперса». Зуева бригада шла впереди, топорами охраняя только что завоеванный авторитет своего бригадира. Зуевцы всегда были на два бункера впереди арматурщиков.

По следам арматурщиков шел Левочкин. Он глядел на знамя Буховцева и учил смоленцев зуевскому упорству. Смоленцы начинали гордиться заработанными процентами. Бетон ложился в восьмиплоскостные бункера сагадеевским шоколадом.

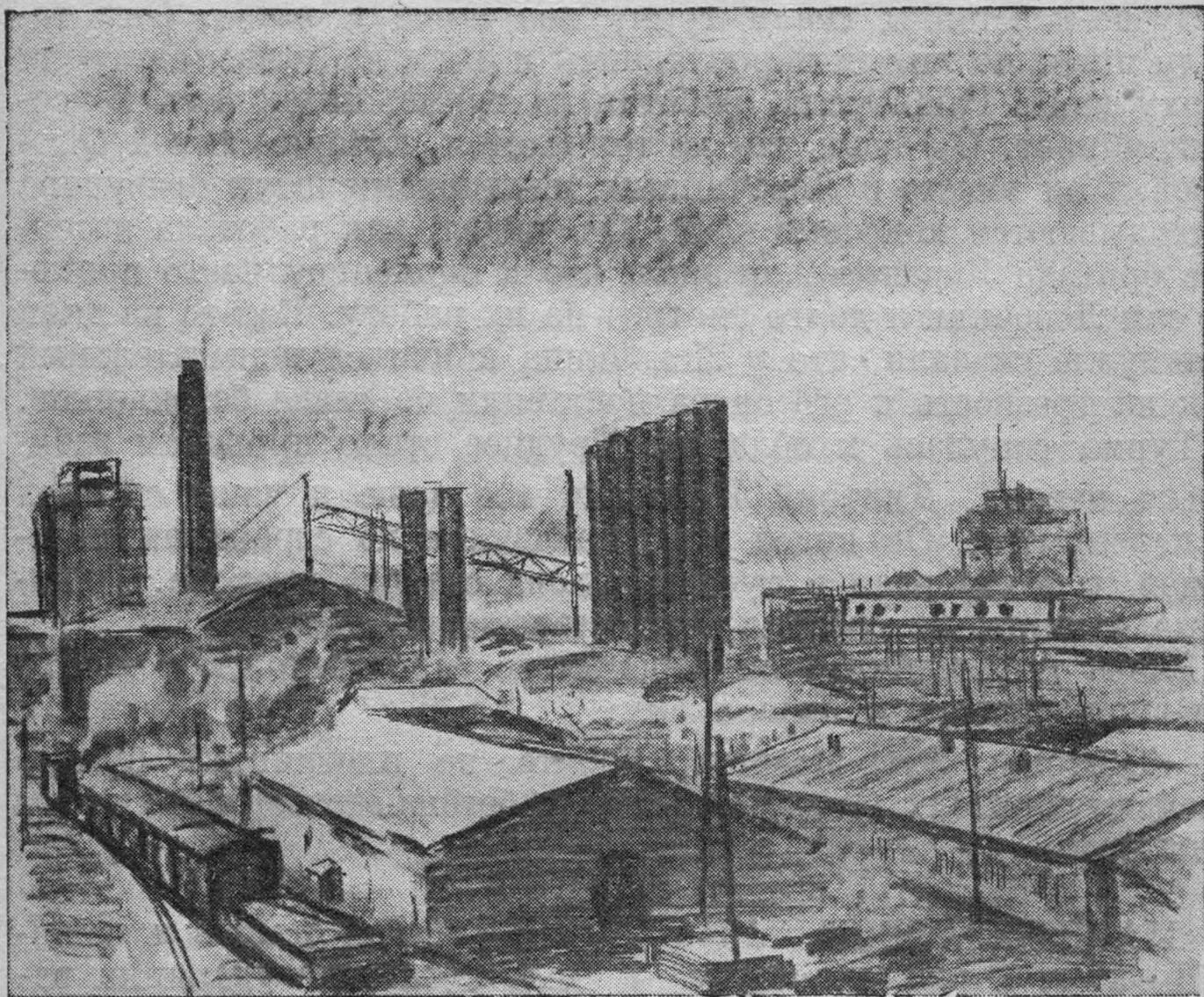
В июне смоленские бетонщики дали 166% плана. Левочкин вытащил из котлована знамя Буховцева и унес его к себе в палатку.

Три дня пил Левочкин водку. Три дня пьяным ходил он по баракам и рассказывал о завоеванном знамени. На четвертый день Левочкина бригада связала своего бригадира, товарища Левочкина, а молодой бетонщик Казаков взял знамя в свои руки и сказал:

— Прорвался запой у товарища Левочкина. Стар он стал для знамени: радость в кулаке зажать не мог. Пусть теперь отлежится. А мы, ребята, будем звать себя казаковой бригадой и пойдем на силоса бетонить колонны.

«Дробилки превращают уголь почти в пылеобразные зерна и направляют его в силоса. Под силосами проходит резиновый транспортер, который перебрасывает уголь различных сортов в смесительное отделение».

Второй месяц Гашибулла Мазетов поднимался вверх вместе с колоннами угольной турмы. Плечи турмы давно уже приподняли крышу тепляка, и Гашибулла, кошкой лазивший по перекрытиям, улавливал очертания земли почти как географическую карту.

Общий вид коксохимкомбината.

Вчера на турму к Мазетову пришел с угольных ям прежний бригадир Гашибуллы, товарищ Зуев. Вместе с ним поднялись наверх все прочие зуевские ребята.

— Набункерились?—спросил Гашибулла.—Знаем, герои вы теперь, американцами работаете.

— А у вас на турме тоже с бункерами зашивка?—спрашивал Зуев.

— Тоже, только мы с товарищем Петренко другой выход нашли. Мы бункерную модель сделали и на дороге ее поставили. Пусть каждый плотник видит эту модель и сам себя проверяет. Пусть на практике знает, как ее работать надо.

В этот день мазетова бригада слилась с зуевой бригадой. Рабочие не хотели обижать своих бригадиров и стали звать себя **зуево-мазетовцами**.

«По наклонному мосту транспортеры несут угольную шихту на турму. 6 тыс. тонн угля будет хранить каждая магнитогорская турма. Из турмы в специальном вагоне уголь пойдет на загрузку коксовых печей».

Зуево-мазетовцы гнали турму все выше и выше. Они таскали щиты по хилым перекладинам и даже на домны смотрели сверху вниз. Гашибулла, работая на турме, видел весь коксохимкомбинат. Он знал, что на тех плитах, которые зимой бетонировал он вместе с Левочкиным, миллионами штук огнеупора выкладываются коксовые печи. Он видел, как работала на силосе бригада Казакова, он знал, что к смоленцам часто приходит сам Левочкин и долго смотрит на их работу. Как-то на днях Гашибулле сказали, что у Левочкина кончился испытательный срок на трезвость и его снова поставили во главе бетонщиков.

Турма тянулась к облакам. Труднее стало прорабам забираться наверх. Дмитрий Иванович все чаще и чаще смотрел на перекрытия. Он видел карабкающихся по стропилам мазетовцев, и ветер рвал в кусочки слова старого прораба. Гашибулла Мазетов не слышал предостережений снизу.

Вчера к Гашибулле на перекрытие залез человек с комсомольского силоса и сказал ему:

—Товарищ Зуев-Мазетов, берите на плотницкий бумсир левочкину бригаду. Опалубка у нас от бетона отстаёт и все планы срываются.

«МАГНИТОГОРСК, 13/VIII—31 г. Стала на сушку 8-я батарея коксохимкомбината. 69 печей выложены в 55 дней. Американский инженер мистер Герберг по окончании работ заявил:

— Таких темпов я не видел. Советские ударники работали, не считаясь со временем. Я потерял 18 фунтов весу и не жалею об этом, ибо только здесь я научился работать по-настоящему».

Старый Зуев и молодой Мазетов решили вступить в партию. Бригада одобрила намерение обоих вожаков и подготавливала подарок партии. Гашибулла Мазетов проводил на турме круглые сутки. Неделями не возвращалась бригада в барак. С утра до ночи турма гудела от шума бетономешалок, лязга стерлингов и стука топоров. На сон каждый ударник выделил себе всего по три часа. Возникал вопрос: где спать?

Устный хронометраж Гашибуллы явно свидетельствовал не в пользу барака. Из трех часов, выделенных на сон, два часа требовала дорога. Гашибулла решил спать на крыше. В кабинете начальника строительных работ коксохима Тамаркина он видел рядом со столом начальника серую больничную койку с белой простыней. Вдоль койки был протянут шпагат; на шпагате висела надпись: «Садиться на кровать негигиенично».

Гашибулла знал, что сотни людей, которые ежедневно бывали у Тамаркина, чтили его воспаленные от бессонницы глаза и оберегали чистоту белой простыни.

Зуево-мазетовцы спали на крыше. Койками им служили опалубочные щиты. Хотел Гашибулла и у себя над щитом протянуть надпись: «Садиться на кровать негигиенично», потом забыл об этом и утром унес опалубочный щит на перекрытие.

«Из печей готовый кокс направляется на коксортировку. Пятиэтажное здание магнитогорской коксортировки выстроено комсомольцами в 23 дня. Коксортировка направляет кокс в бункера домны».

Турма росла. Внутри ее стояли в рубашках мазетовской опалубки готовые бункера. Для последнего бункера плотникам нехватало леса. Склады стройки пустовали. Унести доски с соседнего участка было невозможно, ибо соседи сами снаряжали бригады на покражу леса. Мазетов долго крепился, наконец дал приказ:

— Забирайте модель на опалубку. Только смотрите, чтобы Петренко не видел. Дмитрий Иванович эту модель очень любит.

11 июля над магнитогорской площадкой прошел ураган. Ветер поднял с земли жирные напластования пыли и, закрутив ее круговоротами смерча, бросился с разных сторон на стройку.

Рабочие бежали вниз, под защиту железобетонных стен. В мгновение всюду прекратилась работа.

Гашибулла Мазетов был на самом верху турмы. Ураган выл в пустотелых коробках опалубки и бумажками пускал по ветру доски зуево-мазетовцев. Щит, на котором этой ночью спал Гашибулла, сорвало с перекрытия, и он унесся в неизвестность, окутанный клубами пыли. Зуево-мазетовцы не спускались вниз. Они сидели, охватив ногами колонны, и сшивали тонкие переплеты арматуры дюймовыми досками.

Ударник Мазетов завоевывал себе право стать членом партии.

18-го числа зуево-мазетовцы кончили самое высокое сооружение на Магнитострое—турму. В этот день Гашибулла понес в ячейку свое заявление.

«МАГНИТОГОРСК, декабрь 1931 г. Сегодня уголь Кузнецкого бассейна, сделав две тысячи километров до Магнитогорска, прошел весь

путь от эстакады до коксовой батареи и поступил в печи.

8-я батарея готова для выдачи кокса домнам».

плотина

Август 1930 г.

Еще совсем недавно хрупкий организм плотины хирел от изнурительной болезни. Пульс плотины был таким слабым, что кривая, спустившись до нуля, почти совсем не поднималась вверх на доске производственных показателей.

Да как могли улучшаться производственные показатели, если тело плотины разъедали язвы! Прогульщики струпьями облегли плотину. Спящие лодыри гнойной сыпью украшали строительный участок.

Врачи из заводоуправления, иногда навещавшие тяжело больную, ставили неправильный диагноз и вместо действительного оперативного вмешательства строчили длинные громopodobные приказы.

Приказы в Магнитогорске были таким же стандартным лекарством, как касторка в старом солдатском околотке.

Огромную стройку лихорадило. Производственный план выполнялся в десятой своей части. Прогулы составляли невиданный процент, а текучесть рабочих была катастрофической.

План и люди—решающие факторы выполнения производственной программы. В 1930 г. в Магнитогорске забыли о людях и плане; поэтому баланс второго года пятилетки пришлось подводить с позорными итогами.

Люди плотины первые напомнили о своем существовании. Люди плотины впервые из всех строительных участков заявили на митинге:

— Товарищи, плотина в опасности! А раз в опасности плотина, то в опасности и вся стройка.

— Товарищи,—добавил ударник Коршунов, руководитель комсомольской бригады плотников,—почему мы у себя на участке не хозяева, а гости? Почему мы спокойно спим на солнце-пеке, когда наши руководители составили планы—гармошки с растянутыми мехами? Да если мы станем работать по этим планам, то раньше первого февраля мы плотину не выстроим.

Против удлинённых планов постройки плотины выступил райком партии.

Рабочая печать объявила войну удлинённым срокам.

22 августа 1930 г. мальчишки продавали по участкам экстренный бюллетень газеты, выпущенный газетой «Магнитогорский рабочий» совместно с газетой «Комсомольская правда».

«Мы против удлинённых планов,—говорила газета.— Сегодня мы предъявляем плотине серьёзное требование—сократить план стройки и воздвигнуть плотину до наступления зимних холодов. Строить плотину без тепляков—вот лозунг, под которым должен быть составлен промфинплан».

«Для того чтобы этот лозунг до суровых зимних дней стал действительностью,—писала газета,—надо плотине разметить свой путь вехами точного и жёсткого плана, надо правильно расставить рабочую силу, организовав ее в ударные бригады. Надо дать рабочим конкретные задания и премировать бригады за перевыполнение их».

Рабочие плотины быстро подхватили эти лозунги, и встречный план двинулся навстречу удлинённому.

Руководители плотины дрались за каждый сокращаемый день.

— Не можем,—кряхтели они:—у нас кругом столько безобразий, что приходится страховать себя удлинённым планом.

— Так что же,—насмешливо спрашивали рабочие,—план у вас вместо госстраха служит? Нам такой план не нужен. С таким планом пятилетку и за десять лет не выполнишь, а мы ее в четыре норовим сделать.

— Сжимай меха плана-гармошки,—заявила общественность.— Строй плотину без тепляков!

Сроки стройки сокращали в больших спорах. С 1 февраля передвинули их на 15 января, с 15-го—на 1 января, потом на 15 декабря, на 10-е, с 10-го—на 30 ноября, с 30 ноября—на 15-е.

Спорам с хозяйственниками положил конец райком партии, и 28 августа рабочие читали вывешенные на участках листки-воззвания:

«Вы знаете трудности, с какими приходится работать сейчас. Зимой, при устойчивых морозах, эти трудности будут еще больше. Работа в тепляках много труднее, дороже и, возможно, не обеспечит необходимого качества. Поэтому мы должны закончить постройку плотины до наступления зимы. Плотина должна быть построена не позже 10 ноября».

Так постановил районный комитет партии. Такова была воля всех участников строительства плотины.

Начальник строительства плотины М. Степанов.

Сентябрь 1930 г.

К концу августа с левого берега Урала на правый, на всем километровом протяжении будущей плотины, рабочие создали живую плотину сплошных ударных бригад.

Организаторы, присланные райпарткомом и райкомом комсомола, вместе с инженерами и техниками составили планы для каждой группы рабочих, обсудили их на десятках, двадцатках и протянули над плотинной транспарант, содержащий решение всех бригад:

«Сделаем плотину показательным участком. Кончим ее 1 ноября!»

Весь сентябрь рабочие плотины латали те прорехи, которые оставили в наследие прорывы июля и августа. На плотине шла упорная борьба с безначалием, безответственностью и бесплановостью.

Прошел месяц. Воля рабочих совершила чудеса.

Две-три ямы, в которых раньше спали землекопы, вытянулись длинным, километровым котлованом.

Если в старом «плане-гармошке» за сентябрь предполагалось установить всего одиннадцать оснований для бычков, то благодаря встречному плану были достигнуты совсем другие результаты. От левого берега плотины до правого заложено сто оснований бычков, забетонировано пятьдесят арок, спрятаны в опалубку и арматуру девятиметровые верха шестидесяти бычков, из которых подавляющая часть уже забетонирована.

Эти успехи были предрешены трудовым упорством двух тысяч рабочих. Те самые котлованы, рыхлая земля которых служила постелью для лодырей в июле и августе, в сентябре являли собой другую картину.

В сентябре сквозная комсомольская бригада Худова многие ночи не вылезала наверх из котлованов, с невиданной настойчивостью откачивая воду, чтобы не приостанавливать бетонировку бычков.

Комсомольская бригада арматурщиков Романова назвала себя буксирной и шла после десятичасового рабочего дня туда, куда звали прорывы.

Если еще в августе «план-гармошка» предполагал, что каждый рабочий сможет в день уложить не больше одного кубометра бетона, то в начале сентября была уже установлена норма в 2,45 кубометра.

Ударники же из бригады Никольского, Захарова, Сабунаева, Бочкарева, Байдакова, Климкина и Южакова намного перевыполнили план и выкладывали не меньше трех кубов на человека.

Одиннадцать землекопам бригады Соловьева четыре раза присуждали премии за хорошую работу. Да как было не премировать их, если они вместо нормы в один бычок умудрялись ежедневно, стоя по пояс в воде, зачищать по три бычка.

В бригаде нас только одиннадцать, рассказывал Соловьев.— Наши орудия производства—тачки и лопаты. Раньше на плотине царил полнейший беспорядок. Чувствовалось, что нет в руководстве твердой руки. Даже наши тачки были раскиданы так, что пропадала всякая охота работать. Время шло, плотина крепла. Начал появляться порядок. Появилось желание работать и у нас.

Нашу бригаду направили работать в котлованы. Работа была трудная. Часто вода в котловане доходила до полутора метров. Песок-текун уползал с лопаты. Надо было найти выход из этого положения. Раньше у нас в котловане использовали мешки с песком. Мешками мы обкладывали место основания бычка, выкачивали воду и зачищали дно для бетонировки. Этот способ только изводил рабочих. Часто с большим трудом выкачаешь воду, а какой-нибудь случайный ключ просочится под мешком, котлован снова затопит водой, и наш труд пропадает зря. Рабочие злились, они во всем обвиняли меня и требовали, чтобы я как бригадир нашел для бригады работу полегче. Я же думал: если все мы будем гнаться за легким, кто же будет выполнять трудное? И вот тут мне в голову пришла мысль рационализировать работу. Я решил около каждого основания бычка делать маленькую плотину, чтобы вода не затопляла котлована.

Это делали мы так: клали на воду узкий плот из досок, устанавливали на нем мешки с песком; все это погружалось на дно. Затем снова сверху укладывали доски и обсыпали все землей. Сквозь такую преграду у нас не просачивалось ни капли воды. Когда мы применили к работе этот способ, то нам удалось зачищать в день по одному основанию для бычка. Затем мы приспособились, стали очищать по два основания, наконец по три. Этот способ помог нам быстрее перейти через Урал. Другие бригады подхватили мое изобретение и стали работать так же, как мы».

Ударники-землекопы бригад Соловьева и Улогова, стоя по пояс в воде, скоблили дно реки, пробиваясь к граниту, чтобы очистить и приготовить надежное место для 111 оснований бычков плотины.

За землекопами по пятам шли плотники. Плотники несли с собой доски для опалубки и яростное упорство не отстать от землекопов и закончить плотину до зимы.

Большевистские темпы перерождали многих. Даже те, ко-

Торым раньше свой пятак был дорожке социалистических миллионов, включаясь в ударный строительный конвейер плотины, забывали о себе.

Плотники, строя доски для опалубки, обстругивали и самих себя. Стружками падало к ногам под рубанком здорового коллектива все личное, привезенное из деревни.

Наша бригада была самой худшей на плотине. План мы не выполняли. Вместо работы многие ребята из нашей бригады жарялись на солнце, а то и вовсе не выходили на работу. Короче говоря, бригада Ковалева—это моя бригада—считалась здорово расхлябанной. Кругом работали. На что комсомольцы, и те не постеснялись и вызвали нас, стариков, на соревнование. Решили мы одуматься. Лодырям было заявлено:

— Если вы не перестанете греть спины и не возьметесь за ум, вас придется вычистить из бригады.

Многие лодыри взялись за работу, но были и такие, о которых пришлось толковать на собрании бригады и выкинуть из своих рядов.

Бригада окрепла. Мы стали ударниками. Но этого было мало. Нам нужно было лучше работать, для того чтобы доказать на деле землекопам плотницкие темпы. Мы решили перестроить свою работу. Я как бригадир разбил всю артель на четыре части. Одна часть у меня устанавливала только столбы и раскосы для опалубки, вторая—накрывала щиты, третья—заделывала головки, а четвертая—ставила вторые щиты.

Таким путем получилась у плотников специализация, и работа шла быстрее. Прогулов у нас больше не было, план перевыполнялся. Плотину выстроили, а что до бригады Ковалева—это моей бригады,—то спросите у комсомольцев; мы с ними соревновались, и они скажут вам, как и что».

Октябрь 1930 г.

Ночью плотина глядит на Урал глазами прожекторов. Ночью, как днем, по эстакаде быстро бегает вагонетки, и бетон с шумом падает в разинутые рты бункера.

За ночь на плотине арматурщики плели кружевные мускулы нескольким аркам, плотники прятали их в прочную кожу опалубки, а бетонщики заполняли соединительной тканью.

За ночь десятники и учетчики заносили в блокноты работу ночных бригад, и к утру первая смена, принимаясь за работу знала уже о результатах работы каждой ночной бригады.

— Ну что,—говорили бригады утром,—Захаров ночью опять нас на тридцать замесов обставил. Захарова бригада опять впереди идет. Неужели не догоним?

— Нагоним,—отвечали ударники,—лишь бы плотники не подвели.

Бригадир бетонщиков, расставив ударников по местам, бежал к плотникам узнать, как у них.

— Не зашьете бетонировку-то?—кричал он с эстакады вниз.— Захаров сегодня опять полез вперед, так мы его догнать собираемся.

— Что ж, догоняйте, коли сможете, а от нас задержки не будет.

Когда плотники бригады Кострова отстали и нависла угроза срыва бетонировки, к Кострову пришел плотник Филин со своими ребятами.

— Буксируете?—спросил Костров.

— Буксируем,—ответил Филин и молча принялся ставить раскосы.

Бригада Кострова оживала, она уходила раньше бетонщиков на нужное расстояние и точно, в определенный час и минуту, сдавала прорабу готовую опалубку.

Люди плотины сжились с новыми порядками. Они уже не представляли себе, как можно приступать к работе, не зная, что им нужно сделать за декаду. Они тревожились, если не видели в определенный час ежедневных показателей соревнования.

Буксир и сквозные бригады стали понятными всем мероприятиями.

Ночью, если арматурные работы запаздывали, бригадир спокойно посылал человека в бараки.

— Разбуди Романова,—говорил он,—пусть берет кусачки и идет сюда.

Бригадир говорил об этом спокойно, ибо знал, что комсомолец Романов придет. Разве может он не притти со своими ребятами, если вся плотина решила кончить работы к 1 ноября, а Романов с комсомольцами ратовал за это больше всех?

Романов не подводил. Он быстро являлся на место прорыва и работал до тех пор, пока плотники не говорили:

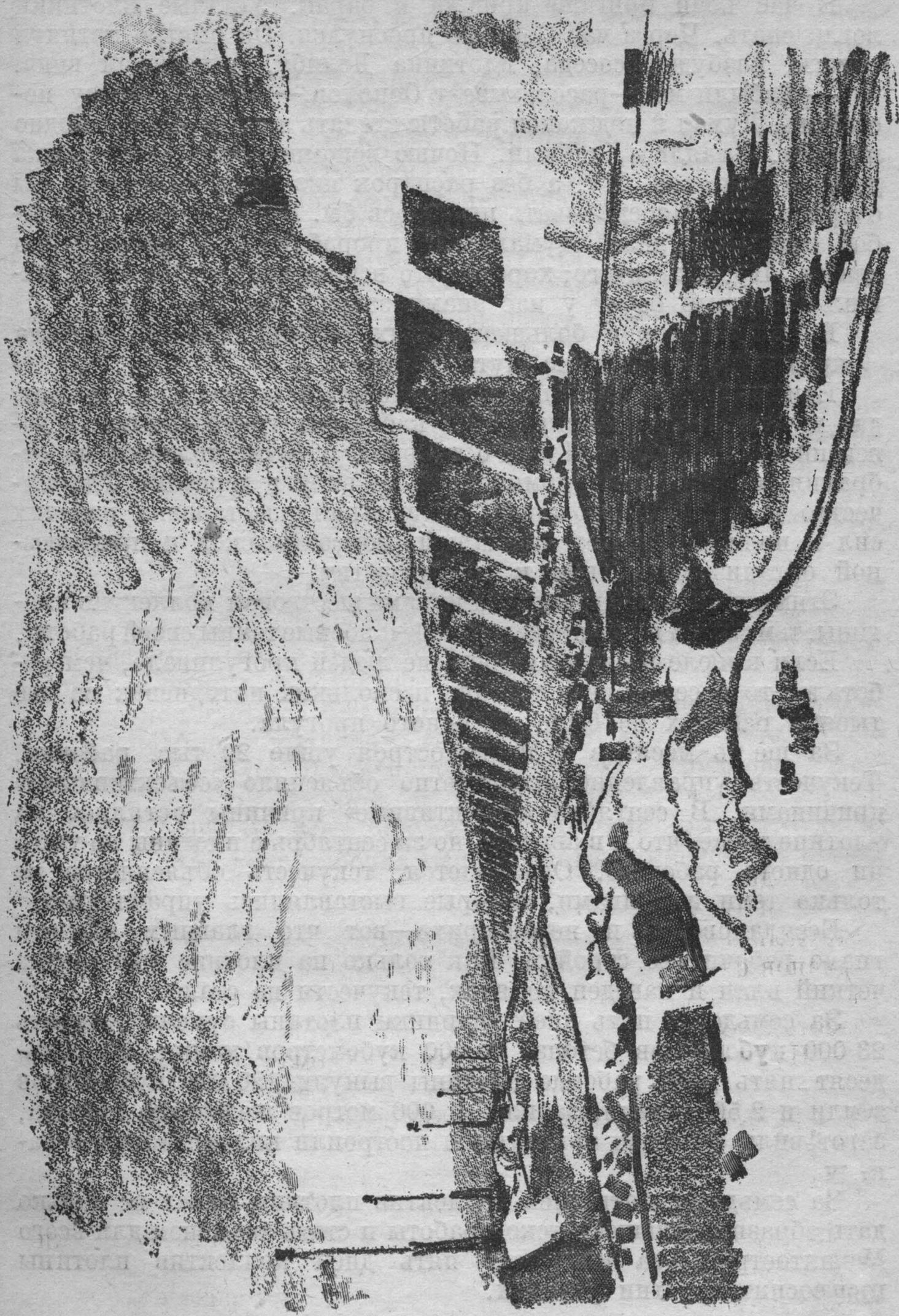
— Ну, теперь не страшно. Теперь арматура опалубки не сорвет. Иди, Романов, отоспись.

Ударники жили жизнью плотины. Они росли вместе с ее ростом.

Старый плотник Соколов вместе со своей бригадой должен был на 1 октября сдать три опалубки под арки.

Соколов гнал работу. Опалубка была почти готова, но неожиданно пришел прораб и заставил плотников переделать работу.

Срок сдачи опалубки подходил. Переделка застопорила бег темпов. Чтобы не осрамиться перед другими бригадами, Соколов сидел над опалубкой восемнадцать часов, пока не кончил ее.

Магнитогорская плотина, носящая имя IX съезда комсомола.

В час ночи бригада пришла в барак. Усталые плотники легли спать. Через час Соколов проснулся. Он быстро натянул сапоги, разбудил соседа, плотника Делибу, и побежал вниз.

— Забыли мы,—рассказывает Соколов,—распоры внизу поставить. Думал я под конец работы сделать это, да конец поздно пришел. Умаялись, забыли. Ночью вспомнил, что бетонировка должна начаться. Ну, а без распорок низ арки получился бы с кривинкой. Переделывать пришлось бы. Решил пойти с Делибой поправить дело. Думали час проработать, а проработали девять. Ну, это ничего; хорошо, что вспомнил, а то бы своих зашил и правый берег у нас знамя забрал бы.

В чем же корни большевистских темпов? Партия указала с предельной четкостью пути к ним:

Единоначалие. Четкий план, разбитый на месяцы, декады, дни и часы. План, не скрытый в кабинетах треугольника, а доведенный до бригад. План, о котором рабочие толкуют на собрании, в бараках и упоминают в письмах в деревню. Ударничество и учет соревнования, правильная расстановка рабочих сил и полный поворот партийной, комсомольской и профсоюзной организаций лицом к производству.

Этими указанными партией путями шествовал коллектив плотины, тем самым предопределяя победоносные темпы своей работы.

Если в июле на плотине больше людей прогуливало, чем работало, то в сентябре в течение нескольких пятидневок на две тысячи рабочих не было ни одного прогула.

За шесть месяцев с Магнитостроя ушло 20 тыс. рабочих. Текущее управление авторитетно объясняло «объективными» причинами. В сентябре «объективные» причины остались на плотине те же, что и в августе, но за сентябрь с плотины не ушло ни одного рабочего. Оказывается, текущее объясняется не только теми причинами, которые выставлялись управлением.

Бесплановость и неразбериха—вот что главным образом гнало рабочих со стройки. Как только на плотине был создан четкий план и наведен порядок, текущести не стало.

За семьдесят пять дней ударники плотины сумели уложить 23 000 кубометров бетона, 10 000 кубометров камня. За семьдесят пять дней рабочие плотины вынули 120 000 кубометров земли и 2 500 камня, забили 1 000 метров железного шпунта, заготовили 550 тонн арматуры и построили километровую эстакаду.

За семьдесят пять дней коллектив плотины сумел не только дать образцы большевистской работы и стать знаменем для всего Магнитостроя,—за семьдесят пять дней коллектив плотины перевоспитал сотни рабочих.

Землекоп Соловьев, думал ли он когда-нибудь, что ему придется мобилизовать данную нам энергию и буксировать отстающих, поднимать культработу в бараках и говорить на собраниях о негодной работе фабрики-кухни?

Инженер Левицкий, тот самый Левицкий, возмущенный прораб левого берега, который с карандашом в руках доказывал невозможность перенесения срока постройки плотины с 1 февраля на 1 ноября, стал другим Левицким и, чуть ли не плача, отдавал знамя правому берегу, который достиг в третью декаду сентября лучших показателей работы.

— Мы еще посмотрим,—грозился Левицкий,—что покажет октябрь! Наши ударники не подкачают, они сумеют забрать знамя обратно.

На четыре дня раньше встречного плана, на десять дней раньше заводского и на три месяца раньше «плана-гармошки» закончена была стройкой самая длинная в мире, километровая железобетонная плотина—плотина, в обязанность которой входило перерезать путь весенним водам реки Урала и создать огромное искусственное озеро для питания домен магнитогорского гиганта.

Встречный план, сокративший срок постройки плотины на три месяца, удешевил намного стройку, дал возможность до наступления холодов перекинуть 2 000 рабочих, закончивших стройку плотины, на другие участки.

Комсомол плотины был верным помощником партийной организации. Много примеров героического труда дали комсомольские бригады Пластинкина, Хлудова, Романова, Игашева, Сабунаева, Вдовина и Цыганцова.

Ударная работа этих бригад и послужила тому, что двухтысячный коллектив рабочих назвал плотину именем IX съезда комсомола.

«марион» на хозрасчете

Мы живем на площадке магнитогорской стройки и быстро сживаемся с ее темпами.

Мы каждодневно ходим по участкам, и нам стало привычным величие воздвигаемого гиганта.

Мы сжились с цифрами магнитогорского строительства. Нас уже не приводит в удивление, что ежесекундно в кассовой книге стройки десять целковых перечисляются из одной графы в другую. Мы успели привыкнуть к мысли, что **каждая секунда стоит на Магнитострое червонец**. Каждая минута—600 рублей, каждый час расценен бухгалтерией в 36 тысяч, а цена магнитогорских суток определяется в 864 тысячи рублей.

В каждую беседу на Магнитострое обязательно вклинивается миллиард.

Здесь, на площадке, запросто сожителствовали с этим миллиардом. Так, между прочим, сообщали:

— А знаете, наш завод будет стоить Республике миллиард рублей.

Начальники контор и прорабы строительных участков сдружились с миллиардом и забыли, что этот миллиард начинает свой счет с медной копейки.

Магнитогорские прорабы не считали нужным вести подсчет затраченным миллионам. Еще несколько месяцев назад их руки свободно могли нырять в кассу стройки и извлекать из нее любую сумму на нужды своего участка.

Не эта ли финансовая беспечность привела к тому, что сейчас зачастую нелегко определить стоимость уложенных фундаментов и выстроенных домов и бараков?

Но всему бывает конец. Пришел конец и бесцеремонному обращению прорабов с миллиардом. Управление строительством в марте установило неослабный контроль над кассой. Строительные конторы получили планы, нормы и цены на различные виды работ. Прорабов заставили познакомиться с хозрасчетом.

Было это в марте 1931 года.

Еще в 1922 г. Ленин писал Сокольникову, Цюрупе и Кржижановскому:

«Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали—и притом всецело отвечали—за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими не достигнуто, то, по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть, с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т. д.

Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном расчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками.

Следить за этим должен ВСНХ, но еще более Наркомфин через Госбанк и через специальных инспекторов, ибо именно Наркомфин, не будучи заинтересованным непосредственно, обязан установить действительный, реальный контроль и проверку».

Миллиард начинается с копейки; поэтому контроль рублем только тогда дает результаты, когда он начинается внизу, в бригаде, и идет вверх, через заводоуправление и трест к Наркомфину.

Хозрасчет **надо** организовать. Надо добиться, чтобы каждый плотник знал цену квадратного метра опалубки, которую он делает; чтобы каждый бетонщик знал цену кубометра бетона, а арматурщик—килограмма железа, из которого он плетет арматуру; чтобы машинисты экскаваторов и землекопы работали не вслепую; чтобы шоферы знали цену тонно-километра и чтобы **все вместе были действительно заинтересованы в экономии каждой копейки, каждой гайки, доски и каждого гвоздя.**

В апреле 1931 года комсомольцы-экскаваторщики решили начать хозрасчетный поход со своей машины. С машины, которая...

Недалеко от четырехэтажного здания заводоуправления, сейчас же за стальной ниткой рельсов, покоится большое тело «марион». «Марион» прибыла на стройку шумящим, жизнерадостным работником. «Марион» помнит тот день, когда мускулистый деррик, обхватив ее в талии двойным рядом стального троса, приподнял над грязной платформой и осторожно опустил на землю.

«Марион» помнит тот час, когда быстрые руки слесарей обули ее в новую пару гусениц. «Марион» помнит даже ту минуту, когда ее молодые легкие сжались под восьмиатмосферным давлением пара и медная глотка сирены радостно возвестила стройке о существовании первой машины в Магнитогорске. Этой машиной была «марион».

Когда «марион» тронулась в первый свой путь, гордо неся на длинной шее стрелы красивый зуб экскаваторного ковша,

окна заводоуправления украсились гроздьями любопытствующих, воздух огласился приветственными криками. Люди восторгались до тех пор, пока, тяжело отфыркиваясь, ползла «марион». Но вот на подъеме неопытные руки машиниста нажали не на тот рычаг,—тело «марион» вздрогнуло, зацементированные зубья шестеренок заскрежетали и посыпались, вылетая из десен машины. «Марион» остановилась. Любопытствующие головы закривились в скептической улыбке. Окна заводоуправления с шумом захлопнулись, и кто-то из досужих наблюдателей, усаживаясь за прерванный перечень исходящих и входящих, сказал вслух:

— Эх, Расея!

Окна захлопнулись. «Марион» оставили стоять за путями с разбитыми остатками шестеренок. Так было отмечено появление первой машины на стройке. Было это в лето 1930 года.

С этого дня «марион» кочевала по мастерским и строительным участкам. «Марион» была жертвой бесплановости и технической безграмотности.

Летом экскаватор заставляли совершать длительные путешествия по стройке. Осенью «марион» сделали паровым молотом, и она забивала шпунты.

Зимой «марион» заставили выполнять роль самовара на плотине и греть воду для горячей бетонировки.

Весной «марион» попала наконец в руки комсомольцев и, получив порядковый номер «двенадцать», направилась к домнам.

Сейчас «марион-12» стоит в забое воздуходувной станции доменного цеха. Рядом с ней, в других забоях и траншеях, экскаваторы «марион-11», «марион-2», «марион-10», «менк-гамброк-15», «менк-гамброк-7» и электрический «бьюс-айрос-5» снимают десятки тысяч кубометров земли под эстакаду, под котельные установки, под машинный зал и насосные станции.

За работой этих экскаваторов следят прорабы, бетонщики, арматурщики и плотники. По пятам экскаваторов идет железобетон. За ним в очереди программных работ—монтаж десятков тысяч тонн железных конструкций и оборудования.

Земля на Магнитострое стала узким местом. Всю магнитогорскую площадку надо спланировать под отметку 357. Это значит, что все цехи завода будут стоять на 357 метров выше уровня моря. Ровная площадка облегчит передвижение по заводу большегрузных составов, которые должны будут ежедневно перебрасывать из цеха в цех десятки тысяч тонн руды, кокса, чугуна и стали.

Чтобы спланировать всю площадку под отметку 357, надо снять 5 млн. кубометров грунта.

Экскаваторы сконцентрировали на себе все внимание стройки. На них надеялись, верили, что они не подведут. Но экскаваторы подводили. Они часами простаивали и выполняли не больше 20% своей программы.

Надо было превратить земляные работы в показательный участок и сделать экскаваторы ударными машинами.

Экскаватор «марион-12» первым перешел на хозрасчет и добился блестящей победы. 5 мая (первый день работы на хозрасчете) бригада «марион-12» впервые за время работы здесь этого экскаватора перевыполнила суточный план и дала 1 200 кубометров земли.

«Марион-12» открыла хозрасчетный путь экскаваторам «менкгамброк» и «бьюс-айрос». **Сквозная бригада нашла ключ к новым темпам. Ключом был хозрасчет.**

Сквозной бригаде пришлось вынести тяжелую борьбу, чтобы доказать оппортунистам и маловерам, как велики возможности хозрасчетной машины.

Чтобы с самого начала обеспечить правильную работу хозрасчетной бригады, ей надо было предоставить четко оформленную материальную базу. Надо было высчитать все расходы и приходы, связанные с эксплуатацией экскаватора, паровозов, вагонеток и землевозных путей. Надо было дать сквозной бригаде суточные и месячные задания, определить фонд заработной платы, точнее—составить калькуляцию.

Рабочие сквозной бригады понимали, что для лучшего внедрения хозрасчета надо начинать с калькуляции. Поэтому они, под руководством партийного коллектива доменного участка, настойчиво требовали от хозяйственников составления подробной калькуляции.

Вычислить калькуляцию сквозной бригады экскаватора «марион-12»—значило заранее определить стоимость каждого кубометра извлеченной земли и положить конец неразберихе с ценами. Руководители конторы земляных работ молча саботировали и не давали калькуляции. Они саботировали потому, что не хотели в лице хозрасчета иметь над собой сурового внештатного контролера.

Рубль должен был стать судьей их технических способностей, их умения работать. Две недели они негласно сопротивлялись. Сверху давил на них приказ начальника строительства, снизу нажимали ячейка и рабочие. Наконец 30 апреля родилась первая калькуляция хозрасчетной бригады экскаватора № 12. Четыре следующих дня были посвящены «уточнению». Результатами «уточнения» явились пять новых калькуляций. Каждая из них определяла вынужтому кубометру земли свою новую

цену: 1 р. 90 к., 1 р. 80 к., 1 р. 65 к., 1 р. 44 к. и наконец 1 р. 31 к.

Земстрой отказался принять эти расценки. Потребовалось специальное распоряжение управления строительством, которое утвердило стоимость кубометра в 1 р. 31 к. Руководители Земстроя саботировали попрежнему. Официально одни из них внезапно заболели, другие оказались «выходными», в действительности же все это значило:

«Делайте, что хотите, а мы посмотрим».

Ждать было некогда. Секретарь партколлектива Колбин и два работника газеты «Комсомольская правда» пошли к бригаде и начали проработку калькуляции, той самой калькуляции, о которой было столько споров.

Что же представляла собой эта калькуляция и почему она так напугала руководителей Земстроя?

До сего времени кубометр извлеченной земли, даже из одного и того же забоя, имел на Магнитострое различную стоимость. Сегодня экскаватор давал кубометр по 2 руб., завтра—по 4 руб., а еще через день цена кубометра земли выростала до 4 р. 70 к. Эта скачка цен была следствием разрозненной работы экскаватора, транспорта и свалки.

Экскаваторы часами простаивали, ожидая состава, который находился в ведении движенцев. Движенцы в свою очередь составляли акты на путейцев за плохо проложенные рельсы. И экскаваторщики и железнодорожники ежедневно кляли свалку и были бессильны ускорить разгрузку, ибо свалка находилась в ведении третьего хозяина. Такая организация работ вызывала огромные простои, значительно снижала производительность экскаватора и ложилась большим расходом на стоимость кубометра земли.

Прежде чем перевести экскаватор на хозрасчет, пришлось подчинить экскавацию, транспортировку и разгрузку земли одному хозяину и создать из разрозненных четырех групп рабочих одну сквозную бригаду. Одновременно, чтобы обеспечить постоянную заинтересованность всей бригады в повышении производительности экскаватора, была перестроена и система оплаты рабочих.

Здесь пришла на помощь прогрессивная сдельщина. Все рабочие сквозной бригады были протарифицированы по своей квалификации таким образом, что заработок каждого прогрессивно повышался в зависимости от увеличения числа кубометров земли, вынутой экскаваторами, отвезенной и выгруженной из вагонеток.

За выполнение месячной программы заводоуправление решило премировать рабочих сквозной бригады десятипроцентным повышением зарплаты. За переработку нормы на 10% бригада получает 20% приработка. Если бригада перевыполнит месячный план на 20%, то заработок каждого рабочего повышается на 35%. И наконец за переработку плана на 30% заработок повышается на 50%.

Такой же принцип прогрессивной сдельщины применен ко всем другим рабочим экскаватора, железной дороги и свалки. Заработок всех категорий рабочих сквозной бригады повышается в зависимости от выработки соответственно их тарифным разрядам.

В калькуляцию сквозной бригады, кроме фонда заработной платы, входят эксплуатационные расходы—топливо, смазочные и обтирочные материалы, вода, электрическая энергия, ремонт и амортизация механизмов. Кроме того калькуляция предусматривает законный процент накладных расходов на заработную плату и административно-технические расходы.

Месячное задание сквозной бригады экскаватора № 12—28 600 кубометров земляной выемки и переброска ее на 3 километра к свалке. Расходы бригады установлены в 37 597 руб. Таким образом стоимость одного кубометра земли твердо определена в 1 р. 31 к.

4 мая рабочие сквозной бригады обсудили эту смету. Машинист Силкин внес предложение уменьшить количество паровозов, отвозящих вынутую землю на свалку, и прикрепить к экскаватору вместо трех паровозов два.

Это предложение было вызвано тем, что свалка временно находилась не за 3 километра, а только за 2 километра от забоя.

Машинист паровоза Зерзин предложил быстрее закончить укладку разъезда недалеко от забоя, с тем чтобы пустить третий состав вагонеток и уменьшить простой экскаватора.

Явившийся на собрание машинист экскаватора № 15 Юдин предложил организовать бригадный треугольник. Для этого он посоветовал объединить рабочих экскаватора, транспорта и свалки в одном цеховом комитете и в одной партийной и комсомольской ячейках. До сих пор эти три группы рабочих числились у разных прорабов и контор, массовая работа среди них велась тремя ячейками и тремя цеховыми комитетами. Таким образом перевод на хозрасчет и создание сквозной бригады сопровождалось перестройкой партийной, профсоюзной и комсомольской организаций.

Большие споры вызвал вопрос о назначении бригадира сквозной хозрасчетной бригады. Многие считали, что роль бригадира может выполнять сменный машинист экскаватора. Более даль-

новидные рабочие указывали, что машинист обязан уделять всё время экскавации, а не заниматься административными делами. Эта точка зрения победила, и собрание решило просить Земстрой поставить во главе бригады крепкого руководителя.

Рабочие нижней бригады экскаватора предложили прикрепить к паровым экскаваторам дежурных водопроводчиков, чтобы не тратить времени на починку водопроводных труб во время экскавации. Движенцы в упор поставили вопрос перед путейцами о балластировке пути, о выпрямлении железнодорожной линии и ремонте стрелок.

5 мая в полночь, несмотря на полное пренебрежение к этому делу руководителей Земстроя, первая смена хозрасчетной сквозной бригады «марион-12» приступила к работе.

● **12 часов ночи.** Экскаватор «марион-12» тонет в черной мгле забоя. Третья смена догружает свой последний «нехозрасчетный» состав. Внизу под экскаватором стоят рабочие первой смены сквозной хозрасчетной бригады. Пока ковш «марион» засыпает вагонетки землей, проводится летучее производственное совещание первой смены.

● **12 часов 15 минут.** Машинист Чурак в десятый, а может быть, и в сотый раз жалуется на темноту в забое:

— Неужели нельзя здесь, у экскаватора, поставить переносную лампу? Подумать только: из-за темени каждая ночная смена дает на состав, а то и на два земли меньше, нежели днем. Расход на электрическую лампочку грошевый, а убытки от темноты — тысячные...

● **12 часов 30 минут.** От экскаватора отходит последний состав вагонеток, нагруженных третьей, нехозрасчетной сменой. Чурак со своей бригадой принимает машину. Начинается производственное совещание третьей смены. Завтра она тоже становится хозрасчетной. Снова разговоры о лампочке, о негодном пути, о медленной оборачиваемости составов и о том, что к экскаватору редко подходят для помощи прорабы и механики...

● **В 1 час ночи** пришел наконец порожняк. 35 минут потребовалось для загрузки вагонеток. 12 минут состав шел до свалки. 8 минут он там разгружался и наконец 20 минут должен был простоять на разъезде в ожидании следующего груженого состава.

● В среднем экскаватор стоит в бездействии по 30 минут, ожидая порожняка. Это при «нормальном» ходе работ. Выясняется, что если устроить разъезд на километр ближе и включить третий состав вагонеток в работу сквозной бригады, то перерывы в погрузке вагонеток уменьшатся на 25 минут. Порожняк будет подходить к экскаватору через 5 минут после отхода груженого состава.

Идем на место, где должен быть новый разъезд. Оказывается, разъезд уже готов, но им нельзя пользоваться, потому что нет стрелочного перевода. Об этом переводе разговор тянется 4 дня, а перевода все нет. Ищем дорожного мастера Долгачева. Долгачева нет. Он спит на 5-м участке, в 16-м бараке... Возможно, ему снится порожняк на новом разъезде, который он не закончил по своей халатности. Халатность эта за 4 дня помешала выбрать из забоя 830 вагонеток грунта и нанесла стройке 2 500 руб. убытка.

● **2 часа 05 минут.** Первая хозрасчетная смена начинает грузить второй состав. К этому времени нам удалось договориться с дежурным монтером Трениным. Потребовалось только 30 минут для того, чтобы над забоем засверкал электрический рефлектор. Первое предложение хозрасчетной бригады было исполнено спустя час после того, как оно поступило.

Результаты сказались быстро. Второй состав был нагружен не в 35 минут, а в 28.

● **2 часа 33 минуты.** Второй состав идет на свалку. Мы сидим на последней вагонетке, и поезд увозит нас из полосы ярко освещенного забоя в туннельную мглу узкоколейного пути.

Со свалки порожняк возвращается обратно. На разъезде, ожидая встречный груженный состав, порожняк стоит полчаса. Рядом деревянный закуток дежурного по станции и узкоколейки. Вопрос дежурному:

— Кто должен осветить свалку?

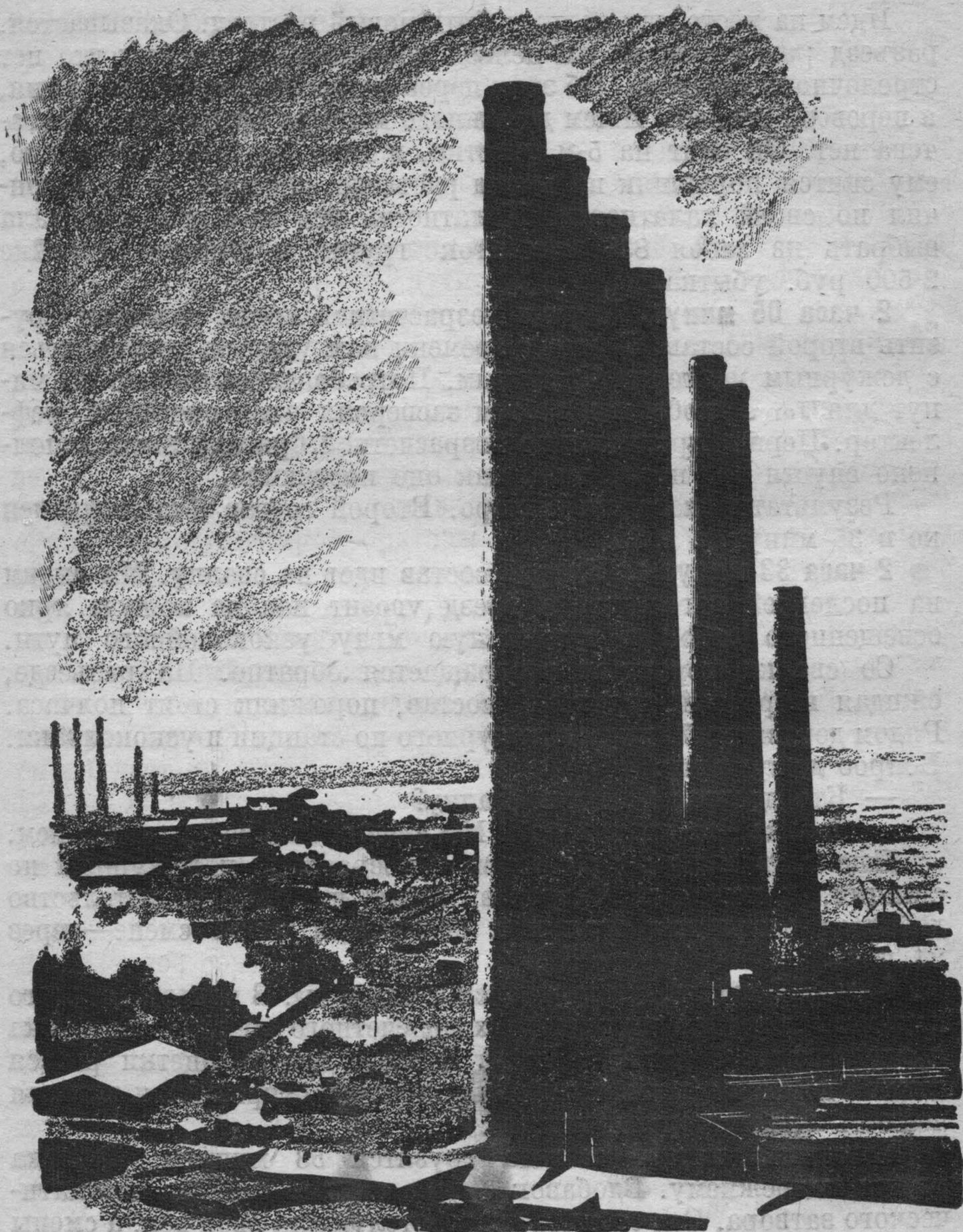
— Свалка—не наше дело... Мы следим только за движением.

Еще пять минут разговоров о хозрасчете, и дежурный по станции, комсомолец Саврасов, берет на себя обязательство добиться освещения свалки к следующей своей смене—через 24 часа.

● **4 часа 20 минут.** Мы трогаемся к «марион». В половине пятого началась погрузка червертого хозрасчетного состава. Погрузка продолжается 50 минут. Через каждые три вагонетки рвется гнилой конец веревки, с помощью которой открывается нижняя челюсть экскаваторного ковша.

● Вагонетки пятого состава грузятся 53 минуты. Веревка рвется попрежнему. Вдобавок начала заедать собачка автоматического затвора. Эта собачка давно отслужила свой век, а смены ей нет.

● Под «марион» выбивается из сил машинист, стягивая бока старой собачки проволокой и связывая в узлы сгнившую веревку. Вверху, у тоскливо-спокойных вагонеток, появляется силуэт человека в кепке. Человек долго стоит, спокойно наблюдая суету машиниста. Наконец это ему надоедает, и он двигается дальше. Мы

Трубы мартеновского цеха.

заинтересовались человеком в кепке и преградили ему путь. Это оказался старший рабочий Ворош. Он меланхолично оглядел нас и заявил, что ему некогда заниматься «всякими веревками», ибо под его наблюдением находятся три экскаватора.

● Гнилая веревка отняла у экскаватора 40 минут рабочего времени. Это — полтора состава недогруженных вагонеток.

● Начинает светать. Сквозная бригада нажимает на все рычаги, чтобы выполнить норму. Чаще стали появляться у экскаватора люди в кепках. Пришел молодой человек, оказавшийся дежурным агентом по снабжению Жоржиковым. За ним на гребне забоя выросла фигура в сером плаще и фетровой шляпе. Фигура стояла далеко и скрылась, прежде чем мы приблизились к ней, чтобы узнать должность и фамилию.

● Вскоре появилась новая кепка. Ее обладателем был на этот раз дежурный механик Богданов. За Богдановым пришел кто-то в пальто. Он ежился от утреннего холода и молчаливо смотрел на машину. Это был самый старший в эту ночь. Называли его прорабом Митяшиным.

● Вызванные на разговор, все эти люди в кепках, пальто, плащах и шляпах очень сочувственно качали головами, рассказывали историю терзаний экскаватора № 12 чуть ли не за целый год, плакались о плохой веревке, об испорченной собачке и неосвещенной свалке. Все они возмущались, ругались, кричали, что обо всех этих безобразиях они доводили до сведения «самого» начальника строительства, но никто из них не мог сказать прямо, что сделал он, чтобы вырвать экскаватор из цепких пальцев простоев.

● **7 часов 50 минут.** Машинист Чурак грузит восьмой состав. Появляется поднятый с постели дорожный мастер Долгачев. Он молча выслушивает сообщение, что по его вине не извлечено сто вагонеток земли, и так же молча уходит. Через 20 минут на полотне узкоколейки у разъезда появляются путевые рабочие. Долгачев дает слово закончить разъезд к 9 часам утра.

● **8 часов 15 минут.** Отходит последний состав первой хозрасчетной смены. На дверцах экскаватора появляется мелом выведенная надпись:

*Мы работаем на хозрасчете
первой смены сквозной брига-
дой МАРИОН № 12 выполнили
353 кубометра — на 12 кубомет-
ров меньше нормы.*

● Первая смена недовыполнила норму на 12 кубометров только из-за того, что руководители конторы Земстроя не обеспечили сквозной бригаде хорошего административно-технического руководства и не выделили бригадира. Ночные дежурные Жоржиковы, Богдановы и Митяшины вместо руководства разгуживали по забоям, точно по бульвару, совершенно не заботясь о нормальном ходе экскавации. Но и при таких условиях сменный план был недовыполнен только на 12 кубометров. Для начала и это было большой победой.

● Без технического и хозяйственного руководства Земстроя, по своему революционному почину, восприняв директиву партии о хозрасчете как боевой приказ, самоотверженно работала в эту ночь первая смена сквозной хозрасчетной бригады: машинист экскаватора Чурак, кочегар Карелин, рабочие нижней бригады Паршаков и Лабузов, паровозная бригада (Зерзин, Филиппов, Вакулин, Кравченко, Дунаев, Буелла) и бригада рабочих на свалке. Секретарь звеновой ячейки Силкин дежурил ночью, разъясняя рабочим значение хозрасчета.

● **8 часов 20 минут.** Вторая смена занимает место у машины. Машинист Полянский 6 часов работал на двух составах вагонеток. Только к концу рабочего дня был закончен новый разъезд, который позволил включить в транспортную цепь третье звено вагонеток.

Третий состав вагонеток сократил простои экскаватора.

● Четыре аварии сопутствовали работе второй смены. Обрыв ковшевого троса, три схода вагонеток с рельсов и, несмотря на все это,

вторая смена хозрасчетной сквозной бригады «марион-12» под руководством машиниста Полянского дала на 18 кубометров больше встречного плана и на 43 вагонетки больше задания заводоуправления.

● Третья смена нагрузила 417 кубометров.

Суточный план заводоуправления сквозная хозрасчетная бригада перевыполнила в первый же день. Запроектированная по калькуляции цена кубометра земли была понижена сквозной бригадой: вместо 1 р. 31 к. кубометр земли обошелся в 1 р. 22 к.

● Прошло два дня. Со всех участков к экскаватору «марион-12» приходили рабочие поучиться на опыте первой хозрасчетной бригады. Ударники подробно расспрашивали о производственных показателях, о калькуляции и шли к себе в бригаду с решением немедленно устанавливать хозрасчет.

Четыре паровозных машиниста пришли к начальнику строительства с листовкой выездной редакции «Комсомольской правды». Машинисты жаловались на неповоротливость Земстроа и требовали немедленного перевода их паровозов на хозрасчет.

Бригады экскаваторов №№ 15, 5 и 11 пришли в партийную ячейку домны с требованием перевести их по примеру экскаватора № 12 на хозрасчет.

Хозрасчетный «ледоход» на Магнитострое начался не плохо. Рабочие сквозной бригады «марион-12» не успокоились на одержанной победе. Они поставили себе целью перешагнуть еще непревзойденные рекордные цифры использования экскаватора, достигнутые на стройке Панамского канала. Там использование экскаватора достигло 63% его технической мощности¹. Мы используем свои экскаваторы пока что не более чем на 30—35%. Экскаватор № 12 дал 55% использования. Осталось еще немного, чтобы на стройке магнитогорской домны были превзойдены рекорды Панамского канала.

Блестящий опыт экскаватора «марион-12» заставил машинистов экскаватора «менк-гамброк-15» добиться у руководителей Земстроа разрешения на создание второй хозрасчетной бригады.

Калькуляция экскаватора «марион-12» легла в основу организации второй хозрасчетной бригады. Рабочим пришлось пересмотреть только норму выработки машины, ибо ковш «менк-гамброк-15» вдвое больше ковша «марион». Соответственно с нормами изменились и расчеты при составлении новой сметы. Графа расходов возросла, так как на стройке нет большегрузных самопрокидывающихся вагонов широкой колеи и разгрузку земли с платформы приходится производить вручную. Такой способ разгрузки требует во много раз больше рабочих, нежели разгрузка самопрокидывающихся костромских вагонеток экскаватора № 12.

Допотопный способ разгрузки заставил рабочих серьезно задуматься над механизацией свалочных работ. Кто-то вспомнил, что имеется механический плуг, сконструированный более полугода назад американским инженером Эллисом. Начались поиски забытого плуга, а плуг стоял безжизненным монументом и не мог оказать рабочим помощи, ибо на стройке не было ле-

¹ Бесперывной работы экскаватора, т. е. стопроцентного использования его, достичь на практике невозможно, поскольку экскаватор должен останавливаться несколько раз в смену для набора воды, угля и для смазки частей. Для наиболее полного использования механизма требуется сокращение простоев до предельного минимума.

бедки нужной мощности, а руководители Земстроя не побеспокоились раздобыть ее.

Сквозная бригада «менк-гамброк-15» обратилась тогда через пост комсомольского сквозного контроля к рабочим ленинградского порта с просьбой поискать у себя на складах старую 12-тонную корабельную лебедку и выслать ее в Магнитогорск.

Вынужденный кустарный способ разгрузки однако не оставил перевода экскаватора на хозрасчет. Рабочие свалки обещали приналечь на разгрузку и не тормозить экскавации.

10 мая рабочие экскаватора «менк-гамброк-15» встали в шеренгу хозрасчетных сквозных бригад Магнитостроя. Рабочие свалки сдержали свое слово. Через каждые 7 минут после отхода груженого состава к экскаватору подходил порожняк. В первые же сутки план заводу управления был выполнен. Второй день дал еще лучшие результаты. Коллектив сквозной превысил норму встречного.

Немалую роль в этой победе сыграла правильная расстановка сил. Смены были подобраны из постоянного состава рабочих. Машинист экскаватора знал, кто работает у него в бригаде, какие рабочие обслуживают паровозы и сколько бригад работает на свалке. Все три группы сквозной начинали работу в одно время. Раньше экскаваторщики приступали к работе на 2 часа раньше паровозников, а рабочие свалки сменялись через час после паровозников. У каждой из этих групп был свой выходной день. С переходом на хозрасчет время начала экскавации, транспортировки и разгрузки было заранее точно определено, поэтому простои были сокращены до минимальных размеров.

«Менк-гамброк-15» включился в соревнование с экскаватором «марион-12». Соревнование захватило коллективы двух хозрасчетных бригад, и 16 мая в Москве «Комсомольская правда» напечатала телеграмму-молнию из Магнитостроя.

«МАГНИТОГОРСК, 15 МАЯ (МОЛНИЯ).

БЛЕСТЯЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ПЕРВОЙ СКВОЗНОЙ ХОЗРАСЧЕТНОЙ БРИГАДЫ ЭКСКАВАТОРА «МАРИОН-12» ПОДХВАЧЕНЫ ВСЕМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ. ПО НАСТОЙЧИВЫМ ТРЕБОВАНИЯМ РАБОЧИХ ПЕРЕВЕДЕН НА ХОЗРАСЧЕТ ЭКСКАВАТОР «МЕНКГАМБРОК-15».

В ПЕРВЫЕ ДВА ДНЯ ХОЗРАСЧЕТНОЙ РАБОТЫ ВТОРАЯ СКВОЗНАЯ БРИГАДА ПРЕВЗОШЛА ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРВОЙ. СУТОЧНАЯ НОРМА ЭКСКАВАТОРА «15» ОПРЕДЕЛЕНА В 1800 КУБОМЕТРОВ. БРИГАДА ВЫДВИНУЛА ВСТРЕЧНЫЙ ПЛАН В 2 ТЫС. КУБОМЕТРОВ. В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СДЕЛАНО 2400 КУБОМЕТРОВ. СКВОЗНАЯ ЭКСКАВАТОРА «МЕНК-ГАМБРОК-15» ПОБИЛА МИРОВОЙ РЕКОРД ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСКАВАТОРА, ДОСТИГНУВ 70% ТЕОРЕТИЧЕСКИ ВОЗМОЖНОЙ МОЩНОСТИ ЭКСКАВАТОРА. САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПРОЦЕНТ

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСКАВАТОРА НА СООРУЖЕНИИ ПАНАМСКОГО КАНАЛА — 63% — ОСТАЛСЯ ДАЛЕКО ПОЗАДИ.

ДОСТИЖЕНИЯ ОБОИХ ХОЗРАСЧЕТНЫХ ЭКСКАВАТОРОВ НЕ СЛУЧАЙНЫ; ПЕРЕХОД НА ХОЗРАСЧЕТ УЛУЧШИЛ РАССТАНОВКУ СИЛ, ПОВЫСИЛ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫПОЛНЯЕМОЕ ДЕЛО ВО ВСЕХ ЗВЕНЬЯХ, УЛУЧШИЛ ТЕХНИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО, СТИМУЛИРОВАЛ СОРЕВНОВАНИЕ. НЕ УСПОКАИВАЯСЬ НА ДОСТИГНУТЫХ УСПЕХАХ, РАБОЧИЕ УГЛУБЛЯЮТ СИСТЕМУ ХОЗРАСЧЕТА, ОРГАНИЗУЯ ПЛАНОВО-ОПЕРАТИВНЫЕ ГРУППЫ, НАЛАЖИВАЯ ЕЖЕДНЕВНЫЙ УЧЕТ, НА ЛЕТУЧИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЯХ ОБСУЖДАЮТ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СНИЖЕНИЮ СЕБЕСТОИМОСТИ РАБОТЫ ЭКСКАВАТОРА.

ВЧЕРА ПЕРЕВЕДЕН НА ХОЗРАСЧЕТ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПАРОВОЗ. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ХОЗРАСЧЕТНОЙ РАБОТЫ НАЧАЛЬНИК СТРОИТЕЛЬСТВА ИЗДАЛ ПРИКАЗ О ПЕРЕВОДЕ В ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ СРОК НА ХОЗРАСЧЕТ ПО ОДНОЙ БРИГАДЕ В КАЖДОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОНТОРЕ НА КАЖДОМ УЧАСТКЕ. ОПЫТ ЭКСКАВАТОРОВ №№ 12 И 15 БУДЕТ ИСПОЛЬЗОВАН НА ВСЕМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ».

«Нехозрасчетные» времена оставили свои следы на Магнитострое. Экскаваторы работали вне тщательного технического надзора. От машин старались как можно больше взять, совсем не заботясь при этом о предупредительном ремонте, тщательной горячей промывке котлов и о замене износившихся частей новыми.

Хозрасчет быстро выявил прежнее техническое бессилие руководителей Земстроя, которые не считали нужным окружить экскаваторы должным вниманием. Один за другим выплывали наружу конкретные виновники зла. Виновниками были дежурные механики, которые не считали своим долгом осуществлять технический надзор. Виновниками были руководители экскаваторной базы и конторы Земстроя, которые приходили к экскаваторам только в случае аварии и задним числом регистрировали выход машины из строя. Виновниками были некоторые машинисты, которых называют в Магнитогорске «дергачами» за то, что они хищнически относятся к машине, считая своей обязанностью только экскавацию и не заботясь о техническом состоянии машин.

Этот период наложил свой отпечаток на «марион-12», и его вскоре пришлось поставить на ремонт.

Машинисты комсомольского экскаватора «марион-11» решили встать в забой на место, освобожденное «марион-12», и организующая роль в сквозной бригаде перешла к ним. Стремление машинистов работать на хозрасчете было огромно. Получив разрешение перейти в забой «марион-12», они совершили путь к этому забою вместо положенных полутора суток в 4 часа. Машину вел комсомолец Шатилов. Очередной ремонт, горячую промывку котла и смену пяти дымогарных труб бригада экска-

ватора № 11, под руководством машиниста Заая, выполнила вдвое быстрее обычного.

Хозрасчет позволил сократить в два раза даже такую издавна установившуюся, незыблемую норму, как сроки ремонта. Качество ремонта не ухудшилось.

Накануне первого же дня работы на хозрасчете машинисты «марион-11» на производственном совещании решили не отставать от показателей «менк-гамброк-15» и оставить позади рекорды Панамского канала.

Машинист Заай составил себе твердый промфинплан. По сменной норме он должен был дать 146 вагонеток, по встречному—160. Заай решил в первую хозрасчетную смену дать 180 вагонеток, во вторую—200, в третью—225 и наконец в четвертую—250 вагонеток.

Этот план он выставил перед другими машинистами, которые обсудили его и приняли.

Заай точно выполнял свой план в течение двух дней. В третий день своей хозрасчетной работы он удивил всех машинистов экскаваторной базы: **его смена дала 237 вагонеток** и оставила далеко позади не только рекорды Панамского канала, но и показатели, достигнутые экскаватором «менк-гамброк-15». Теоретически возможная мощность экскаватора была использована в эту смену на 80%.

Комсомолец Шатилов и комсомолец Кириенко решили не отставать от Заая. Их смены шли по пятам зааяевских достижений. Кириенко на третий день хозрасчетной работы экскаватора «марион-11» нагрузил 195 вагонеток, Шатилов—203 вагонетки.

Не везло только машинисту Синявскому: он не мог приспособиться к машине и с трудом выполнял свою норму. Машинист Заай взял Синявского на буксир и вместе с машинистом Шатиловым вводил Синявского во все тонкости сложных механизмов «марион-11».

С каждым днем увеличивалось число хозрасчетных бригад. Пример экскаватора «марион-12» был настолько убедителен, что даже руководители Земстроя, предусмотрительно прятавшиеся раньше за углом, начали включаться в организацию хозрасчетных сквозных бригад.

Начался плановый перевод бригад на хозрасчет, а пионеры хозяйственного расчета—сквозные бригады экскаваторов «марион-12» и «марион-11»—стали углублять новые методы работы. Одновременно с борьбой за лучший технический надзор они решили пронизать свою работу планом и учетом. В помощь бригадиру рабочие выделили планово-оперативную группу.

Деятельность планово-оперативной группы дала возможность быстро наладить учет и ежедневное планирование по сменам. При помощи летучих производственных совещаний в короткие сроки устранялись разные помехи и уменьшалось количество вынужденных простоев.

Хозрасчетный поход ширился. Опытом экскаваторщиков заинтересовались арматурщики, бетонщики и плотники. Они приходили в свободное время на совещания сквозных бригад, следили за их работой, и суточные показатели ударников хозрасчета на следующий день обсуждались почти по всем бригадам доменного цеха.

Комсомольские экскаваторы дрались за хозрасчет. Они увеличивали процент использования машин. Они расчищали землю для монтажных работ комсомольской домны и под повседневным руководством парткома вышли в борьбе за хозрасчет победителями.

записи из блокнота

Блокнот в кожаном истрепанном переплете покоится в боковом кармане моей тужурки. Уже восемнадцать месяцев мы путешествуем с блокнотом по участкам и баракам, вместе поднимаемся на колошник и опускаемся в котлованы. Мой блокнот выносит на своих страницах все тяготы совместной работы с постовым «Комсомольской правды». У него нет ни выходных дней, ни декретного отпуска.

Блокнот обязан следить за хроникой магнитогорских событий и предоставлять листки свои разным записям.

Время летит. Там, где вчера громоздились замшелые тысячелетиями валуны, сегодня уже высятся цехи комбината.

Дабы не превращать наш блокнот в кладбище наблюдений и событий, мы решили некоторые, не лишённые интереса записи упорядочить и предать гласности под такими разделами: записи исторические, записи о людях и событиях, записи из истории комсомольской домны и записи о пусковых днях.

записи исторические

«К сему Иван Мясников руку приложил». Было оное действие совершено июля 16 числа 1747 г.

Заводчик Иван Мясников, через своих приказчиков, в компании с Иваном Твердышевым произвел первые разведки на горе Магнитской.

В «деле № 36» по прошению компанейщика Ивана Мясникова: о построении железного Ивановского завода оренбургская губернская канцелярия согласно указу «блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра великого» руками инженерного корпуса, кондуктора Федора Менц, впервые начертала географическое расположение горы Магнитской.

«Июля 16 числа 1747 г. От Магнитной крепости, вверх по Яику-реке, 7 верст по течению той реки на левой стороне, а от оной реки Яика с 3 версты, по горе, называемой Магнитской, железная руда, на которой рудного положения с полторы версты

по верху у конца той горы. От Яика-реки лес, на той горе и под горой поставлено три столба с вырезанием литер помянутых заводчиков».

В следующем разделе «дела № 36» по прошению упомянутых заводчиков, Ивана Мясникова и Ивана Твердышева, дается вторая географическая точка найденных руд:

«По показанию башкирца в деревне Смаиловой Смаилова на самой верховой дороге в лесу, на речке Ик-Карга, на правой стороне в лесу, а лес березовый и дубовый, и пониже оно, например со 130 сажен по левую сторону дороги, лежит рудный камень пуда с 3, а пониже оно камня по правую сторону дороги с версту, в сухой рытвине, лежит железная руда до камня в расстоянии от оной речки с 50 сажен».

«Дело № 36» по прошению 1747 г. было заведено оренбургской губернской канцелярией только в 1752 г.

Пять лет компанейщики Иван Мясников и Иван Твердышев писали покорнейшие донесения, и пять лет оренбургская губернская канцелярия оставляла покорнейшие доношения без ответа.

В 1751 г. симбирянин медных заводов Иван Мясников отправил челобитную в Петербург «на высочайшее».

В 1752 г. компанейщики получили ответ. Сей ответ гласил нижеследующее:

«В выданной в прошлом, 1719 г., декабря 10 дня, блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра великого за собственноручным его величества подписанием берг-привилегии между прочего в ниже писанных пунктах напечатано:

В 1-м. Соизволяется всем и каждому дается воля, какого чина и достоинства ни был, в любых местах, как на собственных, так и на чужих землях, копать, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералы, яко селитра, сера, купорос, квасцы, и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждый толико промышленник принять может, воелико тот завод надобное иждивение востребует.

Во 2-м. Кто новые металлы и минералы изобрещает и охоту будет иметь к устройению заводов, тем в Санкт-Петербурге коллегии, в Москве, в Сибири и в Казани определенным от берг-коллегии берг-офицером, которые должны служить оным добрым советом вспомоществовать, и когда оные офицеры сысканную какую руду удивления достойную найдут, тогда должен сыскатель берг-коллегию письменно дать и при том пробу изобретенной руды прислать и просить о позволении построения завода.

В 3-м. Берг-коллегия имеет по оным доношениям не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою рудою и минералами наилучше поступать и в доброе и неубыточное состояние произбыть.

В 4-м. Получившему такую привилегию или жалованную грамоту на месте, где руда обретена, будет 250 сажен долготы,

250 сажен ширины отведено должно быть, и на том отведенном месте он и его товарищи всякую руду и минералы, что обрящет под землею, копать и к тому потребное строение построить волен».

Этот «блаженные и вечно достойные памяти» указ и позволил Ивану Мясникову к горе Магнитской руку приложить.

В 1752 г. кондуктор инженерного корпуса Федор Менц сообщил в оренбургскую губернскую канцелярию официальным рапортом:

«Сего 1752 г. по данной мне из оренбургской губернской канцелярии инструкции под № 3103, по которой, между прочим, велено во вновь заводимому Ивановскому железному заводу заводчиков Ивана Твердышева, Ивана Мясникова отвести сысканные ими в прошлом, 1747 и в нынешнем, 1752 г. железные рудники, а сколько оных и в каких местах и в урочищах приложен реестр и велено оные все те места положить на ландкарту, кою прислать в оренбургскую губернскую канцелярию, и по оной данной мне инструкции, сысканные ими заводчиками железные рудники в 1747 г. близ реки Яику, по течению оной с левой стороны расстояния от Магнитной крепости в 7 верстах, в называемой горе Атачи, лежащей в оной в трех местах, которые и отведены и поставлены грани, а прочие по приложенному реестру за наступившим зимним временем и за великим снегом отвести было невозможно, и оным железным трем рудникам в именуемой горе Атачи при сем в оренбургскую губернскую канцелярию прилагаю план».

Кондуктор Федор Менц
1 октября 1752 года.

Формальное завершение отвода горы Магнитской в их собственность компанейщики увековечили следующим документом:

«В оренбургскую губернскую канцелярию

Симбирянина медных заводов
заводчика Ивана Мясникова

ПОКОРНЕЙШЕЕ ДОНОШЕНИЕ

По данному мне ее императорского величества из оренбургской губернской канцелярии указу обще с компанейщиком моим, довольно известным оренбургской губернской канцелярии Иваном Твердышевым, об отыскании железных рудников по строению железного завода удобного места: прилагая найсильнейшее старание, через помощь божию отыскал железных рудников довольно число, також и сысканные в прошлом, 1747 г., осмотрены, из коих многие явились благонадежны, а особливо за рекою Яиком, в горе, именуемой Атачи, магнитная самая добрая железная руда, которой и пошурфовам явилось великое множество. А к построению железного завода для плавки чугуна отыскано внутри Башкирии, в Карагай-Тамянской волости, речка, впадающая в реку Белую с правой стороны, называемая

Авзян, на устье которой речки в прошлом, 1739 г. генерал-майор Соیمانов, будучи в походе против бунтующих башкирцев, лагерем стоял. Да сыскана другая речка к построению молотовой фабрики для расковки железа, впадающая в Белую ж реку с правой стороны, называемая Тирлянь, она ж Идердень, на которых речках общее с реченным компанейщиком моим Твердышевым желаю построить железные заводы: на первой для плавки чугуна, на второй для расковки железа молотом; понеже помянутая речка Авзян сверх плавки чугуна воды на молота весьма мало имеет, и затем чугун имеет быть вожен на помянутый молотовой завод.

Того ради оренбургской губернской канцелярии покорно представляю и прошу опозволения в постройке мне с компанейщиком моим Твердышевым тех заводов милостивую резолюцию учинить и о том с оной заключить надлежащий контракт на таких же кондициях, как к построению медных заводов заключены, а на построение увольнительного от десятинного платежа времени пожаловано бы четыре года. И именовать те заводы первой Ивановским, понеже со временем, когда оный людьми узаведется, имею я желание построить при том заводе церковь божью во имя святого славного пророка и предтечи и крестителя господня Иоанна, второй—Благовещенским, ибо и на оном желаю построить церковь божью во имя благовещения пресвятой богородицы.

К сему доношению Иван Мясников руку приложил.

Октября 14 дня 1752 года».

Иван Мясников приложил «с божьей помощью» к горе Магнитской тяжелую руку. Когтями хищника выцарапывал он руду. Поздней осенью сгонял Мясников окрестных крестьян возить на санях первопутком руду по три копейки с пуда на свои заводы в Терляне и на реке Белорецкой.

«А были те заводы от горы Магнитской за сто верст, а то и более».

● В 1874 г. оренбургские казаки начали тяжбу с заводчиками за гору Магнитскую, стоящую на их земле.

Мясникова и компанейщика его Твердышева уже не было ни в живых, ни в хозяевах. Гора Магнитская была продана компанейщиками вместе с белорецкими заводами заводчикам Пашковым. Пашковы перепродали гору акционерам «Вогау и К^о». «Вогау» долго тягались с казаками, наконец сунулись в «дело № 36 по прошению компанейщика Ивана Мясникова», нашли там «указ 1719 г., декабря 10 дня, блаженные и вечно достойные памяти государя императора Петра великого за собственноручным его величества подписании», и на основе этого указа суд возложил все расходы по тяжбе на казаков и оставил гору Магнитскую собственностью акционеров «Вогау и К^о».

● В 1917 г. правительство Керенского повело переговоры с заводчиками Японии о продаже им магнитогорских залежей руды.

Переговоры Керенского были приостановлены выстрелом с крейсера «Аврора».

● В октябре 1917 г. первым декретом Советской республики, подписанным Лениным, земля передавалась крестьянам, заводы—рабочим.

Гора Магнитная была отобрана у компанейщиков и стала собственностью республики.

● В годы гражданской войны белоказачьи банды атамана Дутова расстреляли двенадцать коммунистов на том месте, где теперь стоит комсомольская домна.

● В борьбе с Дутовым и Колчаком у горы Магнитной дрались красные партизаны во главе с братьями Кашириными. Тут же, на Атаче, была база боевых отрядов красного командарма, т. Блюхера.

● Владимир Ильич Ленин первым поднял вопрос о создании угольно-металлургической базы на Урале и в Сибири.

Первая пятилетка включила создание Урало-кузбасского комбината в план конкретных работ.

● 15 июня 1930 г. была заложена первая домна в Магнитогорске.

● 1 февраля 1932 г. домна дала первый чугун.

записи о людях и событиях

Она приехала в Магнитогорск с первой партией мобилизованных инженеров. Во всей партии она была единственной женщиной.

Рая ступила на площадку еще в те времена, когда геодезисты разбивали строительные участки колышками. Артель тверских сезонников нарекла ее пренебрежительным именем: «инженер женского полу».

Весной Рая бегала по своему участку в красивых открытых туфельках и выделялась на сером фоне стройки белым платьем.

На работу она ходила как на праздник. В ее маленькой фигурке было так много чисто женского, что даже десятники с опаской следили за ее частыми путешествиями по котлованам.

инженер женского полу

Зимой, когда на собраниях партийной ячейки Раю избрали председателем, казалось, что к столу подходил не человек, а живой комплект верхней спецодежды.

Маленький прораб целиком входил в уральские пимы и полушубок.

Весну 1930 г. Рая работала на стройке домов первого участка.

Два раза в день рабочие видели, как их прораб, немного зардевшись, отходил к палатке, брал из рук няни свернутый, шевелящийся комочек и подносил его к своей груди.

Летом комочек стал взрослее и питался уже преимущественно манной кашей.

Осенью 1931 г. Рая работала на бетонировке бункерной эстакады доменного цеха. На работе приходилось проводить 18-20 часов. На домне были штурмовые дни. Как-то утром «инженер женского полу» поругался с бригадой за качество бетона. Рае пришлось взять из рук бетонщиков длинный шест и показать бригаде приемы шуровки.

Вечером Рае стало плохо. Десятник побежал к начальнику цеха.

В конторе кто-то злобно замахал руками и закричал:

— Вот и штурмуйте с бабами. Эх, ударнички в юбках!

Вечером лошадь начальника цеха увезла Раю, а ночью она родила дочку.

Утром, когда бетонщикам сообщили новость об их прорабе и ее родившемся ребенке, бригада от удивления на две минуты прекратила работу.

— А бабам намного тяжелельче нашего, — сказал моторист.

— А как же, — ответил бригадир. — Вот ежели, скажем, сейчас штурм, то мужику любое дело отложить можно, а им, хоть они и прорабы, никак нельзя. Подошло время родить — рожай. Захотелось младенцу есть — корми. Лежит, наверное, теперь наша Рая и думает: «А какой бетон у меня в колонну лют?» Тут бы прибежать посмотреть, а ей нельзя.

Бригадир замолчал. Моторист посмотрел кругом и крикнул вниз:

— Вы, ударнички, при загрузке ковша дозы соблюдайте! У нас теперь бетон первой марки итти должен.

Через три недели врач разрешил Рае выйти на работу. Снова начались для нее штурмовые дни. И снова, как и полтора года назад, Рае приходилось два раза в день вылезать из котлована наверх и подносить ребенка к материнской груди.

ЛИТВИН ВЗЯЛ ЧЕРТЕЖИ

Площадка была забита двумя тысячами неразгруженных вагонов. Десятки переполненных маршрутов стыли на магнитогорских путях.

В сводках планового отдела кривая выполнения строительного графика уныло ползла вниз. Газеты кричали о транспортной пробке.

Комсомольцы Нижнетагильского завода в эти дни пригнали на площадку срочный заказ.

Для кауперов комсомольской домны пришли долгожданные поднасадочные решетки. Вагоны с решетками третьи сутки стояли на сортировочной.

Клепальщики сидели уже на пятнадцатом ярусе. Кладчики ежедневно устраивали скандалы. Без решеток они никак не могли начать кладку кауперов.

Комсомольцы бегали в заводоуправление, в железнодорожный отдел и на сортировочную станцию. Они просили, требовали и приказывали перебросить к ним вагоны. На все их требования железнодорожники невозмутимо отвечали:

— Транспортная пробка! Научите, как пропустить ваши вагоны через забитые пути, и мы выполним ваше требование, а сейчас вы волнуетесь зря. Потерпите недельку: мы разгрузим составы, выгоним порожняк на магистраль, тогда и пригоним к вам решетки.

Комсомольцы ругались, но брань не помогала. На площадку ежедневно приходили новые маршруты. Транспорт стопорился все больше и больше.

Слесарь Литвин, руководитель комсомольской бригады, подсчитал, что если ждать неделю пригонки вагонов и затем неделю потратить на обрубку ячеек насадочных решеток, то опоздание в кладке увеличится на полмесяца. Вместо того чтобы ждать решеток на домне, он взял чертежи, зубила да молотки и отправился с ребятами к вагонам.

Прямо на платформах он открыл мастерскую. Пока железнодорожники гнали вагоны, Литвин обрубал решетки. Иногда по утрам комсомольцы не находили вагонов там, где они оставляли их вечером, тогда они отправлялись в поиски за решетками по путям.

Шесть дней Литвин ездил с решетками по участкам. На седьмые сутки, когда вагоны прибыли на домну, обрубка была уже закончена.

Поднасадочные решетки сразу же были поставлены на капителии.

Опыт Литвинова быстро обошел комсомольские бригады.

Через неделю монтажники ЦЭС уже шабрили и собирали машинные части прямо на движущихся маршрутах.

Печатное детище магнитогорской комсомолки родилось в мучках. Много сотен километров было исхожено по канцеляриям комбината и типографиям, много тысяч ругательных слов было пересказано, пока наконец комсомольский горком не призвал на помощь «чрезвычайные меры».

— Довольно говорить, — заявило бюро. — 32 дня бродили мы по бюрократическим дебрям, а решениям нашим все нет ходу. Конеч! Магнитогорской организации нужна газета. Без комсомольской газеты трудно нам молодежные ряды перестраивать на боевые темпы стройки, а раз это так, то нужно и действовать по-боевому.

На этом совместном заседании бюро и поста «Комсомольской правды» было принято решение немедленно начать выпуск молодежной газеты.

Двое товарищей тут же получили задание и покинули комнату заседания.

Они подошли к местной типографии поздно вечером.

— Пришли, — сказал первый второму. — Ты следи в окно за поведением заведующего, а я незаметно проберусь к рабочим.

Первый стал у разбитого окна типографии, а второй вошел внутрь.

Первый видел, как второй передавал какие-то бумаги рабочим и потом толковал с ними.

Наконец тот, который вошел внутрь, улыбнулся, наборщики тихо засмеялись и спрятали в наборную кассу белые листочки, которые он им дал.

— Ну, есть, — сказал первый второму. — Через два дня обещают выпустить.

Через два дня секрет ночного путешествия был раскрыт. Заведующий типографией товарищ Толмачев зло смотрел на свинцовые колонки набора и шипел на одного из представителей поста «Комсомольской правды».

— Это анархия! Чорт его знает, чем все это кончится! Да какое вы имели право издавать без моего ведома газету? Я сказал вам, что в нашей разбитой типографии нельзя печатать вторую газету...

— Зачем волноваться? — спокойно возражал его собеседник. — Ты доказывал, что рабочие не в силах выпускать нашу газету, мы тебе доказали другое. Газета уже набрана, сейчас ее спу-

стоят в машину, а к вечеру она будет уже на всех участках. Убеждайся же на деле, что выпуск комсомольской пятидневки возможен, а раз это так, то точка...

Пока заведующий горячился, пока он возмущался, газета перекочевала с реала на машину, и печатник Михайлов начал заправку.

Первого сентября 1930 г. стройка увидела первый номер молодежной газеты, которая именовалась «Комсомольская правда на Магнитострое».

Если бы читатель заинтересовался адресом редакции, то на второй странице газеты, внизу, он прочел бы такое объявление:

объявление

В виду того, что
**КОММУНАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ НЕ ПРЕДОСТАВИЛ
КОМНАТЫ** для жилья и работы поста редакции,

ПРОСЬБА

весь материал посылать местными письмами на почту—до востребования, посту „Комсомольской правды“.

Так начала выходить комсомольская газета на Магнитострое. Целый месяц газета существовала на каком-то полупризнанном положении.

Редакция помещалась в старом ходке¹ и путешествовала на черной кобыле по всем участкам.

Ответственный редактор ночевал на сеновале пожарной команды.

Старый ходок «Комсомольской правды» сделался ежедневным гостем строительных участков, объезжая которые он собирал материал для следующего номера газеты.

Прошел месяц. «Комсомольская правда на Магнитострое» выходила регулярно. Вокруг газеты сколотился актив.

Первого октября седьмой номер вышел под заголовком: «**Магнитогорский комсомолец**».

В номере была напечатана маленькая заметка, которая свидетельствовала об одной из первых побед комсомольской газеты:

¹ Ходок—уральские дрожки.

«Редакция нашей газеты обрела наконец пристанище: мы получили стол в помещении редакции «Магнитогорский рабочий» (4-й участок). Статьи и заметки следует посылать и носить туда».

Прошел год. «Магнитогорский комсомолец» превратился в большую ежедневную газету—рупор двенадцатитысячного отряда магнитогорской комсомолки.

Разбитая типография стала настоящей печатной фабрикой, которая выпускает семнадцать газет и три журнала. Шесть газет выходит каждое утро. Одна выходит днем и одна выпускается ночью. Остальные газеты печатаются через день.

записи об одной ночи

Эти трое суток отобразились в моем блокноте одной исключительной ночью.

Домны вступили уже в предпусковой период. Площадка работала сталинским штурмом. С верхних мостков колошниковой площадки Марнитогорск казался опрокинутым небосводом. Тысячи звезд этого небосвода горели прожекторами и электрическими лампочками на черном покрове ночи.

Котлы экскаваторов тяжело дышали в котлованах, и при каждом подъеме ковша из труб вылетали огневые каскады непрогоревших пылинок угля.

«Ленчи», «форды» и грузовики «АМО» прожигали ночь своими фарами. С колошников саморазгружающиеся быстроходные «ленчи» казались укрощенными хвостатыми кометами.

Эти ночи почти до боли в пальцах просились на страницы очеркистов, но кто вспоминал сейчас об очерках!..

Мы залезли на колошник вовсе не за тем, чтобы писать о каскадах, звездах и небосводах.

Шла вторая ночь нашего непрерывного дежурства.

На первой домне сидела бригада Охотникова. Сам Охотников—бывший красный партизан и комдив, а теперь зампред Стальпроекта; Иван Комзин—старый комсомолец, военный бортмеханик, а теперь инженер-проектировщик; Наум Цванкин—журналист, превратившийся на Магнитострое в строителя; пишущий эти строки—вообще спецкор «Комсомолки», а теперь рядовой дежурный горкома на комсомольской домне. Все эти люди объединились в одной штурмовой бригаде.

Магнитогорск был строительным фронтом, а на фронте все силы считаются мобилизованными. Здесь даже приехавший на неделю академик Ферсман пожелал стать на шурфовку, и стоило много труда отговорить его от этого.

Перед нашей бригадой стояла всего одна задача: не допустить всякими дозволенными мерами и способами простоев на кладке домен и кауперов. Для этого надо было обеспечить кладку бесперебойной подноской сотен тысяч кирпича, следить за электроэнергией, за работой механизмов, за своевременной раздачей обедов и ужинов.

На доменной линии идут розыски монтера. Двадцать минут назад здесь потух свет. Подъемник остановился. Кладчики отводили душу в больших и малых загибах.

Наум Цванкин в четвертый раз взобрался по лесам на колошниковую площадку. Монтера все не было. Кладчики продолжали ругаться. Внизу бегали в поисках монтера бригадиры, десятники и прорабы.

В десять часов пятнадцать минут погас свет в котлованах, на воздуходувке и эстакаде.

В десять двадцать перестал работать замученный вконец телефонный аппарат № 93.

Охотников осветил конторку спичкой.

— Надо ехать,—сказал он.

Мы ощупью спустились вниз и, спотыкаясь, понеслись через котлованы и канавы будущего доменного цеха.

У столовой стояла лошадь.

— За кем приехал?—крикнул в темноте Цванкин.

— За каким-то американским инженером,—ответил кучер.

— Ол райт, якши... Это за нами,—заявил я, ломая и мешая слова английские, узбекские и русские.

— Садитесь,—сказал кучер.

Всю дорогу до управления строительства пришлось ехать молча, ибо говорить по-английски мы не умели, а разговаривать по-русски—значило разоблачить себя в глазах кучера. В заводоуправлении было еще темнее, чем в доменной шахте.

Мы шагали по лестницам и коридорам уверенно, ибо знали, что на третьем этаже, в самой крайней комнате, сидит тот, кого можно было найти в любое время суток на каком-либо участке строительства.

Одним словом, мы шли к Константину Дмитриевичу Валериусу, первому заместителю начальника строительства.

В кабинете Валериуса горела свечка. Начальник ОВЭС¹ сидел против Константина Дмитриевича и оправдывался.

¹ Объединенные временные электрические станции.

— Свет погас в последний раз только затем, чтоб в дальнейшем прекратились простои на домне по вине нашей станции.

— Нельзя ли говорить понятнее?—сказал Валериус.

— Пожалуйста,—ответил начальник ОВЭС. — До сих пор домна питалась у нас электроэнергией на фидере коксохимкомбината. Фидер был перегружен. Любое короткое вышибало на станции масленик, и оба участка оставались без света. Мы решили домну посадить на отдельный фидер. Все уже было сделано, оставалось только включить рубильник, как происходит неожиданный...

— Чего неожиданный?—нетерпеливо говорит Валериус.

— Неожиданный сюрприз. Вечером на линию ушел монтер аварийной бригады и еще не возвратился. Если мы включим рубильник, ток может убить монтера.

— А может ли ток не убить монтера?—спрашивает Валериус.

— Конечно может. Самое трагичное в этом деле то, что мы не знаем, где монтер. Если монтер на столбе, то его убьет; если он на земле, то останется живым. Возьмите ответственность за жизнь монтера на себя, и я включу рубильник. Стройка снова начнет жить.

Валериус молчал. Наконец он снова задал вопрос:

— Посланы ли люди в розыски монтера?

— Конечно посланы.

— Какой ответ?

— Ответа еще нет.

В кабинет влетел дежурный по строительству.

— Константин Дмитриевич,—кричал он,—у моих аппаратов домна скоро оборвет все провода! Звонки раздаются за звонками! Народ кричит, волнуется! Что ответить?

Комнаты гудели от телефонной истерики. Десятки голосов задавали один и тот же вопрос:

— Когда будет ток?

— Сядьте у телефона и отвечайте на вопросы,—сказал Валериус, обращаясь к начальнику ОВЭС.

— Так что же я буду отвечать? Дело не во мне, а в вас. Если вы хотите, чтобы я вдохнул жизнь в лампочки и механизмы, дайте мне приказ убить монтера.

Начальник ОВЭС играл этой фразой. Он повторял ее в эту ночь десятки раз, словно издеваясь над телефонными звонками, захрипшими вопросами прорабов и руганью тысячеголосой армии строителей.

С колошниковой площадки стройка уже не казалась опрокинутым небосводом. Магнитогорск исчез в ночной темени.

С линии пришло сообщение: монтер не найден.

— Ну, включать рубильник или нет?—спрашивал Валериуса начальник ОВЭС.

— Пошлите народ снова на линию. Пусть никто не возвращается обратно, пока не будет найден монтер.

— А в Америке проще разрешают такие коллизии,—заявил кто-то из темного угла.—Там семье монтера выделяют долларов триста или четыреста и убивают монтера, чтобы не терять десятков тысяч долларов на простоях.

— Это в Америке,—гневно зашипел Валериус,—а вы в Магнитогорске. Вместо того чтобы сидеть здесь и давать неумные советы, немедленно отправляйтесь на линию искать монтера. А вместе с ним идите и вы,—сказал Валериус, обращаясь к начальнику ОВЭС.—Кстати, запомните, на розыски монтера вы имеете полчаса. Товарищ дежурный, отвечайте по телефону всем вопрошающим и всем кричащим: свет будет через полчаса. За точность ваших слов отвечает начальник ОВЭС.

На линии шли розыски монтера.

Через тридцать минут после ухода электриков из кабинета Валериуса стройка получила ток.

Только на миг зажмурились рабочие, десятники и прорабы, затем руки мотористов потянулись к рубильникам, и на колошниках закричали:

— Э... э, черти... майнайте!

— Ну, как с монтером?—спросил у нас по возвращении человек из конторки доменного цеха.

Вместо ответа мы неопределенно пожали плечами.

— А как же ток?—испуганно сказал он.

— Довольно приставать к ребятам,—сказал Охотников.—Им сейчас предстоит большая работа, а вы психоложеством занимаетесь.

— Где хотите и как хотите, немедленно доставайте людей на подноску,—сказал он, глядя в нашу сторону.—Пока вы там ковырялись в нервах Валериуса, подносчики снялись в темноте и ушли в бараки.

Мы вышли.

На литейном дворе было пусто. Иван Комзин в охотничьих сапогах, грязном ватнике и фетровой забрызганной шамотом панаме бегал по эстакаде в одиночку с тачкой, снабжая кладчиков огнеупорным кирпичом.

Цванкин искал по строительству вождя магнитогорских субботников, инженера Орлова. На участках Орлова не было; решили поискать его в постели.

— Гостиница!—кричал Цванкин в телефон.—Дайте комнату Орлова!

— Такого у нас нет.

— Как нет?

— Да так и нет. А если не верите,—урчал сонный голос дежурного,—то в список жильцов посмотрите. Я на букву «А» весь список просмотрел и никакого Орлова в нем не заметил.

— А ты, голубчик, на «О» попробуй посмотреть, там Орлов наверное есть.

— На «О» такие действительно имеются,—согласился наконец дежурный гостиницы.—Они в сто десятой комнате проживают.

В 110-й комнате Орлова не оказалось. Он пребывал неизвестно где.

Домна требовала кирпич.

— Крой тогда по комсомольской линии,—сказал Охотников.—У вас вернее дело будет.

Пока я звонил в фабзавуч и механические мастерские учебного комбината, Комзин сбегал в контору Теплостроя и сагитировал на субботник всех счетоводов и машинисток.

Из прибывших конторщиков, фабзайцев и слесарей комсомольцев мы сколотили две бригады подносчиков, и тачки непрерывным потоком понесли кирпич к фурменным отверстиям домен.

Панама Комзина маячила среди тачек.

В два часа тридцать минут ночи у подъемника кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулся.

— Да ответите вы мне наконец: убили монтера или нет?—спрашивал человек из конторы доменного цеха.

Я не знал, что ответить, поэтому снова пожал плечами.

В три часа тачечный конвейер внезапно остановился. На мостках под самой домной стоял человек в полушубке, и тачки вытянулись за ним до самого подъемника.

К человеку в полушубке подбежал Комзин.

— Уйдите с дороги!—закричал он.—Из-за вас работа приостановилась!

Полушубок стоял не двигаясь.

— Уйдите!—снова кричал Комзин.

Полушубок стоял попрежнему.

Здоровый Комзин поднял полушубок и отнес его в сторону. Тачки вновь задвигались. Полушубок разъярился. Он кричал что-то непонятное и лез в драку. Комзин спокойно держал его за ворот и говорил часовому:

— Товарищ, арестуйте его.

Часовой встал рядом с полушубком. Полушубок рвался к домне. Подошел Охотников, и сказал часовому:

— Отпустите арестованного со мной.

Мы пошли в конторку.

— Садитесь,—сказал Охотников.

Полушубок сел.

— А теперь успокойтесь и скажите, кто вы и что вам нужно в доменной шахте.

— Я техник, работал помощником прораба на мартенах. Три дня назад мне прислали из Москвы телеграмму, в которой сообщалось, что жена серьезно больна. Я получил отпуск и три дня искал бухгалтера, чтобы тот наложил резолюцию о выдаче денег. Три дня я ношусь по стройке за бухгалтером и не могу поймать его. Наконец полчаса назад мне сказали, что он суботничает на домне и таскает кирпич. Я сюда за ним, а он под самым моим носом исчез с кирпичом внутри домны. Я стал ждать, когда он вылезет, чтобы не потерять его из виду, а тут подошла эта панама и унесла меня в сторону. Бухгалтер, наверное, опять исчез, а у меня на завтрашний поезд билет уже куплен.

— Вам, товарищ, не стоит волноваться. Завтра вы будете с деньгами и к жене попадете в срок. Но вы поняли хоть теперь, что вы создали затор и простой?

— Конечно понял.

— Ну вот и хорошо,—сказал Охотников.—А за вашим бухгалтером пойдет курьерша и приведет его сюда.

Через три минуты пришел бухгалтер, вытер руки газетой и наложил резолюцию.

— Все,—сказал Охотников.—Езжайте и передайте привет больной жене. Скажите, чтобы она скорее поправлялась и приезжала сюда работать.

Человек в полушубке вышел из конторки. Он подошел к подъемнику, посмотрел на катящиеся тачки и сказал Комзину:

— Мы с вами как будто недавно ругались, давайте забудем об этом. У меня до поезда есть несколько часов свободного времени, разрешите мне потаскать кирпич.

— Таскайте,—сказал Комзин,—только на том месте, где мы ругались, больше не останавливайтесь. Там у нас узловой пункт.

Под утро пришел Валериус.

— Ну как?—спросил он.

— Да как будто ничего,—ответил Охотников.—Кладем предпоследний ряд шахты.

В семь часов на домну пришла бригада мобилизованных комсомольцев. Штурмовики из механических мастерских учебного комбината отдали им свои тачки и ушли в барак.

В восемь часов Комзин пришел с оркестром. Позади оркестра шли на субботник горняки и пожарники.

Оркестр играл на эстакаде. Горняки носили кирпич к домнам под музыку.

В 8 часов 15 минут ко мне подошла группа рабочих.

— Вы здесь кирпичом заведуете?—спросил меня человек с бородой сезонника.

— Не я, но если нужна справочка, я вам ответить сумею.

— Да мне не справочку. Я плотник Мирошко из соцгорода, а это мои гости. У меня нынче сын родился, так я со своими гостями решил вместо выпивки в подарок жене пять тысяч кирпичей перетаскать. Разрешается у вас такое дело или нет?

— Конечно разрешается,—сказал я.—Рукавицы возьмите в конторке, а работать становитесь у комсомольской домны.

Пока я отбирал рукавицы, в конторку прибежал десятник с кауперов.

— Шамот на исходе. Через сорок пять минут будет простой.

— А что раньше делали снабженцы?—крикнул Охотников.

Ругать снабженцев не было времени. Комзин чесал затылок.

— За шамотом?—спросил я.

— Поедем,—ответил он.

Шли третьи сутки нашего дежурства.

По дороге к грузовику нас встретил человек из конторки доменного цеха.

— Узнал,—кричал он,—узнал! Ночью монтера так и не нашли. Начальник ОВЭС включил рубильник, рискуя убить человека. Всю ночь электрики считали монтера погибшим. Представьте себе, утром монтер явился на станцию, как ни в чем не бывало. Он даже не знал, что из-за него поднялась такая паника.

Мы, не дослушав рассказа, садились в грузовик. Домнам угрожал простой. Нужно было мчаться за шамотным порошком.

9 октября, в 2 часа 45 минут, первый горновой Трофим Королев поднес к горну первой домны спичку. Огонь побежал по нефтяному следу, и внутри домны запылал ярким пламенем костер. Из свечей показался дым.

Первая домна стала на сушку.

МИСТЕР РОБИНС СНЯЛ ШЛЯПУ

Сегодня мистер Робинс снял шляпу и склонил свою голову перед «трайлером».

Вчера же мистер Робинс ругался с инженером Бекером и передал ему официальное письмо, которым снимал с себя ответственность за все досадные неожиданности, неминуемые, по его мнению, при подъеме дробилки «трайлер».

Мастер Сорокин уже устанавливал с бригадой т. Осадчего подъемные свечи, когда мистер Робинс, поставив под письмом свою подпись, уехал домой, чтобы быть подальше от греха.

Наутро мистер Робинс снял шляпу. В тот же вечер ко мне пришел товарищ Сорокин, и я записал в блокнот его рассказ о «трайлоре», мистере Робинсе и его шляпе.

«Мистер Робинс ушел, а нам нужно было поднимать собранный «трайлер». Мистер Робинс не верил в то, что мы сможем поднять без порталного крана весь собранный «трайлер» и поставить его на фундамент. А весил «трайлер» 260 тонн, или по старому 15 860 пудов.

Мистер Робинс возражал против подъема всей дробильной машины с самого начала монтажа. Он говорил:

— Устанавливайте ее частями на готовый фундамент.

Мы и сами знали, что устанавливать частями легче, чем весь «трайлер» сразу. Но как устанавливать частями, если фундамента для дробилки еще не сделали? Ждать фундамента не было времени, потому что этим задерживался пуск рудодробильной фабрики, а из-за дробильной сорвался бы пуск не только магнитогорских, но и кузнецких домен, ибо нам нужно в Кузнецк посылать дробленую руду.

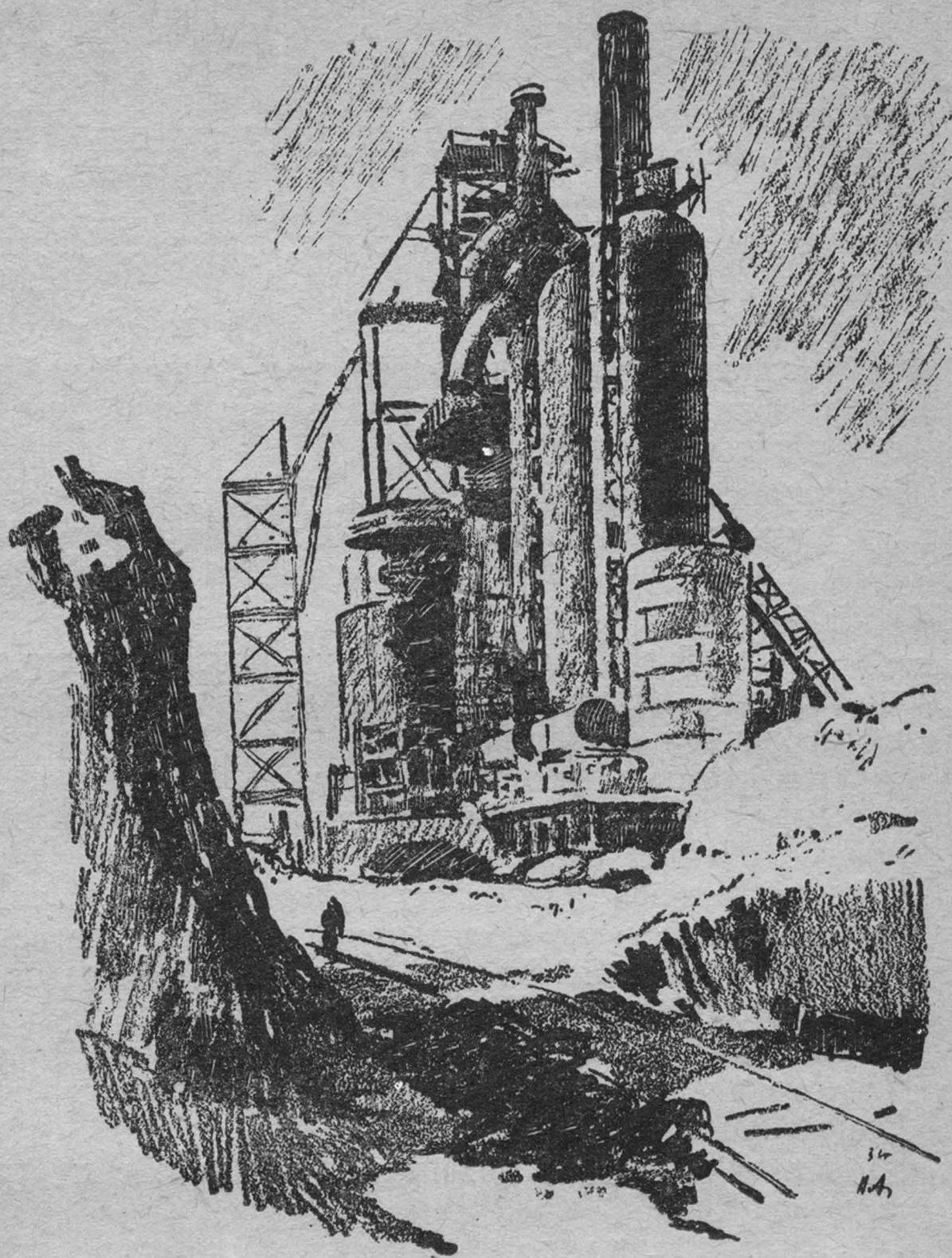
Мы технически подсчитали, что «трайлер» можно поднять собранным; поэтому, пока делали фундамент, мы монтировали дробилку, и задержки не было.

Когда сделали фундамент, мы начали прилаживаться к подъему, а мистер Робинс взял да уехал.

— Вы,—говорит,— сумасшедшие. Вам,—говорит,— нужен доктор, а я—инженер.

Он уехал, а мы в четырех углах «трайлора» поставили четыре свечи и укрепили их расчалками. Расчет у нас был такой,

В «трайлоре» 260 тонн, на каждую свечу падает по 65 тонн. Чтобы у свечей не было никаких отклонений, мы их расчалили по-настоящему мощными таями. Около каждой свечи поставили по одной десятитонной лебедке. Начали зашлагсвывать «трайлер». От лебедки трос пустили через верхний блок свечи

к «трайлеру» и обратно по тому же пути. Трос пустили в семь ниток. Лебедка десятитонная; значит, каждая нитка может поднять десять тонн, а семь ниток каждой лебедки могут поднять через каждую свечу семьдесят тонн. Итак, расчет был сделан правильно, по пяти тонн на каждую свечу оставалось еще в запасе.

Когда подошло время приступить к подъему, у всех нас все-таки скребло под сердцем. Каждый думал: расчет правильный, а что если свечи под нагрузкой дадут отклонение? Тогда давление на все точки свечи будет неравномерное, она рухнет,

а вместе с ней рухнет и «трайлер». Рухнет он под откос горы, и ничего от машины не останется.

Это чепуха, что американец говорит, что мы сумасшедшие и работаем на-ура. На-ура тут ничего не сделаешь. Тут техника и расчет.

Обошли мы в десятый раз расчалки, осмотрели свечи, и я дал команду:

— Вира!..

Я командовал уверенно, потому что в нашей работе нужен производственный риск. Мы, такелажники, верхолазы, и голова у нас кружиться не должна.

Подняли мы за ночь «трайлер», установили его на фундамент, а утром мистер Робинс пришел и снял шляпу. Был здесь фотограф. Он не успел заснять Робинса без шляпы. Так Робинс тогда крикнул ему:

— Не волнуйтесь, заправьте новую пластинку, я сниму шляпу еще раз. Пусть весь мир видит, как Америка склоняет голову перед большевистским упорством».

На этом рассказ товарища Сорокина окончился. Под рассказом Сорокина, руководившего подъемом «трайлора», у меня в блокноте имеется следующая приписка.

«Сорокин родился в 1904 году в Симбирской губернии, Синьгельской волости, в селе Бесштановка. Десяти лет остался без отца, которого угнали в Сибирь. Преступление отца заключалось в следующем. Продавал отец Сорокина лошадь. Просил за нее 25 рублей, давали ему за лошадь 24. Обозлясь, Сорокин-отец бросил серебряный рубль в грязь. На рубле был портрет царя. В обвинительном заключении говорилось:

«За богохульственное действие, учиненное с портретом его императорского...»

В 1921 г. на подъеме подкранового моста сталинградского завода «Красный Октябрь» молодому такелажнику Сорокину из-за неосторожности оторвало пальцы правой руки.

1929 г. Сорокин работал на стройке Сталинградского тракторного. 1930—1931 гг. в Магнитогорске. После окончания Магнитогорского комбината в плане товарища Сорокина стоит «Ангарстрой».

«мобилизация человеческих ресурсов»

В первом квартале 1931 г. в Магнитогорске проживало уже 140 000 человек. Из этого количества работала на стройке только пятая часть. Рабочих на участках нехватало. Магнитогорский

комсомол решил провести мобилизацию «внутренних человеческих ресурсов». По баракам пошли комсомольцы. Пионеры стали предъявлять своим «безработным» родителям требование—немедленно выйти на работу.

В горком комсомола и к прорабам начали поступать заявления. Вот некоторые из них, сохранившиеся у меня:

От жен рабочих
из барака № 6

Заявление

Мы жены рабочих просим принять нас на работу, чтобы иметь возможность строить дома, а не жить в Малмтогорске на хлебных крошках

Дальше следует одиннадцать подписей.

5-й участок, 7-й барак

Список жен рабочих, желающих работать:

Варвара Фоминична Гриценко,
Евдокия Филипповна Кодинцева,
Наталия Петровна Юдина,
Пелагея Васильевна Поплаухина,
Екатерина Алексеевна Финляндцева,
Александра Александровна Сысоева,
Евдокия Васильевна Шебалдина,
Мария Федоровна Соболева и др.

Примечание. У всех этих женщин есть дети, которых надо определить в ясли.

Три сотни жен рабочих, изъявивших желание в течение однодневного опроса пойти немедленно на участки, ставили только одно требование:

— Постройте для детей ясли и площадки. Ребята связывают нам руки.

Строить ясли можно быстро и легко, когда есть хоть несколько плотников. Но где взять плотников, если промышленная стройка тормозится из-за острой нехватки их?

14 мая комсомол собрал рабочих, жены которых записались на работу. Рабочие быстро нашли выход.

Плотник Елецкий тут же сел и написал маленькое заявление:

Заявление

Я обязуюсь выйти в свой выходной день на строительство дет. площадок. Выдвигаясь предложение, чтобы все плотники последовали моему примеру. Этим мы дадим новые сотни рабочих-женщин нашему строительству

плотник Елецкий

В ответ целая бригада плотников прислала в листовку «Комсомольской правды» письмо. 16 мая это письмо было опубликовано.

«Все—на субботник»

Нашему строительству нужно много рабочей силы. Но мы еще не все сделали, чтобы привлечь на производство наших жен и старших детей. Большая задержка вовлечению получается из-за того, что некуда определить наших детей—недостает детских садов и площадок.

Мы готовы работать в наши выходные дни, чтобы помочь скорее построить помещение для детей. Комсомол правильно ставит вопрос, что плотники и другие рабочие должны помочь этому хорошему делу. Наши жены уже частью работают на производстве, но мы должны помнить о других наших товарищах, у которых есть дети.

Мы призываем другие бригады плотников обсудить этот вопрос и выйти на субботник по строительству детплощадок и яслей.

Бригада плотников:

Марков, Маркевич, Симонов, Коханов и др.»

Жена рабочего Постернака из барака № 6, не дожидаясь конца постройки площадки, пришла с мужем к десятнику и сказала:

— У нас в бараке говорили, что вам работники нужны. Так вот я пришла за работой. Не все мужикам робить домны. Женщинам тоже на это дана воля. Ставьте меня в бригаду, буду и я ударничать, домны строить.

разговор документами

(Записи из истории комсомольской домны)
15 октября 1930 года

«ДНЕПРОПЕТРОВСК. ЗАВОД СТАЛЬМОСТ, ЯЧЕЙКЕ КОМСОМОЛА.

БЕТОНИРОВКА ФУНДАМЕНТОВ ВТОРОЙ ДОМНЫ КАУПЕРОВ ПОДХОДИТ К КОНЦУ. МОЛОДЕЖНЫЕ БРИГАДЫ БЕТОНЩИКОВ, ЗЕМЛЕКОПОВ, ТАКЕЛАЖНИКОВ, ЭКСКАВАТОРЩИКОВ ПОКАЗАЛИ ГЕРОИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ КОМСОМОЛЬСКОГО УПОРСТВА. НАСТУПАЮТ МЕСЯЦЫ МОНТАЖА. ЖЕЛЕЗНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ДЕЛАЕТ ВАШ ЗАВОД. КОМСОМОЛЬЦЫ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ШЕФСТВО НАД МАГНИТОГОРСКИМИ ЗАКАЗАМИ, ГНАТЬ ИХ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ.

КОМСОМОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ ДОМНЫ».

Эта первая телеграмма положила начало специальным работам комсомола о строительстве второй домны. Через две недели был получен ответ.

«В МАГНИТОГОРСК. 4 НОЯБРЯ 1930 ГОДА.

КОМИТЕТУ КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЫ.

МОСТОВОМУ ЗАВОДУ СТАЛЬМОСТ ПОРУЧЕНО ИЗГОТОВЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ДЛЯ ДОМЕННОГО ЦЕХА МАГНИТОГОРСКОГО ЗАВОДА. НАД ЗАКАЗАМИ МАГНИТОСТРОЯ ВЗЯЛ ШЕФСТВО КОМСОМОЛЬСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ЗАВОДА. ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ КОМСОМОЛЬЦЕВ ЗАВОД ОБЪЯВЛЕН МОБИЛИЗОВАННЫМ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ. С 18-ГО ЧИСЛА ВЕСЬ ЗАВОД РАБОТАЕТ НА МАГНИТОСТРОЙ. СЕЙЧАС ПО ЗАВОДУ ОБЪЯВЛЕН ПАРОЛЬ—«МАГНИТОСТРОЙ».

СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПРОВОДЯТСЯ ВЫЛАЗКИ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ В ЦЕХИ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ЗАКАЗ, ПРОВЕДЕН РЯД ШТУРМОВЫХ НОЧЕЙ, ВО ВРЕМЯ КОТОРЫХ КОМСОМОЛЬЦЫ И БЕСПАРТИЙНЫЕ МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ В ПРОКАТНЫХ ЦЕХАХ ЗАВОДОВ ИМ. ПЕТРОВСКОГО И ЛЕНИНА НАГРУЖАЛИ НЕОБХОДИМЫЙ МОСТОВИКАМ МЕТАЛЛ. НАЛЕТОМ В ПРОКАТКЕ ВЫЯВЛЕНЫ БОЛЬШИЕ ЗАПАСЫ НЕОТГРУЖЕННОГО МЕТАЛЛА. ПОДНЯТ ВОПРОС ОБ ИХ ОТПРАВКЕ.

СКВОЗНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВАЯ БРИГАДА ВЫСЛАЛА СИГНАЛЬНЫЙ ПОСТ НА ЗАВОД ИМ. ДЗЕРЖИНСКОГО ДЛЯ УСКОРЕНИЯ ОТГРУЗКИ ЛИСТОВОГО ЖЕЛЕЗА И БАЛОК. ПОСТОВЫЕ СОПРОВОЖДАЮТ ЭШЕЛОНЫ С ГРУЗОМ.

ВНУТРИ ЗАВОДА ОРГАНИЗОВАНА СКВОЗНАЯ БРИГАДА ИЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕХОВ КОНСТРУКЦИЙ И ОБРАБОТКИ. В ЯЧЕЙКЕ ОБРАБОТКИ ВЫДЕЛЕНО ПО ОДНОМУ ДЕЖУРНОМУ ИЗ КУЗНИ, РАЗМЕТНОЙ, НАМЕТКИ ДЛЯ КОНТРОЛЯ НАД ПРОХОЖДЕНИЕМ ЗАКАЗОВ ПО ЦЕХУ.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ЯЧЕЙКА ОРГАНИЗОВАЛА БРИГАДУ СЛЕСАРЕЙ ВО ВСЕХ ТРЕХ СМЕНАХ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АВА-

**РИЙ НА МЕХАНИЗМАХ, ОБСЛУЖИВАЮЩИХ МАГНИТОСТРОЕВ-
СКИЕ ЗАКАЗЫ, ТАК КАК МЕХАНИЗМЫ ЗАГРУЖЕНЫ ДЛЯ УС-
КОРЕНИЯ РАБОТЫ ДО ОТКАЗА.**

НА ЗАВОДЕ СОЗДАН ПОСТ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ». ПОСТ ОБРАТИЛСЯ К КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАВОДА С ТРЕБОВАНИЕМ ТОЧНО СОБЛЮДАТЬ ПОРЯДОК СРОЧНОСТИ В ОТГРУЗКЕ. В ЗАВОДСКОЙ ГАЗЕТЕ НАЧИНАЕТ ВЫХОДИТЬ КАЖДЫЕ ДВА ДНЯ БЮЛЛЕТЕНЬ ПОСТА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» И СКВОЗНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ БРИГАДЫ.

С ПЕРВЫХ ЖЕ ДНЕЙ ПРОХОЖДЕНИЕ ЗАКАЗОВ ВЗЯТО ПОД КОМСОМОЛЬСКИЙ НАДЗОР. ВСЕ МЕРОПРИЯТИЯ КОМСОМОЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА ОБЕСПЕЧИВАЮТ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ МАГНИТОСТРОЯ В ДВА РАЗА БЫСТРЕЕ СРОКОВ «СТАЛИ»— ВМЕСТО МЕСЯЦА В 15 ДНЕЙ.

ЯЧЕЙКА ВЛКСМ ЗАВОДА СТАЛЬМОСТ».

Первое возвание магнитогорского горкома в период «первоначального накопления» сил комсомольской домны.

10 февраля 1931 г.

«Товарищи!

Волей партии и рабочего класса воздвигается тут, на уральских предгорьях, невиданный в мире гигант черной металлургии. Цифры магнитогорского гиганта, миллионы тонн выщавляемого чугуна и стали становятся строчками гимна большевистской пятилетке. Цифры магнитогорского гиганта вызывают ненависть врагов и заставляют наполняться гордостью цехи наших фабрик и заводов.

Миллионы кубометров земли сносятся под площадку, сотни тысяч тонн бетона ложатся фундаментом и десятки тысяч тонн железных конструкций становятся скелетом Магнитогорского комбината.

Партия и рабочий класс доверили нам, магнитогорцам, стройку металлургического гиганта, смотрят на нас, комсомольцев как на застрельщиков социалистических форм труда, видят нас бригадирами ударных колонн молодежи.

«Стройка магнитогорского гиганта должна стать делом всего ленинского комсомола», заявил на IX съезде ВЛКСМ товарищ Косарев.

Организацией всесоюзного контроля над магнитогорскими заказами, самоконтрактацией фабзавучников для работы в цехах этого завода ленинский комсомол превращает эти слова в жизнь.

Сейчас магнитогорская комсомолия решила силами молодых большевиков построить одну домну, домну, размеры которой не имеют равной себе во всем мире.

Мы решили обратиться к комсомольцам Советского союза через «Комсомольскую правду» с призывом:

«Товарищи, объявим всесоюзный набор молодых энтузиастов на постройку магнитогорской комсомольской домны.

Комсомольцы котельщики, горновщики и чеканщики, сверловщики, слесаря и клепальщики, монтажники, каменщики и арматурщики, землекопы, молотобойцы и бетонщики! Идите сюда, на леса горы Магнитной, превратить в жизнь наметки пятилетнего плана и воздвигать невиданные в мире цехи социалистического комбината.

Магнитогорский комсомол».

25 мая 1931 г.

Приказ по строительству Магнитостроя

«Ленинский комсомол в борьбе за большевистские темпы на всех фронтах пятилетки доказал свою боеспособность. Страна отметила героическую борьбу молодого отряда рабочего класса, наградив комсомол орденами: Красного знамени и Трудового красного знамени. Магнитогорский комсомол решил строить крупнейшую домну в мире своими силами. Магнитогорские комсомольцы этим решением взяли на себя обязательство показать перед всей страной свое умение сочетать молодой энтузиазм с высокой техникой и дать образцы большевистских темпов на стройке домны № 2.

ЦК комсомола в своем постановлении указал: «Отныне классовая боеспособность магнитогорского комсомола будет проверяться строительством комсомольской домны». Чтобы комсомол мог лучше выполнить взятое на себя обязательство,

приказываю:

§ 1. Магнитогорской конторе Стальмост выделить строительство домны № 2 в отдельную хозрасчетную единицу. В двухдневный срок укомплектовать домну № 2 техническим персоналом, бригадами клепальщиков, сверловщиков и сборщиков из имеющегося комсомольского состава. Прикрепить к домне № 2 механизмы: краны, два ком-

прессора, пневматические молотки, сверлильные машинки и требующееся количество инструмента.

§ 2. Магнитогорской конторе Теплострой подготовить место, механизмы и рабочую силу для приема огнеупорного кирпича для домны № 2. Укомплектовать бригады укладчиков из квалифицированной молодежи, работавшей на кладке доменных печей, одновременно обеспечив бригады кадром опытных руководителей.

§ 3. Конторе механомонтажа сформировать специальные бригады для монтажа газового, водопроводного и холодильного хозяйства.

Начальник Магнитостроя Гугель».

16 июня 1931 г.

«Товарищ Левандовский! Вам надлежит по получении сего не медленно купить железнодорожный билет и ехать из отпуска на монтаж комсомольской домны.

Начальник Свириин».

Эта бумажка прислана нам женой Левандовского с просьбой прохватить в газете начальника Свирина за грубое нарушение Кодекса законов о труде.

При расследовании выяснилось, что это отношение написано самим Левандовским для предъявления жене, дабы на основе такого «юридического» документа вырваться из отпуска на монтаж комсомольской домны.

Эта бумажка, по словам Левандовского, помогла ему.

15 июля 1931 г.

Открытое письмо начальника строительства комсомольской организации Магнитостроя

«Дорогие товарищи комсомольцы!

Всем известно огромное значение участия комсомольской организации в строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Магнитогорский комсомол вместе с партийной организацией все время героически боролся и продолжает бороться за быстрые темпы, за лучшее качество работы, за овладение высшей техникой строительства. В этой борьбе комсомол Магнитогорска показал не мало примеров героизма и умения стойко, с подлинно большевистской напористостью преодолевать встречающиеся на его пути трудности.

25 мая по приказу управления строительством домна № 2 выделена в отдельную хозрасчетную единицу и укомплектована комсомольскими бригадами и комсомольским техническим руководством.

Товарищи комсомольцы! Вы взяли своими силами строить одну из самых больших в мире доменных печей. Первый этап работы, в течение которого в сборке конструкций и монтаже было не мало недостатков, показал однако, что комсомольская организация Магнитогорска вполне окрепла для того, чтобы на стройке второй магнитогорской домны держать экзамен на овладение высотами техники. Во многих случаях на сборке и монтаже железных конструкций комсомольцы домны № 2 далеко обогнали своих старших товарищей с первой домны. Днища кауперов на первой домне собирались в течение 25 часов, в то время как на комсомольской домне при более далекой подноске конструкций сборка продолжалась по 6, 7 и 8 часов. Если на домне № 1 в первые дни монтажа брак заклепок достигал 70%, то на комсомольской домне средний процент брака составил за все время 1,3.

Отдельные бригады комсомольцев сумели показать подлинные примеры героизма и самоотверженности в работе. Бригады тт. Левандовского и Мараховского работали непрерывно на сборке конструкций по 3, 4 и 5 смен. Трудовой подъем на комсомольской домне сопровождается усиленным вовлечением рабочих этой домны в партию и комсомол. Это свидетельствует о том, что, выполняя ответственную работу на производстве, комсомольская организация не оставляет в стороне повседневной политическо-воспитательной работы среди молодежи.

Тот факт, что комсомольская домна вышла по темпам и качеству работ на первое место в сравнении с домной № 1, требует со стороны комсомольской организации Магнитостроя определенных практических выводов. Я считаю ненормальным, что, выполняя одинаковые по техническим трудностям работы, коллективы домен № 1 и № 2 не связаны между собой хорошо организованным социалистическим соревнованием, взаимно не учитывают ошибок и достижений друг друга, не переносят из бригады в бригаду имеющегося и накапливающегося в процессе работы положительного опыта.

Я считаю, что комсомольцы второй домны должны проявить в этом деле инициативу, взяв на буксир коллектив

первой домны. Этот буксир фактически уже сейчас осуществляется. Вследствие запоздания конструкций для домны № 1 комсомольцы второй домны передали первой домне собранные ими в боевом порядке коническую и цилиндрическую части шахты и кольцевой воздухопровод. Воспользовавшись накопленным во время сборки этих конструкций опытом, комсомольский коллектив домны № 2 сумел вдвое быстрее собрать кольцевой воздухопровод для своей домны. Я не сомневаюсь, что и остальные монтажные работы комсомольцы поведут также по-боевому, одновременно помогая монтажу первой домны.

Товарищи комсомольцы! Не сдавая темпов монтажа второй домны, на стройке которой комсомол должен доказать техническую и политическую возмужалость, берите на буксир первую домну. Организуйте здоровое соревнование между двумя коллективами, постоянный взаимный учет достижений и недочетов, общую массовую экономработу, обмен опытом в организации работ, в переводе их на начала строгой плановости и хозрасчета.

Начальник Магнитостроя **Я. Гугель»**

30 июля 1931 г.

«Геносен немецкие монтеры!

Магнитогорские комсомольцы строят своими силами комсомольскую домну. Со своей стороны мы решили смонтировать на ЦЭС турбину на 12 000 киловатт, чтобы дать ток комсомольской турбины комсомольской домне.

Мы обращаемся к вам с просьбой включиться в нашу работу и помочь нам дать к сроку электроэнергию домны.

Комсомольский комитет ЦЭС».

Плакат-обращение к немецким специалистам, списанный в блокнот в машинном зале ЦЭС. Этот документ иллюстрирует, как включались магнитогорские участки в строительный конвейер комсомольской домны.

22 августа 1931 г.

«МАГНИТОГОРСК. КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЕ.

**ПАРОХОДЫ С ОГНЕУПОРОМ ДЛЯ КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОМНЫ
РАЗГРУЖЕНЫ КОМСОМОЛЬЦАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОРТА
В ДВА ДНЯ. ОГНЕУПОР ОТПРАВЛЯЕМ СПЕЦИАЛЬНЫМИ МАРШ-
РУТАМИ. ПЕРВЫЙ МАРШРУТ УХОДИТ В МАГНИТОГОРСК 23-го**

В Сопровождении толкача Григорьева. Эшелон хотим доставить к тридцатому.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОВЕТ СКВОЗНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ НАД МАГНИТОГОРСКИМИ ЗАКАЗАМИ ¹».

Одна из телеграмм, иллюстрирующая всесоюзную помощь ленинского комсомола в постройке комсомольской домны на Магнитострое.

15—20 сентября 1931 г.

«Товарищ часовой! Пропустите 8 ударников фабзавуча, которые идут в свой выходной день работать на комсомольскую домну».

(Подпись неразборчива)

«Препроводительная. Препровождается 15 человек для ликвидации прорыва от механических мастерских в распоряжение комсомольской домны.

Бабкин».

Подлинные отношения, подобранные мною в дни штурма под столом конторки на литейном дворе.

записи о пусковых днях

25 января 1932 г.

В этой угловой комнате еще совсем недавно вели свои споры строители. Сюда прибегали землекопы и бетонщики, тут ругались монтажники. Здесь, в этой комнате, начальник строительства толковал с теплостроевскими инженерами о медленных темпах кладки миллионов штук огнеупора.

Эта угловая комната и все отдельные комнаты конторы были во власти строителей. Землестрой, бетонострой, теплострой и механомонтажники заполняли своей неуемной энергией всю территорию доменного цеха, который несколько месяцев назад еще именовался строительным доменным участком.

Еще совсем недавно здесь, на этом участке и в этой конторе, трудовой подъем измерялся кубометрами, а о чугуне и шихте говорили только как о перспективе.

Первая комната в этой конторе, которую забрали себе металлурги, была угловой. Затем металлурги, осмелев, заняли все остальные комнаты.

¹ Такие советы и посты были созданы на заводах, железнодорожных станциях и лесозаготовках.

Строители ушли на 300 метров западнее и разместились против того участка, где должны будут вырасти доменные печи следующих очередей.

Получился своеобразный конвейер. На первой и второй домнах уже распоряжаются металлурги. На бетонные фундаменты третьей и четвертой домны явились железомонтажники. А строители—землекопы и бетонщики—пошли дальше рыть котлованы под фундаменты третьей пары магнитогорских домен.

В день окончательного ухода строителей и железомонтажников с первой домны проходящая платформа, груженная частями огромного скрубера, снесла половину угловой комнаты металлургов. На этом строительная горячка у подножья и на колошнике первой домны закончилась. Металлурги стали тут настоящими хозяевами.

Сейчас в той самой комнате, где квартал назад кубометр был универсальным и почти единственным мериллом, власть принадлежит новым единицам измерений.

Вот семь уже заведенных журналов. Они лежат на столе начальника доменного цеха. Открываем первый. Этот журнал носит название: «**Запись анализов руды**» и ведет тщательный учет всех партий поступающей руды.

Из этого журнала мы узнаем, что 13 декабря прибывшая в вагоне № 90 руда содержала железа (латинское обозначение «феррум») 63,27%.

30 декабря в руде вагона № 56 феррум составлял уже 65,18%. Глинозема и кремнезема в руде всех партий было не больше двух процентов.

Второй журнал именуется: «**Записи анализов флюсов**» и ведет учет всех поступающих партий известняка. Доменщики регистрируют качество флюсов.

Третий журнал—«**Записи анализов кокса**». Здесь доменщики всего одной сухой цифрой отражают всю ту борьбу, которая идет на восьмой батарее в ударных сменах Голуба, Певзнера и других инженеров за качество кокса.

Доменщики требуют, чтобы в домну шел кокс с кондиционной отметкой «300». Отметка первой пробы магнитогорского кокса не поднялась на барабане выше 195. Кокс был низкого качества. Эту партию кокса доменный цех не принял от коксохимкомбината.

Коксохимкомбинат освоил сложную технику только что пущенной батареи. Из журнала «**Записи анализов кокса**» видно, как улучшалось качество кокса, как оно приближалось к кондиционной отметке.

13 января коксовики уже перешагнули эту отметку. Выдачи коксовых пирогов из каждой печи восьмой батареи день ото дня улучшались, и наконец 19 января кокс дал отметку «335». 21 января восьмая батарея дала партию кокса с отметкой «348».

Сейчас на домне хозяйничают металлурги. Они опробовывают скиповое устройство, воздуходувные машины, водопровод и холодильники. Они тщательно следят за последними производственными маневрами, ибо первая домна накануне загрузки. На завтра назначена первая завалка домны рудой, коксом и флюсами.

Завтра первая домна вступит в эксплуатацию, и эксплуатационники дадут окончательную оценку качества работ строителей.

На столе начальника доменного цеха имеются еще два журнала, в которых пока нет ни одной записи. Эти журналы именуются: «**Журнал записей анализов чугуна и шлака**» и «**Журнал записей анализов газа и дыма**». Первые записи в этих журналах будут сделаны 1 февраля, ибо на 31 января назначена задувка домны.

26 января

Сегодня в 13 часов 12 минут на колошник магнитогорской домны поднялся первый скип, груженный мелким углем.

На колошнике скип опрокинул уголь в засыпной аппарат. Уголь поступил с малого конуса на большой. С большого конуса уголь упал на дно доменной шахты. Началась загрузка первой домны. Первый скип поднял ударник Вербенчук. Кстати, машинист Вербенчук заменяет собой не меньше полутора ста рабочих. Скиповые вагонетки—это последнее достижение доменной техники, которая облегчает труд металлургов. Благодаря тому, что на Магнитострое скиповые вагонетки будут принимать из вагонов-весов дробленую, отсортированную руду и доставлять ее на верх домны, Магнитогорск освободился от труда каталей, рудоломов, возильщиков, таскальщиков и прочих квалификаций рабочих, которые пока существуют на домнах Урала и юга.

27 января

Первую домну продолжают загружать. Уже целые сутки идет ручная засыпка первого слоя кокса, сырого угля и дров. Как только первый слой дойдет до фурменных отверстий, заплечики домны перекроются досками и начнется загрузка скипами.

Скипы уже давно опробованы и ждут только сигнала, чтобы начать настоящую работу. Все бункера эстакады заполнены рудой.

Одновременно с ручной засыпкой первого слоя кокса, который должен играть роль подушки при скиповой загрузке, идет подготовка к эксплуатации на всех подсобных механизмах.

Комсомольский комитет домны организовал на первые дни эксплуатации дежурства лучших бригад слесарей, электриков и водопроводчиков.

За дни загрузки значительно увеличилась выдача кокса из восьмой батареи. 24 января батарея выдала 508 тонн кокса, а 26-го—690 тонн.

28 января

Загрузка первой домны продолжается. Домна встречает свою задувку во всеоружии. Уже испробованы все агрегаты домны. Агрегаты работали исключительно хорошо. Небольшие неполадки оказались только у водопровода и в правой скиповой вагонетке. Неполадки были быстро устранены.

Ручная загрузка домны через фурменные отверстия окончена. Вчера в четыре часа утра началась механическая загрузка скипами. Из-за мелких неполадок на правом скипе окончание загрузки несколько задержалось. Ударное звено комсомольской бригады Колишьяна работало на исправлении скипа.

В час дня на разливочной машине начали испытывать известковое брызгало. В три часа каменщики стали приводить в эксплуатационное состояние литейный двор. В пять часов горновой Буробин испытывал вхолостую пушку Брозиуса, предназначенную для механической забивки чугунной летки. В семь часов вечера температура в кауперах достигла 860 градусов.

В шесть часов утра в холодильниках начала циркулировать вода. Вода идет по сотням трубок и секций, через холодильники горна, заплечиков и фурм. У механизмов домны вместе с металлургами дежурят монтажники.

Пока готовят к задувке первую домну, рядом на комсомольской домне молодые ударники заканчивают монтаж газового хозяйства и кладку огнеупорного кирпича в каупера. В начале июня комсомольская домна должна вступить в строй работающих агрегатов Магнитогорского металлургического комбината.

29 января

Загрузка первой домны окончилась.

30 января

Предпусковая ночь прошла спокойно.

В 11 часов утра начальник строительства стал допытываться по телефону, куда исчез начальник доменного цеха товарищ Соболев.

Скипы с точно вымеренной скоростью доставляли последние порции шихты на колошник и спокойно спускались обратно, горновые заделывали последние фурмы, и даже вице-президент американской фирмы «Мак-Ки» мистер Хейвен перестал бегать по эстакаде и спокойнопил стакан горячего чая.

На домне шли последние часы загрузки. Мистер Хейвен разговаривал сразу со всеми. Хозяйственников он просил дать распоряжение об очистке литейного двора, а газетчикам мистер Хейвен говорил о том, что он удивлен нашими темпами, что инициатива рабочих поражает его и наконец что Америка сейчас не столько учит СССР, сколько сама учится у него.

— Ну, хорошо,—вежливо перебил начальник строительства мистера Хейвен,—предположим, что все действительно обстоит так, как вы говорите, но куда все-таки делся товарищ Соболев?

И снова начались телефонные розыски внезапно пропавшего доменщика. Там, где Соболев мог быть, его не оказывалось, туда, где он никогда не был, просто не звонили, а с квартиры Соболева никто не отвечал.

Так в торжественный день за несколько часов до задувки исчез с горизонта начальник доменного цеха.

Соболев появился так же внезапно, как исчез. В два часа дня он зашел к себе в угловую комнату как ни в чем не бывало.

На вопрос: «Где вы были?» Соболев честно ответил:

— Спал.

— Ол райт,—сказал мистер Хейвен, а переводчик dokonчил:

— Мистер говорит, что раз начальник доменного цеха умудрился за несколько часов до задувки выспаться—значит все в порядке, значит домна спокойно начинает свою металлургическую жизнь.

Когда Соболев, снимая тулуп, вынул из кармана синее стекло, улыбнулся и начальник строительства.

— Раз у доменщика появилось синее стекло,—сказал он,—значит речь идет уже о настоящем доменном огне.

Наконец когда из кармана на стол посыпалось шесть пачек папирос «Сафо», Соболев извинился за такой запасец и между прочим добавил:

— Это на трое суток. Я теперь раньше второго февраля дома не буду.

Два одновременных звонка перебили разговор Соболева. Соболев приложил к каждому уху по трубке. В одно ухо сменный инженер сообщал о последних порциях загрузки, в другое кто-то торопился сообщить всей стройке о том, что сегодня, в день задувки мировой домны, в магнитогорском цирке при уча-

стии труппы «горных орлов Кавказа» назначена пантомима с плясками и выстрелами под названием «Казнь Абрек-Заура».

Все было, как говорится, в порядке. Каждый встречал исторический день задувки по-своему.

31 января

Всю ночь с 30-го на 31-е свирепствовал мороз. Ветер достигал 9 баллов. Всю ночь на первой домне шли приготовления к задувке. Агрегаты уже давно были готовы к эксплуатации. Скиповые вагонетки, загрузив домну до отказа рудой и коксом, вхолостую прогуливались по наклонному мосту. Две турбовоздуходувки третью неделю выбрасывали на выхлоп сотни тысяч кубометров сжатого воздуха. Каупера стояли у домны, пряча в своей груди по 800 градусов тепла. Разливочные ковши весело бегали за танк-паровозами по путям, которые именовались горячими.

Все было готово к пуску, как вдруг... как вдруг с южного водовода прибежал посланник и принес с собой к домне тревожное слово: **авария**. На сорок первом колодце прорвалась вода.

В эту ночь сорок первый колодец внезапно стал знаменитым. Сорок первый колодец ругали, о нем спорили. К сорок первому колодцу шли землекопы, слесаря и прорабы. Собственно, уж не такая большая авария случилась на сорок первом колодце, чтобы кричать о ней и ругаться. На действующих домнах такие аварии считаются заурядными, и о них лишь делают отметки в книге сменных инженеров.

Кто-то из мастеров пробовал дать совет не задерживать пуска и задувать домну на одном северном водоводе, но на него зашикали и послали к домне с приказом остановить подачу воды к холодильникам.

На сорок первом колодце работали аварийные бригады. Землекопы вскрывали весь перегон сорок первого колодца. Они откалывали смерзшиеся комья земли, чтобы добраться к водопроводным трубам. Всю ночь здесь горели костры и люди упорно вгрызались в землю. Через 12 часов на смену землекопам пришли металлисты. Они осмотрели весь перегон сорок первого колодца и начали чеканить водопроводные трубы.

Прошли сутки. Снова наступила ночь и снова свирепствовал ветер. Сменный инженер Герасимов, только утром сменившийся после сорокачасового дежурства, снова решил отправиться на домну.

— Не спится,—сказал он,—хоть и нужно бы отдохнуть перед утренней сменой, да не отдыхается, на домну тянет.

Герасимов пошел к сорок первому колодцу, осмотрел, как шла засыпка зачеканенных труб. На рассвете Герасимов принял свою смену и начал готовиться к задувке.

В 8 часов 15 минут начальник доменного цеха товарищ Соболев обошел с горячей паклей вокруг домны и осмотрел все фурмы. По его следам, тоже с горячей паклей, шел обер-мастер Суховенко.

До задувки оставался час. Слесаря из ударных бригад Бельшева, комсомольцев Литвина и Колишьяна, дравшиеся за боевой монтаж первой домны, в последний раз проверяли циркуляцию воды в холодильниках. Вода, собранная в магнитогорском пруде, совершала сложный путь от Урала, прегражденного плотиной, до кольцевого водопровода первой домны. Она шла через несколько насосных станций, проходила десятки колодцев и неслась под землей вперед, через сложный лабиринт метровых труб. Из кольцевого водопровода вода поступала в сотни трубок, бежала через холодильники и выходила наружу, падая своеобразными фонтанами в нижний кольцевой желоб.

В стороне от домны, чтобы не мешать металлургам готовиться к пуску, стояли строители. Сегодня они пришли сюда за тем, чтобы собственными ушами слышать первый приказ о задувке магнитогорской домны, чтобы быть свидетелями этой минуты.

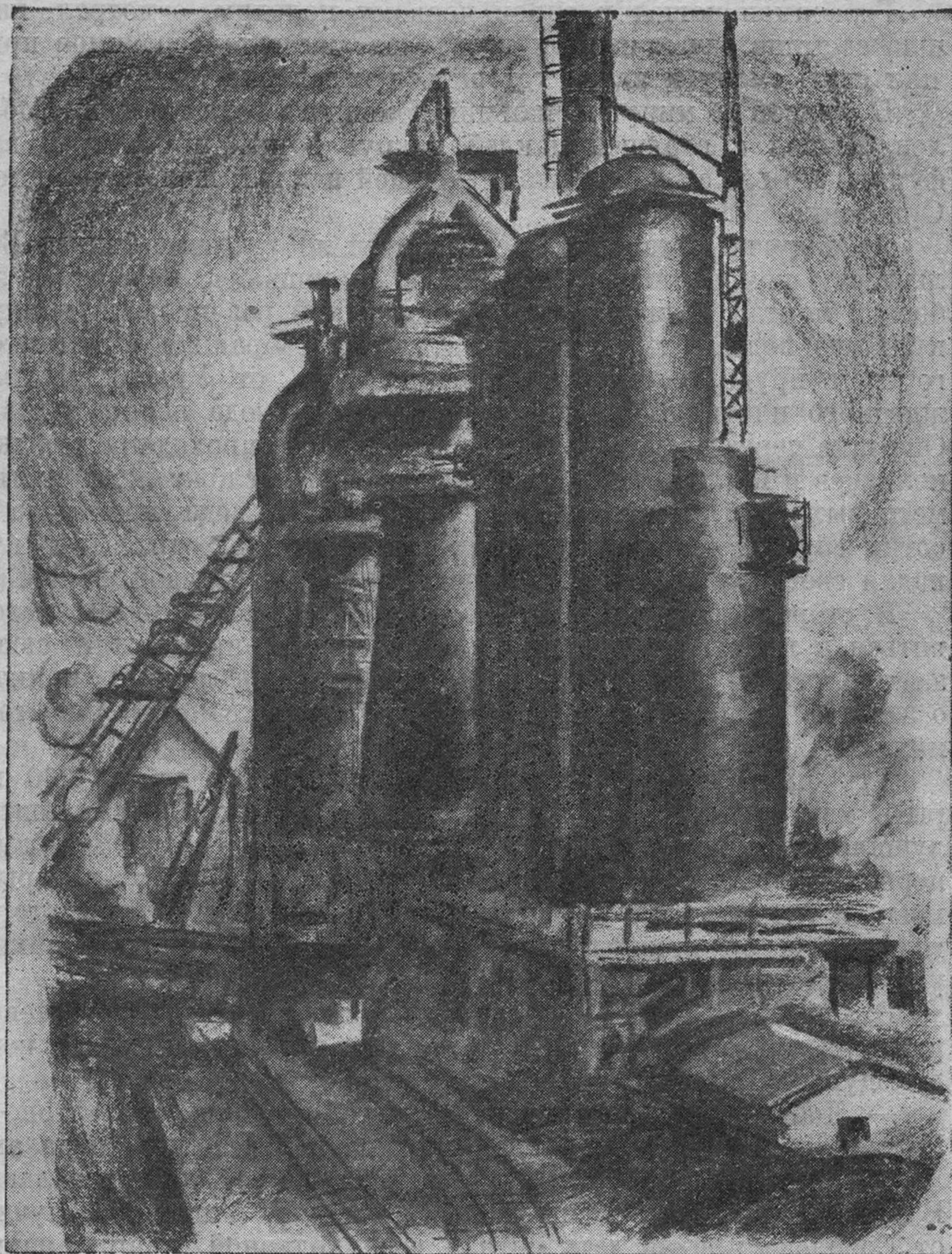
Тут были лучшие инженеры, начинавшие в июне 1930 г. рыть котлованы под фундамент первой домны. Сюда пришли лучшие ударники, клепавшие и собиравшие стальной кожух первой домны. Тут же рядом стоял чуваш Майков, который креп и технически рос вместе с ростом первой домны. Полтора года назад он пришел сюда чернорабочим, а сейчас Майков уже помощник прораба.

В 8 часов 40 минут Соболев зашел в будку сменных инженеров, снял телефонную трубку и соединился с начальником воздуходувной станции.

— Добрый день, Илья Гаврилович, — спокойно сказал он. — У нас уже все готово. Давайте дуть по световым сигналам.

Напряжение росло. Минута задувки быстро приближалась. В 8 часов 54 минуты сменный мастер товарищ Фишенко получил от Соболева приказ дать сигнал воздуходувной станции начинать дутье.

Фишенко подошел к рубильнику. [Сначала он закурил, а затем дал световой сигнал. В 8 часов 55 минут на сигнализационной доске воздуходувки два раза зажглась зеленая лампочка. Воздуходувка немедленно прекратила работу на выхлоп. Турбина делает полторы тысячи оборотов в минуту. Воздухопровод

Заканчивается монтаж домны № 1.

открыт на домну. Тысячи кубометров сжатого воздуха проходят через раскаленное нутро кауперов.

В 9 часов 15 минут горячее дутье с шумом ворвалось через 16 фур внутрь домны. Угольная пыль черными клубами выби-

вается наружу. Мы вбегаем на литейный двор. Вслед за нами вышел член правительственной комиссии по приемке Магнитогорского комбината, инженер Свицин. Он успел обойти домну и сейчас радостно сообщал:

— Дело идет блестяще. Во всех шестнадцати фурмах домны появился огонь.

На литейном дворе уже не было угольной пыли. Внутри домны бушевало пламя раскаленного кокса.

1 февраля

Третья выдача шлака производилась вечером, поэтому красное зарево стояло высоко над домнами и тысячи строителей Магнитогорского комбината из своих барачных корпусов следили по размерам этого зарева за первой выдачей чугуна. Всем хотелось присутствовать при выдаче на литейном дворе. Все на это имели вполне законное право, но для всех на домне не хватало места. Борьба за право присутствовать на первой плавке шла очень активно.

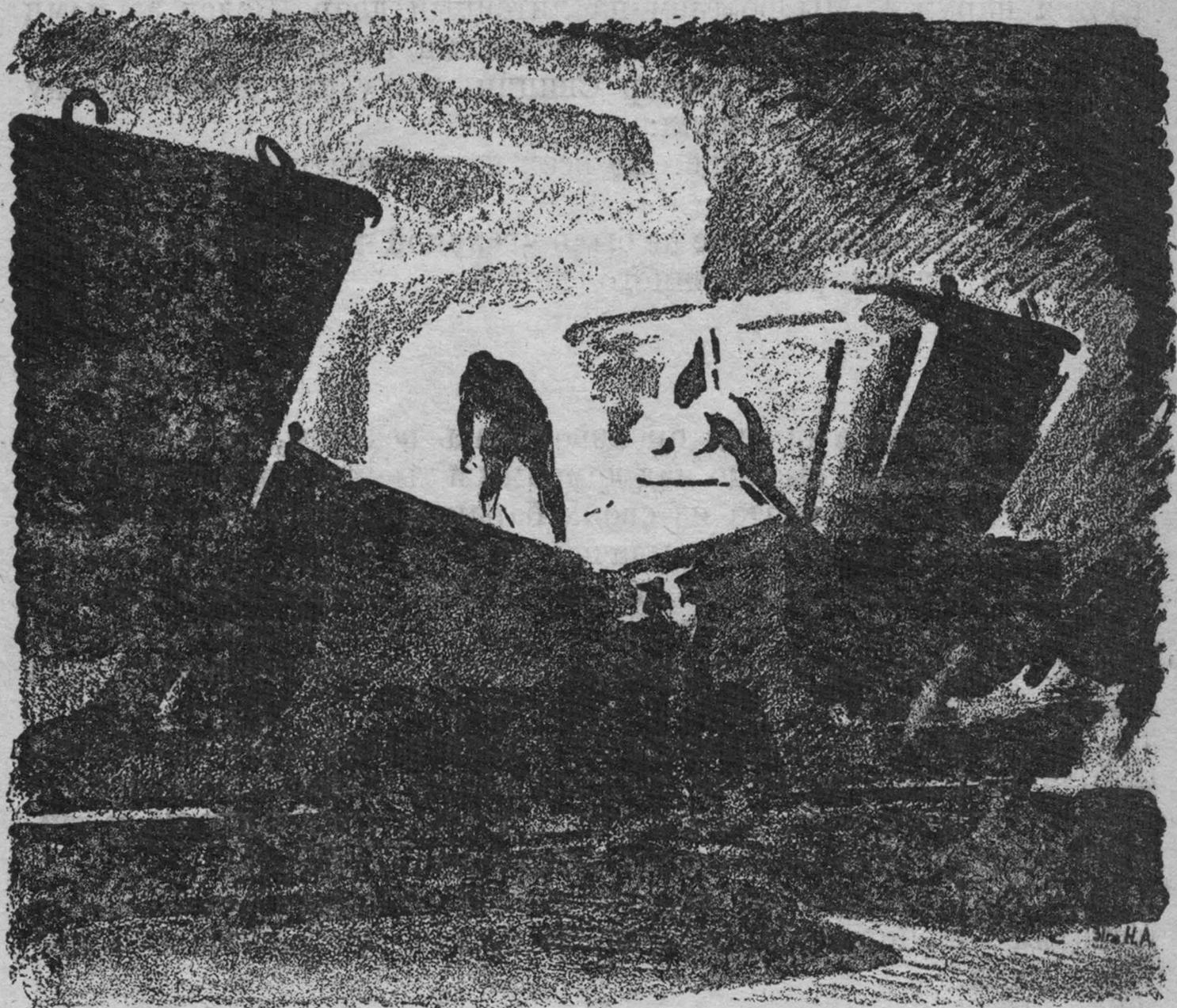
Вот, например, характерный разговор, который произошел только накануне по этому вопросу между заместителем начальника доменного цеха, инженером-коммунистом Уколовым, и секретарем доменной партячейки товарищем Щербина.

— Мне пропуск на первую плавку наконец полагается, — говорил Щербина. — Я, если на то пошло, член доменного треугольника.

— Ну и что же, — отвечал Уколов, — если мы всех имеющих на то право пустим на литейный двор, то куда же чугун выпускать прикажешь? Ты скажи мне, Щербина, если врач делает серьезную операцию, неужели секретарь больничной ячейки обязан присутствовать в операционной?

— Но если врач, — перебил Уколова Щербина, — делает операцию самому секретарю ячейки, то секретарь-то должен же находиться в операционной? Так как же ты не хочешь пускать меня сегодня на домну, если в этой домне мой труд, мои pomysлы, наконец весь я?

Щербина доказал свое право присутствовать на первой плавке и стоял в 19 часов 25 минут по левую сторону выпускного желоба. У чугунной летки прожигали отверстия горновые во главе с Трофимом Королевым, первым горновым смены мастера Уса. Кстати, этот самый Трофим Королев 9 сентября 1931 г. разжег первый костер внутри первой домны, и в этот день домна стала на сушку. Смена Уса работала у домны удивительно организованно. Инженер, мастер, горновые и ковшевые так четко

Ковши жидкого чугуна на путях доменного цеха.

действовали, точно они сегодня получали не первую, а пятисотую плавку.

В 19 часов 30 минут из чугунной летки ослепительным фейерверком ударил в желоб огненный поток первого магнитогорского чугуна. Доменщики, стоявшие по разным сторонам желоба, пожали друг другу руки. Трофим Королев первым подошел к Соболеву, подхватил его, и начальник доменного цеха стал подлетать кверху над огнедышащей глоткой летки.

Раскаленный чугун золотым потоком бежал по желобу, падал в ковши, и капли его искристыми звездами разлетались в стороны.

Через 20 минут в будку сменных мастеров инженер Свицин принес первую пробу остывшего чугуна.

— Литейный, — сказал Свицин, — наивысшего качества, по номенклатуре № 0.

Пока здесь щупали и разглядывали чугуны, внизу раздался гудок танк-паровоза. Машинист дал знать ковшевым о том, что пора двигаться к разливочным машинам. Через час первая партия магнитогорского чугуна уже лежала готовыми чушками в вагонах.

Первая домна магнитогорского металлургического комбината им. Сталина вступила в строй.

В Москве работала XVII Всесоюзная конференция ленинской партии. Шли дни завершающего года первой большевистской пятилетки.

2 июня

32565
МАГНИТОГОРСК. (Молния). Сегодня, в 10 часов 10 минут, началась загрузка комсомольской домны № 2. Загрузка производится исключительно силами комсомольских субботников, которыми руководит бюро горкома.

ма комсомола. Первую бадью углей засыпал в домну секретарь горкома комсомола **Вася Фадеев**. Свыше 200 комсомольцев с 8 час. утра в добровольном порядке работают по подготовке к пуску комсомольской домны.

5 июня

МАГНИТОГОРСК. (Молния). Сегодня в 8 ч. 30 м. по московскому времени старший газовщик **Павленко**, из смены инж. **Адарюкова**, пустил газ в домну. Газ, встре-

тившись со струей горячего воздуха, воспламенился. Таким образом вторая магнитогорская комсомольская домна задута. Через 30 часов ожидается первый чугун.

Исторический очерк
о жизни и деятельности
А. С. Пушкина
в период его пребывания
в ссылке на Кавказе
и в Сибири

В начале 1820 года
А. С. Пушкин был
назначен в чине
подполковника
на службу в
Кавказскую армию
в качестве
начальника
штаба
Кавказского
корпуса

В 1824 году
А. С. Пушкин
был переведен
в чине
полковника
на службу
в Сибирь
в качестве
начальника
штаба
Сибирского
корпуса

222

Содержание

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	5
Справка читателю	10
Дорога в совершеннолетие	21
Речь о горячем слове	33
Рассказ о ведущих шестернях	42
Товарищ Зуев-Мазетов	51
Плотина	62
„Марион“ на хозрасчете	72
Записи из блокнота	88
Записи исторические	88
Записи о людях и событиях	92
Разговор документами	109
Записи о пусковых днях	115

